

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ВГУ»)**

А.П. Бабушкин

О ЯЗЫКЕ, КОГНИЦИИ И ПЕРЕВОДЕ

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

Воронеж • 2024

ББК 81
Б12

Составители и авторы вступительной статьи:

доктор филологических наук,
заведующий кафедрой английского языка гуманитарных
факультетов, декан факультета романо-германской филологии
Воронежского государственного университета

О.О. Борискина;

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка гуманитарных
факультетов Воронежского государственного университета

П.Б. Кузьменко

Бабушкин А.П. О языке, когнитии и переводе : Избран-
ные работы. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – 182 с.
ISBN 978-5-4292-3263-8

Настоящее издание посвящено юбилею известного российского лингвиста, доктора филологических наук, профессора Воронежского государственного университета Анатолия Павловича Бабушкина.

В сборнике представлены избранные работы ученого, отражающие многообразие его научных интересов: теоретические проблемы языкознания, вопросы когнитивной лингвистики, а также проблемы перевода.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, всех, интересующихся проблемами лингвистики и перевода.

ISBN 978-5-4292-3263-8

- © А.П. Бабушкин, 2024
- © Борискина О.О., Кузьменко П.Б.
Составление. Вступ. статья, 2024
- © НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник подготовлен к 75-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора Воронежского университета Анатолия Павловича Бабушкина (род. 16 марта 1949 г.).

Открывает сборник статья О.О. Борискиной и П.Б. Кузьменко, посвященная вкладу А.П. Бабушкина в науку о языке.

В первую часть сборника включены избранные работы ученого по теории языка, вопросам когнитивной лингвистики и теории перевода, в разное время опубликованные в рецензируемых журналах и сборниках научных трудов (г. Москва, г. Воронеж, г. Тамбов).

Вторая часть содержит поздравления А.П. Бабушкину от его коллег, а также их впечатления от совместной работы с ним.

В приложении представлена краткая фотолетопись юбиляра.

О.О. Борискина, П.Б. Кузьменко

**НАУЧНАЯ ОРБИТА А.П. БАБУШКИНА:
ОТ РЕАЛЬНОГО К ВОЗМОЖНЫМ МИРАМ**

16 марта 2024 года отмечает юбилей известный российский ученый, доктор филологических наук, профессор, почетный работник Воронежского государственного университета Анатолий Павлович Бабушкин.

А.П. Бабушкин родился 16 марта 1949 г. в г. Магнитогорске. Окончив в 1971 г. Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков, А.П. Бабушкин некоторое время работал военным переводчиком, затем – преподавателем иностранного языка в г. Магнитогорске. В 1975 г. перешел на работу в Воронежский государственный университет, в стенах которого состоялся как ученый, педагог и администратор, организатор учебного процесса.

Сфера научных интересов проф. А.П. Бабушкина весьма многогранна: исследователя в разное время интересовали проблемы теории языка, семантика языковых единиц, когнитивная лингвистика, языковая игра, а также теория перевода. Педагогическая деятельность Анатолия Павловича неразрывно связана с интенсивной научной работой. В 1983 г. он представил к защите кандидатскую диссертацию на тему «Социальные аспекты лексической системы языка», а в 1998 г. – докторскую «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика». Научным руководителем исследователя неизменно была профессор Зинаида Даниловна Попова, выдающийся лингвист, Заслуженный деятель науки РФ.

Многолетняя научная деятельность А.П. Бабушкина раскрывается на следующих этапах реализации его научных интересов: проблемы лексического значения слова, природа языкового знака, типология концептов, языковая игра. Публикацион-

ная активность Анатолия Павловича позволяет проследить постепенное расширение горизонта его исследовательских усилий, при этом появление нового объекта изучения не означало смену исследовательских интересов, а приводило к новому теоретическому осмыслению полученных ранее результатов.

На первом этапе научной работы А.П. Бабушкина в центре его внимания – социальные аспекты семантики языкового знака. Сопоставляя русскую и английскую политическую лексику, ученый проводит анализ лексем, по денотативному значению не имеющих соотносимого эквивалента в языке перевода вследствие отсутствия в языке перевода соответствующего денотата. Объектом исследований выступает ряд лексем, называющих лиц, занятых на производстве и номинирующих их деятельность. Ученый выясняет, какова динамика социальных компонентов семантики слова [1], проявляет интерес к синонимической абстракции общественно-политической лексики, выясняет её национальную специфику [2].

На этом же этапе исследователь включает в круг языковых фактов, рассматриваемых им с точки зрения компонентов лексического значения, феномен *мисномеров* – явление языка, близкое понятию народной этимологии (например, *butterfly* – *бабочка*, т.н. «слова-ошибки», неправильные словоупотребления и т.д.). Анатолия Павловича в связи с этим привлекла проблема мотивированности языкового знака, которой ученый посвятил ряд публикаций, например [3].

В середине 1990-х гг. устойчивый интерес А.П. Бабушкина к семантике языковых единиц позволил ему увидеть за семным составом слова его когнитивные (концептуальные) параметры. В этот период в центре внимания ученого – проблемы представления знаний в языке с позиций когнитивной семантики. На первый план выходит решение когнитивных проблем с сугубо лингвистических позиций, при этом концепты рассматриваются исследователем не в виде когнитивных процессов, а в качестве основного содержания тех или иных семем. Исследуя семный

состав семемы слова по его лексикографическому толкованию, учёный обнаруживает, что концепты, обозначенные вербальными единицами, являются разными, отличающимися друг от друга структурами. Анализ большого фактического материала позволил автору прийти к выводу о существовании в ментальной сфере человеческого восприятия множества разнообразных концептов, для характеристики которых совершенно недостаточно использование традиционных терминов «понятие» и «представление». В иерархическую систему видовых образований концептов А.П. Бабушкин включает «мыслительные картинки», «схемы», «гиперонимы», «фреймы», «сценарии», «инсайты» [4]. Ученый не ограничивается только однословными номинациями; в равной степени его интересуют фразеологические сочетания разной природы. Так А.П. Бабушкин включается в разработку идеи концептуальной разноплановости единиц, составляющих словарный состав языка.

Подготовленная к защите докторской диссертации монография А.П. Бабушкина «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка» [4] была высоко оценена лингвистической общественностью. И сейчас без малого тридцать лет спустя интерес к идеям ученого не ослабевает: по состоянию на март 2024 г. эту работу процитировали более 2000 раз. Впоследствии типизированные представления в виде различных репрезентаций в формате «мыслительных картинок», «фреймов» и «сценариев» получили отдельное освещение в монографии «Языковая объективация типизированных представлений» (в соавторстве с М.В. Долговой, 2011 г.) [5], а типизированные «ситуации говорения» – в работе [6].

Новый этап деятельности А.П. Бабушкина был отмечен интересом к существующим в семантическом пространстве языка мирам, которые не являются копиями того, что находится в мире реальном. Такие мыслительные пространства получили название «возможных миров», которые понимаются как нечто мыслимое, но не отражающее реальное положение дел.

Учёный разрабатывает типологию возможных миров, выявляет их иерархию, а также выясняет, какими языковыми средствами они регистрируются.

Эти интереснейшие идеи были изложены А.П. Бабушкиным в его монографии «Возможные миры» в семантическом пространстве языка», изданной в 2001 г. [7]. Так же, как и первая монография, эта работа привлекла внимание специалистов и получила высокую оценку главного научного сотрудника Института языкознания РАН Е.С. Кубряковой, выступившей с рецензией на это издание. Называя эту работу «прекрасной книжкой» и отмечая удивительную простоту изложения в сочетании с глубиной анализа, рецензент отмечает, что работа вносит вклад в понимание того, как «мыслит человек и с какими невероятно сложными ментальными пространствами имеет дело его сознание» [8].

Понимание факта, что развитие когнитивных идей вне семиотики невозможно, направляло и подталкивало интерес А.П. Бабушкина к изучению знакового аспекта языка. Освоив фундаментальные труды классиков семиотики, ученый разрабатывал проблемы «упаковки» знака – его материальной субстанции, рассматривал семиотические типы «знаконосителей» и возможные трансформации одного типа знаков в другой. Результаты научного поиска отражены в таких работах, как «Поиск тела знака для наименования концепта» (1999), «Типы языковых знаков в семантическом аспекте» (2005) [9; 10] и ряд других.

К началу 2000-х гг. размышления А.П. Бабушкина о мотивированности / немотивированности языкового знака привели его к проблемам, связанным с языковой игрой. Первая статья о языковой игре вышла в соавторстве с выдающимся отечественным лингвистом, профессором Анатолием Михайловичем Ломовым [11]. А.М. Ломову и А.П. Бабушкину принадлежит около трех десятков работ, посвященных этой проблеме (в том числе подготовленных ими в соавторстве). Анатолий Павлович вспоминает: *«Мне посчастливилось быть соавтором А.М. Ломо-*

ва по серии статей, посвященных проблемам языковой игры, – теме, не совсем обычной для известного отечественного синтаксиста. <...> под затейливую игру слов он умел подвести серьезную научную базу» [12]. В свете языковой игры в разных публикациях учеными были рассмотрены имена собственные, псевдоцитации [13], каламбуры [14], анаграммы, шарады, кроссворды. Кроссворды послужили предметом изучения в одной из их последних совместных статей «Двойная языковая игра» [15]. Эта же проблема освещена в статье А.П. Бабушкина «Ещё раз о «двойной» языковой игре» [16], посвященная памяти выдающегося ученого и коллеги.

Работа А.П. Бабушкина в качестве переводчика не могла не повлиять на его научные интересы. В разное время внимание ученого занимали перевод реалий, фразеологизмов, антропонимов, поэтического и песенного текста («Когда Битлы звучат по-русски», «Перевод поэтического произведения как реализация «возможных миров»), переводы «Алисы в Стране чудес» на русский язык и особенности перевода произведений М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова на английский язык [17–20].

Представить научную деятельность А.П. Бабушкина в виде последовательности определенных этапов весьма непросто. Но, несмотря на смену ракурсов и применение новых методов анализа языка, просматриваются контуры проблем, интересовавших автора в предыдущие годы. Так, судя по названным выше публикациям и некоторым другим работам, проблемы перевода последовательно изучались А.П. Бабушкиным с точки зрения когнитивной лингвистики [21] и проблем возможных миров [22]; проблема возможных миров – с учетом типологии концептов [23].

Постоянная работа с аутентичным материалом, лексикографическими источниками, а также то, что музыканты называют абсолютным слухом (в данном случае слóва) открывают А.П. Бабушкину необычные особенности сопоставляемых языков. Со своими находками, которые служат основой для выступ-

лений, ученый знакомит аудиторию на конференциях, где его всегда ждет успех. В разное время в сопоставительном аспекте ученым были рассмотрены соматизмы, наименования видов человеческой боли, термины родства в непрямых значениях, табуированная лексика, «одежда для ног» и многое другое. Одно только упоминание таких «нерядовых» вещей побуждает обратиться к текстам этих работ [24-26] и удивиться новизне и необычности интерпретаций, предлагаемых исследователем.

Эти и многие другие идеи были конкретизированы в монографии «Когнитивная лингвистика и семасиология» [27], подготовленной в соавторстве с проф. И.А. Стерниним. Ученые рассматривают основные понятия когнитивной лингвистики и соотношение когнитивного и семантического подхода к слову, следуя семантико-когнитивной парадигме, сформулированной в научной теоретико-лингвистической школе Воронежского университета, представителем которой является Анатолий Павлович.

О значительном вкладе А.П. Бабушкина в науку свидетельствуют наукометрические показатели Российского индекса научного цитирования. Ему принадлежит около 300 научных публикаций (из них – 4 монографии), индекс Хирша ученого составляет 18.

Под научным руководством А.П. Бабушкина защитились 5 кандидатских диссертаций по специальностям «Теория языка» и «Германские языки».

Авторитет и научная квалификация Анатолия Павловича востребованы в двух лингвистических диссертационных советах. Тонкий и объективный рецензент, Анатолий Павлович постоянно участвует в оценке представленных к защите диссертаций. Трудно подсчитать количество подготовленных им экспертных заключений; более 30 раз он выступал в качестве официального оппонента или автора отзыва ведущей организации.

Отдельно необходимо сказать об очень важной жизненной вехе Анатолия Павловича – его руководстве кафедрой английского языка гуманитарных факультетов. Её заведующий в те-

чение многих лет решал сложные задачи, связанные с обучением студентов неязыковых факультетов ВГУ иностранному языку. Управление большим коллективом, оперативное взаимодействие с учебными и вспомогательными подразделениями университета и ряд других больших и малых трудностей никогда не влияли на спокойный и выдержанный стиль работы Анатолия Павловича. Его отличает доброе отношение ко всем сотрудникам кафедры, а также внимание и забота, с которыми он относится к молодым ученым.

Настоящий Университетский человек, профессор А.П. Бабушкин и сейчас не оставляет напряженной работы – в числе его каждодневных забот чтение литературы (не только научной), подготовка рецензий, составление докладов на различные конференции, участие в работе диссертационных советов. На столе – страницы новой монографии, зарисовки будущих публикаций. Пожелаем нашему дорогому юбиляру, яркому ученому и замечательному человеку, долголетия, здоровья, оптимизма, реализации задуманного и новых свершений.

Литература

1. Бабушкин А.П. Динамика социальных компонентов семантики слова: (на примере названий человека в современном русском языке) / А. П. Бабушкин, З. Д. Попова // Семантика слова в диахронии. – Калининград, 1987. – С. 26–35.

2. Бабушкин А.П. Синонимическая абстракция общественно-политической лексики: (сопоставительный аспект) / А. П. Бабушкин // Семантические процессы в системе языка. – Воронеж, 1984. – С. 40–44.

3. Бабушкин А.П. Народная этимология и «мисномеры» в свете знаковой теории языка / А. П. Бабушкин // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц : тез. докл. и выступлений на совещании. – Москва, 1991. – С. 18.

4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин ; науч. ред. З. Д. Попова. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1996. – 103 с.

5. Бабушкин А.П. Языковая объективация типизированных представлений / А. П. Бабушкин, М. В. Долгова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2011. – 122 с.

6. Бабушкин А.П., Кузьменко П.Б. Сравнительные обороты как средство активизации звуковой памяти / А.П. Бабушкин, П.Б. Кузьменко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2022. – № 3. – С. 6–10.

7. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин ; науч. ред. З. Д. Попова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.

8. Кубрякова Е.С. Рец. на кн.: [Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж, 2001. – 86 с.]. – Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Воронеж, 2002. – № 1. – С. 278–281.

9. Бабушкин А.П. Поиск «тела знака» для наименования концепта / А.П. Бабушкин // Филология и культура : тез. 2-й Междунар. конф. 12–14 мая 1999 г. – Тамбов, 1999. – Ч. 3. – С. 100–103.

10. Бабушкин А.П. Типы языковых знаков в семиотическом аспекте / А.П. Бабушкин // Вопросы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2005. – Вып. 2. – С. 5–13.

11. Ломов А.М. Языковая мотивированность и языковая игра / А.М. Ломов, А.П. Бабушкин // Эссе о социальной власти языка. – Воронеж, 2001. – С. 120–124.

12. Бабушкин А.П. Слово о соавторе-наставнике / Вспоминая А.М. Ломова (11.03.1935 – 13.05.2018) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2018. – № 3. – С. 147.

13. Бабушкин А.П. Псевдоцитация как вид языковой игры / А. П. Бабушкин // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2013. – № 1. – С. 70–78.

14. Бабушкин А.П. Каламбур как вид языковой игры : механизмы образования / А.П. Бабушкин, А.М. Ломов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2015. – № 1. – С. 16–19.

15. Ломов А.М., Бабушкин А.П. Двойная языковая игра / А.М. Ломов, А.П. Бабушкин // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2014. – № 3. – С. 5–8.

16. Бабушкин А.П. Еще раз о «двойной» языковой игре / А. П. Бабушкин // Филология на стыке научных эпох : сборник статей памяти доктора филологических наук, профессора Анатолия Михайловича Ломова. – Воронеж, 2020. – С. 48–57.

17. Бабушкин А.П. Когда «битлы» звучат по-русски / А. П. Бабушкин // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2004. – Вып. 6. – С. 15–21.

18. Бабушкин А.П. Перевод поэтического произведения как реализация «возможных миров» / А. П. Бабушкин // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2004. – Вып. 1. – С. 79–82.

19. Бабушкин А.П. «Плоды просвещения» на ниве «страны чудес» (в пересказе с английского Б. Заходером) / А. П. Бабушкин // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2022. – № 1. – С. 54–60.

20. Бабушкин А.П. Юмор «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова в английской аранжировке / А. П. Бабушкин // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2023. – № 2. – С. 53–59.

21. Бабушкин А.П. Перевод реалий в свете проблем когнитивной семантики / А.П. Бабушкин, М.Т. Жукова // Проблемы культурной адаптации текста / тезисы докладов международной конференции. – Воронеж, 1999. – С. 11–13.

22. Бабушкин А.П. Перевод поэтического произведения как реализация «возможных миров» / А.П. Бабушкин // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2004. – Вып. 1. – С. 79–82.

23. Бабушкин А.П. Здравый смысл, «возможные миры» и прототипы фразеологических концептов / А.П. Бабушкин // Среди нехоженых путей : сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора А.А. Кретьова. – Воронеж, 2012. – С. 272–280.

24. Бабушкин А.П. Боль в русском и английском языках (сопоставительный аспект) / А. П. Бабушкин // Сопоставительные исследования – 2020. – Воронеж, 2020. – Вып. 17. – С. 24–28.

25. Бабушкин А.П. Русские и английские термины родства в их непрямых значениях: (сопоставительный анализ) / А. П. Бабушкин // Сопоставительные исследования – 2019. – Воронеж, 2019. – Вып. 16. – С. 47–53.

26. Бабушкин А.П. Табуированная лексика и эвфемизмы в языковой практике носителей современного русского и английского языков / А. П. Бабушкин // Сопоставительные исследования – 2017. – Воронеж, 2017. – Вып. 14. – С. 28–32.

27. Бабушкин А.П. Когнитивная лингвистика и семасиология : монография / А.П. Бабушкин, И.А. Стернин. – Воронеж : Ритм, 2018. – 229 с.

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ¹

Знак определяется как материальный чувственно воспринимаемый предмет (явление, событие, действие), выступающий в познании и общении людей в качестве представителя другого предмета или предметов, свойства или отношения предметов и используемый в целях приобретения, хранения и передачи сообщений (информации, знаний), а также компонентов сообщений какого-либо рода [Философская энциклопедия 1962: 117].

Имеется специальная наука – семиотика, изучающая знаки и знаковые системы. Фундамент семиотики как самостоятельной дисциплины заложил американский философ, логик и математик Ч.С. Пирс. Идеи Пирса перенял и развил Ч.У. Моррис, его также по праву считают одним из основоположников семиотики. Свой вклад в развитие семиотики внесли Р. Карнап, логики львовско-варшавской школы (особенно А. Тарский), родоначальник структурализма в языкознании Ф. де Сюзсюр, который был первым лингвистом, независимо от Пирса применившим понятие знака к системному описанию языка (хотя единицу языка – слово – назвал знаком еще В. фон Гумбольдт: «Слово, действительно, есть знак, до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия» [Гумбольдт 1984: 304]).

Семиотика находит свои объекты в различных сферах: в общении животных, жизни растений, изобразительном искусстве, музыке, архитектуре и т.д., но непосредственным предметом ее изучения являются организованные в систему знаки [Степанов 1983: 5]. Танцы пчел, дорожные указатели, азбука Морзе, химическая символика, лычки и звезды на погонах во-

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2005. – Вып. 2. – С. 5–13.

енных, язык жестов, народные обряды – все это примеры семиотических систем.

Ч.С. Пирс разделил знаки на три категории: знаки-иконы, знаки-индексы и знаки-символы.

Икона – это знак, отсылающий к обозначаемому объекту в силу своих свойств. Иконы, по терминологии Ч. Пирса, – '*квали-сайны*' (где '*квали*' – усечение от английского '*quality*' – качество, '*сайн*' – английское '*sign*' – знак). Икона похожа на вещь, которую она обозначает. Примерами икон могут быть фотографии, так как они в точности подобны представляемым с их помощью объектам, различные чертежи, географические карты. Алгебраические формулы также являются иконическими знаками – они показывают отношения между некоторыми затрагиваемыми величинами [Пирс 2000: 205]. Пирс относит к иконам (идеографам) все примитивные виды письменности, например, египетские иероглифы.

Индекс – это знак, отсылающий к объекту, который он обозначает, по той причине, что находится с этим объектом в непосредственной связи, но, как правило, не требует сходства с ним. Походка человека, идущего вразвалку, указывает на то, что он моряк; кривые ноги другого человека и атрибуты его одежды – гетры и бриджи – свидетельствуют о его принадлежности к профессии жокея; часы, висящие на стене, указывают время дня; буквы, используемые для обозначения элементов конструкций, изображенных на диаграммах, Полярная звезда, указательный палец – все это примеры индексов [Пирс 2000: 212].

Символ, по Пирсу, – это '*легисайн*' (в корне данного слова заключено латинское *Чех* ('*legis*') – закон). Пирс считает символ подлинным знаком, так как он осуществляет свою функцию, не имея сходства или аналогии с чем-то другим и независим от какой-либо связи с ним. Символ становится знаком в силу привычки или правил, принятых языковым сообществом.

Следует особо подчеркнуть идею Пирса об отсутствии резко очерченной границы между типами знаков: составной элемент символа может быть индексом и может быть иконой; существует лишь преобладание одного знака над другим [Пирс 2000: 213].

В языковом знаке, представляющем собой единицу особой семиотической системы, различают означаемое и означающее (оба термина были введены Ф. де Соссюром в 1911 г.). Означаемое – это содержательная сторона языкового знака, означающее – его формальная сторона.

Ч.С. Пирс разграничивает «материальные качества» означающего любого знака и его «интерпретацию», под которой понимается означаемое. Для Пирса знак – это «репрезентамен», и само слово, образованное от английского глагола *'represent'* – представлять, подсказывает репрезентативную функцию знака: «репрезентамен» суть нечто, обозначающее что-либо для кого-нибудь в определенном отношении или объеме [Пирс 2000: 177], тогда как «интерпретанта» – мысль, вызываемая знаком.

Идея материальности знака придает отличительный характер пирсовскому пониманию знака в отличие от соссюрковского, хотя некоторые исследователи указывают на определенную непоследовательность Пирса в трактовке материальности знака [Пирс 2000: 47–48]. Как известно, по Ф. де Соссюру, знак – это двусторонняя психическая сущность, а связь, соединяющая означаемое с означающим, является произвольной [Соссюр 1997: 99].

В своем учении Пирс говорит не только о знаках естественных, природных, но и о знаках языковых. Однако первым ученым, увидевшим, что типология Пирса может быть полностью использована для анализа знаковой системы языка, был Р.О. Якобсон, который считал: будь работы Пирса в свое время широко известны научному сообществу, «они, несомненно,

оказали бы ни с чем не сравнимое влияние на развитие лингвистической теории в мировом масштабе» [Якобсон 1983: 103].

Творчески развивая теорию Пирса, Якобсон уделяет особое внимание иконическим знакам на фонологическом, морфемном, лексическом и синтаксическом уровнях языка, а также индексальным знакам [Якобсон 1972: 95].

Тем не менее, считаем, что, с семиотической точки зрения, языковые знаки изучены недостаточно полно. В этой связи новая перспектива открывается исследованиями, сопряженными с когнитивным подходом к семиотическим феноменам, который был инициирован Е.С. Кубряковой, перенявшей эстафету от своих предшественников – Пирса и, главным образом, Якобсона.

Е.С. Кубрякова указывает, что на пути простейшей типологии (икон, индексов, символов), проводимой по субстанции, которая является знаконосителем, можно понять не только особенности языковых знаков, но также их интенциональную природу – языковые знаки специально используются для передачи значения, в то время как естественные знаки (например, следы на песке) такого назначения не имеют.

Признавая идею телесности знака в качестве одного из важнейших положений семиотической теории, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что именно Якобсон четко отделил в знаке его материальную сторону от идеальной.

Материальность, субстанциональный характер знака, наличие у него собственного «тела» – это такое же неотъемлемое свойство знака, как и передаваемое им содержание, и этой стороне знака надо уделять не меньше внимания, чем его значению [Кубрякова 2004: 436].

Переходя к анализу второй стороны знака, его означаемого, Е.С. Кубрякова пишет: «Думается, что, с современной точки зрения, вопрос о значении знака должен быть сформулирован как вопрос о том, какое концептуальное или когнитивное образование подведено под «крышку» знака, какой квант инфор-

мации выделен телом знака из общего потока сведений о мире. Ведь в самом общем виде значение знака может быть, по всей видимости, определено как «концепт, связанный знаком» [Кубрякова 2004: 498]. В этом высказывании под метафорическим выражением «крыша знака» имеется в виду не что иное, как его материальная сущность.

Наша работа посвящена выявлению типологической фактуры языковых знаков, по-разному организованной информации, содержащейся в знаковой материи, в самом «теле» знака, если эта информация каким-то образом интерпретируется, изучению потенции разных типов знаков в той или иной мере отражать (или не отражать) означаемое, а также возможности трансформаций одного типа знаков в другой.

I

В литературе вопроса неоднократно отмечается иконический характер звукоподражательных слов. См., например, [Соломоник 1995: 264–273; Языкознание. Большой академический словарь 1998: 165].

Звукоподражание (иначе – ономотопея) – отражение в слове некоторых звуковых качеств означаемого – это часть известной проблемы соотношения предмета и его имени, которая уходит своими корнями в глубокую древность, в эпоху спора между «натуралистами» и «конвенционалистами». Если «конвенционалисты» настаивали на отсутствии связи между именем предмета и его сущностью, а значит – на условном характере языка (теория «тесей» – «по положению», «по установлению»), то «натуралисты», наоборот, видели в названии вещи отражение несомного ею смысла (теория «фюсей» – «по природе»).

Некоторые авторитетные лингвисты не отрицают факт возможного участия звукоподражаний в процессе становления человеческой речи, хотя известно резкое неприятие данного тезиса советской языковедческой наукой [Реформатский 1955: 349].

По мнению К. Бюлера, критические насмешки, направленные против определенной роли звукоподражания в происхождении языка, спокойно можно парировать вопросом, в состоянии ли тот или иной критик сказать в противовес что-нибудь более разумное [Бюлер 2000: 190].

По Бюлеру, язык изначально делал шаги в направлении «живописания», а затем остановился на перепутье и пошел развиваться в другом направлении. Он не был бы языком, если бы в нем присутствовало когерентное, эффективное поле живописания (а это значит, что роль звукоподражания нельзя преувеличивать). Однако в структуре языка имеются определенные зоны и определенный простор, в пределах которых живописание возможно [Бюлер 2000: 179].

В языке содержатся не только непосредственные подражания гамме природных звуков, но имеются также «звуковые картинки», запечатленные в корневых основах именных и глагольных лексем.

В предлагаемую классификацию ономастопей можно включить: подражания звукам, производимым человеком (*бурчать, верещать, кряхтеть, пыхтеть, храпеть, цыкать, чихать, шмыгать*); подражания звукам и шумам внешнего для человека мира, включая явления природы (*бухать, греметь, журчать, хрустеть, шуршать* и т.д.); уподобления работе механизмов и машин (например, *тикать, бибикать*), подражания звукам, которые издают насекомые, птицы и животные (*ворковать, каркать, мычать, мяукать, хрюкать*) и т.д., хотя данная группировка звукоподражаний весьма условна.

Необходимо помнить, что отражение голосом не просто «фотографирует» звуки – их проявления озарены человеческим сознанием. «Они в той же степени подлинны создания человеческого ума, взлеты человеческого воображения, как и все прочее в языке. Они непосредственно не порождены природой, а только внушены ею и как бы играют с ней» [Сепир 1993: 31]. См. также [Торопцев 1985: 104].

Однако все ли звукоподражательные слова проявляют иконические признаки, во всех ли случаях ономастопей означающее совершенно прозрачно «вторит» звуком означаемому? Если в глаголах *'шипеть'* и *'кудахтать'* ясно проявляется эффект звукоподражания, то «звуковую картинку» в существительном *'бык'* может распознать только специалист в области этимологии.

Возьмем, к примеру, лексему *'топор'*. На славянской почве слово *'топор'* объясняется как производное от древнерусского *'тети'* (1 лицо ед. числа – *'тету'*) – бить, колотить (ср. с русским *'топать'*) и суффикса *'-ор'*, который в некоторых родственных славянских языках используется для обозначения признака орудийности (как в чешском *'sochor'* – лом) [Черных 1994].

По историко-этимологическому словарю современного русского языка слово *'клякса'* восходит к немецкому *'Hecks'* – пятно, клякса; по-немецки *'klecken'* – пачкать (в то время как средневерхненемецкое *'klac'* – треск). Очевидно, треск пера сопровождал образование клякс. П.Я. Черных иллюстрирует этот феномен цитатой из рассказа А.П. Чехова «Канитель»: *Перо на букве «Д» взвизгивает и дает большую кляксу* [Черных 1994: 405].

Предполагается, что в слове *'бубен'* также заложен индоевропейский корень от звуков, производимых ударным инструментом.

В.И. Даль объясняет слово *'сверчок'* имитацией звуков, издаваемых этим насекомым. Сверчок способен *'свищать'*, *'свирищать'*; он *'сверчит'*, *'свиристит'* и *'цирюкает'*, отсюда и варианты его названий: *'циркун'*, *'цвиркун'*, *'цирюкан'*.

К звукоподражательным относят слова *'грач'*, *'пчела'* и некоторые другие, «имитационный» характер которых уже не прослеживается.

Приведенный фактический материал, с одной стороны, иллюстрирует иконические характеристики ономастопей, заключающиеся в фонетически мотивированной связи между

фонемами, формирующими план выражения слова и заложенным в основу номинации акустическим признаком денотата, а с другой, представляет абсолютное забвение (на синхронном срезе языка) иконической природы слов, их конвертизацию в знаки-символы.

II

Вспомним, что индекс в трактовке Пирса – это знак, отсылающий к своему объекту не вследствие какого-то ему подобия, общих с ним ассоциаций, а на основе динамической (пространственной) связи с конкретным объектом, а также с чувством и памятью человека, для которого он служит знаком [Пирс 2000: 219].

В качестве индекса может быть использован указательный жест (*Вон там огонь*) или индексальный языковой знак, сообщающий об огне на расстоянии тысячи ярдов *отсюда*. Слово '*отсюда*' будет служить в качестве индекса, так как обладает той же силой, какой наделен указательный палец, когда огонь находится где-то вблизи [Пирс 2000: 219].

К индексам относятся указательные местоимения '*этом*', '*том*', '*те*', устанавливающие реальную связь между разумом и объектом, на котором разум сосредоточен, относительные местоимения '*кто*' и '*который*', также (как и в случае с указательными местоимениями) требующие наблюдательной деятельности человека и направления его внимания на предшествующие слова в речи говорящего. К этой категории относятся притяжательные местоимения, указывающие на принадлежность чего-то кому-то, неопределенные местоимения '*каждый*', '*все*', '*никакой*', '*ни один*' и т.д. [Пирс 2000: 208–210]. Безусловно, что индексальной природой обладают и личные местоимения.

Местоимение 1-го лица ед. числа обозначает лицо, говорящее про себя '*я*'. Русское '*я*', английское '*I*', немецкое '*Ich*' соотносятся со своими объектами по установленному правилу, проявляя при этом символические качества. Вместе с тем лич-

ные местоимения связаны со своими объектами индексально, указывая на того, кто говорит сейчас. На этом основании местоимение 'я' относится к индексальному символу. Якобсон цитирует Б. Рассела, писавшего, что такие знаки никогда не относятся сразу более чем к одному предмету. Каждый человек называет себя 'я', а обращаясь к собеседнику, он именуется местоимением 2-го лица ед. числа: 'ты' (хотя указанный таким образом субъект также «эгоцентричен»). В отношении личных местоимений Р.О. Якобсон, вслед за О. Есперсеном, предложил употреблять термин «шифтеры» (от англ. 'shift' – перемещать, передвигать, переносить). «Шифтеры» отличаются от всех других компонентов языкового кода только своей обязательной ссылкой на данное сообщение [Якобсон 1972: 98].

К индексальным знакам относятся также определенные и неопределенные артикли.

С нашей точки зрения, к индексам можно причислить и слова-междометия. Междометия определяются как речевые знаки, слова-сигналы, употребляемые для кратчайшего выражения реакции человека на различные события реальной действительности или для выражения требования, желания, повеления (*Ой! Ах! Ну! Чу! Марш! Стой!* и т.п.).

Различают произвольные выкрики человека, естественные проявления эмоций (смех, слезы, стон) и междометия как таковые. Кашель может означать простуду, но значением ни кашель, ни стон не обладают, так как в этих случаях сложный процесс коммуникативного кондиционирования не имеет места [Стивенсон 1985: 129–130]. Только междометия являются лингвистическими сущностями, а естественные проявления эмоций должны изучаться другими науками.

Очевидно, эту зыбкую границу между естественными проявлениями эмоций и междометиями не смог провести А.А. Потебня, уделявший междометиям достаточно пристальное внимание. Ученый называл междометия «рефлексами волнения души», полагая, что они полностью свободны от значений.

Несостоятельным оказался и тезис Потебни о невоспроизводимости междометий в речи. По его мнению, они каждый раз создаются заново. По этому поводу И.С. Торопцев пишет: «Всякий русский, произнося междометие 'увы' выражает чувство сожаления и без всякого сомнения воспроизводит это слово» [Торопцев 1985: 101]. Нельзя считать междометия единицами, не способными передавать значения. Совершенно освободиться от сознания и воли невозможно. Неучастие воли и сознания в актах речи – иллюзорно в виду ее автоматизма.

Одновременно «работу» мысли в междометиях не надо гипертрофировать. Ч. Стивенсон ввел в научный обиход понятие «эмотивное значение», проявляемое в оппозиции «стимул – реакция». Эмотивным считается такое значение, при котором реакцией (с позиции слушающего) или стимулом (со стороны говорящего) является определенная гамма эмоций. Классификация эмотивных значений осуществляется в зависимости от видов эмоций. По убеждению Стивенсона, эмотивное значение – это видовое ветвление родового понятия «значение» [Стивенсон 1985: 132].

Таким образом, сегодня не отрицается тот факт, что междометия наделены значениями, следовательно, они имеют знаковый статус (так как семантика – главная составляющая часть семиотики).

Известно, что междометия не называют эмоций, а только указывают на них. Индексальную природу междометий прекрасно подметил А.А. Потебня. Он сравнил междометия с показаниями часовой и минутной стрелки на циферблате часов, когда их позиция на цифре «12» не значит 12 часов, а только указывает на конкретное время, или когда жар, скорость и медленность пульса не означают болезнь, а только служат ее признаками для врача [Потебня 1993: 70]. Именно к дейктическому полю языка относил междометия К. Бюлер [Бюлер 2000: 271].

Отмеченная психологами-когнитивистами прототипичность эмоций отражается на определенной типизации междо-

метий как индексов эмоций, при этом один сигнал невозможно заменить на другой.

Прав Ч. Стивенсон, говоря: «Когда актриса к месту произносит слово увы это усиливает переживания зрителей. Большое впечатление производят на зрителей ее жесты, интонация, а также представленная в пьесе ситуация. Нельзя пренебрегать и привычной реакцией зрителя на слово увы. Представим себе, что актриса приучила себя, каких бы трудов ей это ни стоило, сохраняя все те же трагические жесты и интонации, вместо увы говорить ура. Тогда сцена превратится в грубый бурлеск – настолько нелепым и насильственным будет столкновение между привычной реакцией на слово ура и тем, как оно произносится» [Стивенсон 1985: 131].

Междометия наряду с другими языковыми единицами входят в словари, и, поскольку «каждое слово уже обобщает», они выступают как знаки-индексы «усредненных», нивелированных чувств и эмоций, которые носители языка проявляют в привычных жизненных ситуациях, продиктованных общностью социальной жизни.

По Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой:

Ах! – выражает удивление, восхищение или испуг;

Ой! – знак испуга, удивления, боли;

Ба! – выражает удивление;

Эге и Э-ге-ге! – употребляется при обнаружении чего-нибудь важного или неожиданного, в значении: 'вот оно что!' 'вот оно так!';

Караул! – крик о помощи при опасности;

Ура! – боевой клич войск при атаке, а также восклицание, выражающее восторженное одобрение.

Справедливости ради, отметим, что графическая презентация одного и того же восклицания на деле может соответствовать выражению разных состояний и настроений индивида. Например, 'Ой' в одном случае соотносимо с чувством удив-

ления, в другом – растерянности, в третьем – боли, и, наконец, в четвертом – с чувством восторга. Поэтому при объективации междометий в устной речи особую роль играет интонация, индущированная конкретными обстоятельствами, что в определенной мере отличает междометия от других знаков языка.

Заслуживает внимания тот факт, что, кроме однословных выраженных (*Ах!, Ох!, Ау!*), имеются междометия, состоящие из двух и более компонентов. Не утрачивая индексальных характеристик, но подвергаясь переосмыслению, такие конструкции сближаются с идиомами: *Ясное море!* (индикатор удивления); *Японский городской!* (эвфемистический индекс чувства досады, раздражения, реакция на что-то неожиданное или странное). См. другие примеры:

1) – *Купил!.. Лошадь-то... Мать честная!* (Зоценко М.М. «Беда»);

2) *Ох ты, мать твоя курица! – захохотал Евграф Подпряттов, человек богомольный, со словом осторожный, восхитясь Савельевым рассказом (Леонов Л.М. «Барсуки»);*

3) *Матвей Костиевич с ужасным, хриплым непонятым возгласом: «Ах ты, Сибирь нашего царя!» – одним ударом отправил унтера Фенбонга головой в дальний угол кабинета и, склонив широкое темя, как разъяренный вол, кинулся на солдат (Фадеев А.А. «Молодая гвардия»).*

Образность многокомпонентных междометий предписывает некое уподобление означаемого вторичному означаемому, аналогично процессу, происходящему в метафорах [Якобсон 1983: 113], и это позволяет говорить об иконических индексах как о своеобразном подвиде индексальных знаков.

Таким образом, сделана попытка расширить бытующие представления о знаках-индексах путем отнесения под их рубрику междометий. Вместе с тем на новом материале получено подтверждение идеи Ч.С. Пирса о возможном переходе одного типа знаков в другой. Наряду с отмеченными Якобсоном индексальными символами речь может идти об особом подвиде

индексальных знаков – иконических индексах, которые, с нашей точки зрения, также имеют право на существование.

III

В семиотическом плане символ как один из видов знаков противопоставляется иконе и индексу. Основанный на конвенциональности, он никаким образом не отражает природу означаемого.

«Символ есть знак, который отсылает к обозначаемому или объекту в силу закона., действующего так, чтобы интерпретировать символ как отсылающий к этому объекту» [Пирс 2000: 186].

Пирс относит к символам любые слова (например, *давать, птица, свадьба*). С его точки зрения, символ применяется к чему бы то ни было, что способно воплощать идею, «связанную» словом. Однако сам по себе символ не идентифицирует эту вещь и не представляет нашему взору акт передачи, имплицитруемый словом '*давать*', или церемонию бракосочетания, которую обозначает слово '*свадьба*', но предполагает, что человек может представить все эти вещи и ассоциирует с ними соответствующие слова [Пирс 2000: 216].

Вместе с тем символы, составляющие большую часть корпуса языковых знаков, не являются однородными. Их принято подразделять на мотивированные (производные) и немотивированные, т.е. не обладающие качеством производности.

Немотивированные знаки – конвенциональны. Они выступают в качестве принятых по договору ярлыков, используемых для обозначения вещей.

Мы реагируем на такие слова, как *конь, кот, дом, река, лес, слеза, глаз*, условным рефлексом понимания, не видя оснований, почему каждое из этих слов значит то, что оно значит [Дорошевский 1973: 220].

Отличительным смыслом мотивированного, производного знака является его связанность с другими языковым знаком или

знаками. Между парой слов, характеризующейся отношением производности, устанавливается формальная и семантическая связь, при этом в производном знаке содержатся показатели, отсылающие данный знаконоситель к признаку, обозначенному другим знаком: «Каждое производное имеет собственное значение именно потому, что оно выражает особое отношение к мотивируемому слову» [Кубрякова 1965: 27; 1981: 11–13].

Наши наблюдения показывают, что на уровне производности (как бы на новом «витке») вновь можно говорить об иконических и индексальных знаках.

«Вторичная» иконическая сущность мотивированного знака заключается в уподоблении его звуковой оболочки (означающего) признаку, заложенному в основу его номинации, хотя сам признак не имеет ничего общего с означаемым и лишь условно (символически) связан с ним.

Обозначим рубриками выделенные нами признаки и рассмотрим следующие примеры. Примеры здесь и далее по: [Черных 1994; Ожегов, Шведова 1996]:

Признак цвета

Синица – небольшая очень подвижная певчая птица с пестрым оперением при преобладании, однако, цветов желтого (в нижней части тела) и синего и зеленовато-голубого (в верхней);

рябчик – лесная (боровая) птица с короткими крыльями, хохолком на голове и пестрым оперением (рыжевато-серым с бурыми, белыми и черными пятнами и полосами);

белуга – самая большая промысловая рыба с черной спиной и белым брюхом;

голубика – ягодный кустарник с лиловато-синими ягодами с голубовато-сизым налетом.

Во всех перечисленных случаях «материя» производных лексем непосредственно связана со словом, обозначающим признак, физически присущий конкретному денотату, но связь между этим словом и денотатом не объяснима, она – произ-

вольна. При этом специально отметим: как и в случае звукоподражаний, многие лексемы, с позиций синхронного анализа, утрачивают соотнесенность с признаками цвета, заложенными в основу их номинаций и перестают с ними ассоциироваться. Человеку приходится прилагать усилия, чтобы «отсылка» к цвету состоялась.

Например, почему лесной зверек с пушистым хвостом – белка (в сознании людей, живущая в средней полосе России, обычно красновато-рыжего цвета) называется *'белкой'*? По словарю В.И. Даля, в давние времена белки, населявшие наши леса, различались по цвету меха: они были черными и голубыми. Особенно высоко ценилась хорошо выцветшая (*'дошлая'*) шкурка [Даль 1994: 382].

В Древней Руси водились и белые белки. П.Я. Черных приводит любопытную цитату из записок путешественника конца XVII века: *«Между белками, ловимыми в Камских лесах, изредка попадаются совсем белые, которых ловцы называют князьями беличьего рода»* [Черных 1994: 83]. С признаком «белый» связывает имя *'белка'* М. Фасмер [Фасмер 1964: 148].

В свою очередь, имя *'соловей'* навряд ли окажется связанным в сознании «рядового» носителя русского языка с прилагательным *'соловый'* (хотя оперение этой птицы рыжеватобурого цвета, а *'соловый'* значит *'желтый'*).

Точно так же, как и в производных словах со звукоподражательной основой, необходим этимологический анализ таких слов, как *'зелье'* или *'фиалка'*, для того чтобы осознать их «вторичные» иконические характеристики.

Хотя каждый человек, живущий в нашей стране, постоянно видит на мелких монетах изображение Георгия Победоносца, попирающего копьем Змея, не всякий русский скажет, почему копейка так называется. Еще более интересен тот факт, что копейку в Новгороде будто бы когда-то называли сабленицей потому что на ней чеканилось изображение всадника с саблей, и лишь впоследствии сабля была заменена на копье [Черных

1994]. Но и сегодня «визуальный» признак 'копейки' ни с чем не ассоциируется в сознании носителей русского языка.

Словарь П.Я. Черных подсказывает, что и слово 'чучело' некогда являлось мотивированным. Оно произведено от давно вышедшего из употребления имени 'чуча'. По Далю, 'чуча' – первобытный народ, населявший сибирский север. Отсюда 'цюця', 'чучело', 'чучелка' – пугало на огороде, шугало; подобие человека, кукла. Следовательно, 'чучело' как языковой знак также фиксирует в себе «визуальные» признаки далекого от русского стандарта нелепого и пугающего облика представителя этого народа в непривычном для русского 'глаза' одеянии.

Признак субстантивированного действия

Составляющие этого раздела представим следующими словами:

плетка (от «плету»); плести – производить, изготавливать что-либо путем свивания, скручивания, увязывания в одно целое первоначально разрозненных прядей, нитей, прутьев, ременных или иных полос;

подкова (от «ковать»); ковать – обрабатывать молотом металл, придавая ему нужную форму (в данном случае – форму подковы – толстой железной пластинки в форме разомкнутого кольца, прибиваемой по краям копыта ездового животного);

молот (от «молотъ», «дробить» с помощью чего-то тяжелого); ухват (от «ухватить», «хватать») – металлическая рогатка на длинной рукоятке для подхватывания в печи горшков, чугунов.

В слове же 'цапля' трудно усмотреть субстантивированное действие от 'цапать' (цапля – большая птица отряда голенастых, с длинной шеей и длинными ногами, с прямым конусообразным клювом; при помощи этого клюва птица и довит свою добычу).

Лишь тому, кто имеет определенные знания в области истории денег, понятна глагольная подоснова лексемы 'рубль'. Слово 'рубль' употребляется с XIII в., обозначая продолговатый

серебряный слиток, в Москве того времени – половинный обрубок гривны.

От глаголов произошли и многие другие слова русского языка 'петух' (от 'петь') 'пиявка' (от 'пить'), 'вилы' (от 'вить'), 'врач' (от 'врать'), в которых уже «не звучат» названия производных действий.

Признаки сенсорных (чувственных) восприятий

К производным лексическим единицам этой подгруппы отнесем такие слова, как:

Горчица – острая (горькая) полужидкая приправа к пище, изготавливаемая из порошка, получаемого из жмыха горчицы.

Сласти – от вкусового признака 'сладкий', хотя слово 'кисель' уже давно не ассоциируется с понятием 'кислый'.

'Солянка' и 'колючка' до сих пор способны увязываться со свойствами, передаваемыми производящими основами, чего нельзя сказать о лексемах 'осетр' и 'смородина'.

'Осетр' – крупная жирная рыба семейства осетровых с конусо- или мечевидным рылом, с рядами острых костных чешуек; наименование ягоды 'смородина' произошло от исходящего от нее своеобразного душистого запаха ('смрада').

Соматические признаки

Их содержат слова 'рукав', 'ушанка', 'плечики' (жесткая планка на крючке, вешалка, по форме которой расправляются плечи одежды), и почти утратили или совсем утратили слова 'очко', 'наперсник', 'бородавка'.

Например, 'бородавка' – небольшой бугорчатый нарост на коже человека (иногда с торчащими волосами, т.е. с *бородой*, *бородкой*).

Признаки формы и меры

Учитывая, что принцип анализа известен, ограничимся лишь перечислением ряда лексем, в основе которых содержится признак формы или признак меры: 'кружка', 'тупик', 'кубок'

(признак формы); 'полка', 'целина', 'пригоршня', 'глоток (признак меры). В большинстве этих случаев уже нет аллюзии ни к форме, ни к мере.

«Вторичная» индексальная сущность мотивированного знака заключается в связи звуковой субстанции слова (означающего) с признаком, заложенным в основу номинации, который указывает на отношение смежности данного признака с означаемым, хотя это отношение и следует признать абсолютно условным.

К указанному разряду слов можно отнести лексемы, образованные от числительных 'вторник' (второй день недели), 'четверг' (четвертый), 'пятница' (пятый день), а также другие производные слова: 'первенец', 'осьмушка', 'десятина'; наречия 'сегодня' ('сего-дня'), 'завтра' (от 'заутра'), 'вчера' (от 'вечер') и т.п.

* * *

Заклячая разбор примеров, необходимо подчеркнуть, что когнитивную ценность представляют не только знания о мире, представляемые в содержании, но и в плане выражения языка.

Анализ, сосредоточенный на материальной субстанции знаков, демонстрирует способность одних знаков «живописать» означаемое, других – служить в качестве указателей, то есть в обоих случаях по-своему отражать реальную действительность – непосредственно или по смежности. Эти знаки относятся к знакам-иконам и знакам-индексам.

Иконы и индексы составляют лишь небольшой участок совокупности всех языковых знаков. Большая часть знаков принадлежит к знакам-символам, которые, в свою очередь, подразделяются на мотивированные и немотивированные знаки. Особый интерес как раз и вызывает иконичность и индексальность, которой обладают мотивированные знаки-символы.

Однако их иконичность и индексальность – другого уровня, чем иконичность звукоподражательных слов или индек-

сальность междометий. Если «первичные» иконы подражают природе и «первичные» индексы несут указательную функцию напрямую, то «вторичные» иконы и индексы связаны с действительностью путем отсылки к другим знакам, которые конвенционально закреплены за предметами и явлениями окружающего мира. Таким образом, через символы (мотивированные знаки) устанавливается новая, «вторичная» связь с реальной действительностью. Наблюдая за этим процессом, нельзя не обратить внимание на имеющий место «круговорот»: языковые знаки стремятся к своей немотивированности, к статусу знаков-символов. «Первичные» иконы, например, (как показывает наш материал) становятся «чистыми» символами. Но с другой стороны, символы (производные знаки) представляются в виде собственных иконических или индексальных сущностей, которые вновь призваны быть конвертированными в знаки-символы, и т.д.

Если оставить в стороне семиотическую иерархию знаков и обратиться к идеальным образованиям, «схваченным» языковыми знаками, – то есть к концептам, то необходимо помнить, что и концепты имеют свою собственную типологию, основанную на особенностях когнитивных структур, которые они репрезентируют [Бабушкин 1996]. Эта типология выявляет существование разных по своему характеру ментальных образов, которые, как нам думается, совершенно не зависят от мотивированности или немотивированности объективирующих их языковых знаков. Имеется в виду, что на мыслительную структуру, реализуемую в сознании, не влияет то, каким образом она «подсказана» материальным закононосителем или «не подсказана» совсем.

Человек, говорящий по-русски, может соотнести мыслительный образ синицы («картинки») с признаком, закрепленным в знаке (если он когда-нибудь видел эту птицу), но такое соотношение не является обязательным. Носитель русского языка не задумывается над тем, почему слово 'свадьба' звучит

именно так, а не иначе. Однако это отнюдь не мешает ему представить семеме лексемы 'свадьба' в виде сценария и реализовать в своем сознании слово 'дорога' в виде концепта-схемы.

Собственно говоря, в этом феномене и заключается функциональная сущность языковых знаков. Но бесспорно и то, что сами знаки, их материальные «тела» по-своему информативны.

Литература

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1996.

Бюлер К. Теория языка. 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000.

Гречко В. А. Теория языкознания. – М.: Высшая школа, 2003.

Гумбольдт В. фон. Наций и Эллада // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.

Даль В.И. Толковый словарь живого великого языка: В 4 т. Т. 1. – М.: Прогресс-Универс, 1994.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М.: Прогресс, 1973.

Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. – М.: Наука, 1965.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. – М.: Наука, 1981.

Кубрякова Е.С. Язык и сознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1996.

Пирс Ч.С. Учение о знаках // Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000.

Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: Синто, 1993.

Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Учпедгиз, 1955.

Сепир Э. Язык. Введение в учение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс-Универс, 1993.

Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1997.

Степанов Ю.С. В мире семиотики. Вступительная статья // Семиотика. – М.: Радуга, 1983.

Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985.

Торопцев И. С. Язык и речь. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1985.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1964.

Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1962.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Русский язык, 1994.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972.

Якобсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика. – М.: Радуга, 1983.

ФУНКЦИИ ПРИЛОЖЕНИЯ¹

Под приложением понимается определение, выраженное именем существительным, которое «прилагается» к другому существительному, так что между определяемым и определяющим утверждается согласование на основе параллелизма (БЭС «Языкознание», 1998, с. 397). Приложения как грамматический феномен изучали такие видные теоретики языкознания, как А. А. Потебня (1835–1891), А. А. Шахматов (1864–1920), А. М. Пешковский (1878–1933). Так, А. А. Потебня посвятил проблеме «атрибутивности существительного» большой раздел в своём четырёхтомном труде «Из записок по русской грамматике». Учёный писал о том, что в славянских наречиях, а

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Грамматика разноструктурных языков. – Воронеж, 2011. – С. 55–60.

также «в весьма ограниченном размере» в латинском, греческом и французском языках существительное, несмотря на то, что формально отличается от определительного прилагательного, нередко заменяет его (Потебня, 1968, с.102).

По этому же поводу высказывался и А. А. Шахматов: «Существительное, употребляемое в качестве атрибута к другому существительному, называется приложением» (Шахматов, 1941, с. 263).

Аналогичным образом интерпретировал приложение А. М. Пешковский.

Нельзя не отметить историческую преемственность примеров, иллюстрирующих данное явление в упомянутых нами работах. У А. А. Потебни внушительный массив приложений несёт на себе печать «славянских наречий», дышащих стариной форм, в том числе, почерпнутых из фольклорных произведений, церковных текстов и народных песен. В современной транскрипции и по правилам современной пунктуации это такие «двучлены», как: *человек-грешник, меч-самосек, заря-зарница, бессонница-безугомонница, сон-угомон, муха-горюха, вошь-поползуха, блоха-попрыгуха, лягушка-квакушка, золотуха-краснуха, баба-шептуха, мышка-норушка, снег-пороша, сад-виноград, птица-ворон, поле-раздолье, человек-камень* (о каменных истуканах), *девка-поповка* и многие другие.

В свою очередь, А. А. Шахматов иллюстрирует двусоставные словосочетания примерами из более «продвинутой» эпохи, на привычном для своего времени языковом материале (см. годы жизни названных в начале нашей статьи классиков языкознания): «*князь Пётр Иванович уехал за границу; господина Белова нет дома*» (указ. соч., с. 263).

Во «временном ракурсе» можно рассматривать и приводимые далее примеры приложений из современного энциклопедического словаря «Языкознание»: в них, наряду с выражениями – «отзвуками прошлого», отражается и время «исторического сегодня». Всё вышесказанное говорит как о древних корнях

феномена «приложение», так и об его продолжающемся использовании, а в итоге – интересе к этому явлению со стороны современных исследователей.

Словарь, на который мы ссылаемся, констатирует, что имена существительные, играющие роль приложений, обозначают свойства или качества того или иного предмета (*красавица-дочь*), эмоциональное отношение к предмету, выражающее оценочный фактор и сопровождающее его восприятие (*злодейка-западня*), функциональные признаки (*девушка-почтальон*), видовые характеристики (*дерево сосна*), имена, фамилии, прозвища людей и клички животных (*гражданин Петров, собака Шарик*), географические названия (*город Москва*) и т. д. С помощью приложений диктуется сходство одного предмета с другим (*утёс-великан*), указывается на сферу применения определяемого предмета, его назначение (*сапоги-скороходы*), производимый эффект или совершаемое действие (*комар-пискун*), материал изготовления предмета (*серьги-яхонты*) (БЭС «Языкознание», с. 397).

В последнее время некоторые учёные, вслед за Р. Якобсоном и О. Б. Сиротининой, усматривают в параллельном употреблении двух субстантивов в одном и том же падеже, роде и числе синтаксическую связь, в которой сочленяется пучок инонаименований одного и того же предмета (Ломов, 2004, с. 259).

Мы разделяем эту точку зрения и, взяв отмеченный тезис за данность, обратим внимание на неоднородный характер примеров, иллюстрирующих понятие «приложение» (с одной стороны, *Инженер Петров*, с другой – *утёс-великан*).

Хотя указанные случаи относятся к одной и той же категории, между ними существуют определённые различия. Когда говорят: *инженер Петров*, предполагается, что в дальнейшем мы можем называть Петрова просто *инженером* без упоминания его фамилии, таким образом именуя его по-другому, иначе. Однако существительное *великан* в своём одиночном употреблении не соотносится прямо с понятием «высокая скала», и в

этом случае необходим дефис для указания на сочленение двух слов до уровня номинативной единицы, в которой, тем не менее, второй компонент является комплементирующим – он добавляет нечто новое в план содержания первого имени.

Наша статья посвящена рассмотрению примеров, в которых определяющее существительное имеет переносное значение, то есть является метафорой, вносящей свой вклад в процесс инонаименования. Подобные случаи нередко встречаются в поэтических текстах по той причине, что стихотворный слог требует оптимально сжатого и образного выражения смысла. В поэмах В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо», «Во весь голос» их – более двадцати: *люди-лодки, голодуродина, годы-водники, минуты-вестницы, очки-велосипед, тучки-кочки, тюрьма-решето, пушка-печка, улица-змея, мать-история, страна-подросток, глаза-тарелины, транспорты-галошины* и некоторые другие.

Имеются позиции, когда автор поясняет выбранную им метафору в «рядоположенных» субстантивах (особенно, когда она относится к разряду «неожиданных»). См. ниже:

Люди-лодки.

Хотя и на суше.

Проживешь

своё

пока,

много всяких

грязных ракушек

налипает

нам

на бока.

А потом,

пробивши

бурю разозлённую,

сядешь,

чтобы солнца близ,

*и счищаешь
водорослей
бороду зелёную
и медуз малиновую слизь.*

*Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.*

Именно благодаря контексту становится понятным, почему люди в первых строках поэмы сравниваются с лодками: «*плыть в революцию дальше*» надо без наносного, случайного, без стереотипов прошлого, подчиняя себя высшей политической цели.

В этом же ключе воспринимается бинарное словосочетание *пушка-печка*, поскольку последующая глагольная фраза уточняет найденную поэтом метафору:

*пушка-печка
чихнёт огнём,
<...> потом поди,
ищи человечка.*

Более интересным представляется вариант, при котором основание сравнения домысливается читателем: *печурка-пчёлка* (значит – маленькая, плохо согревающая); выражение *тюрьма-решето* вызывает в сознании образ «исправительного дома» с неизменными решётками на окнах.

Отступая от классического подхода к приложениям, необходимо констатировать, что в указанных построениях нельзя усматривать отношения, близкие к предикативным (как это делает А. А. Шахматов), когда существительное в определяющей функции употребляется в качестве сказуемого. Действительно, в выражении *очки-велосипед* предикация абсолютно исключается; в нём компонент в роли приложения имеет другое предназначение.

Думается, что в основу исследуемых номинаций заложен принцип экономии языковых усилий. Если необходимо фигуративно подчеркнуть определённое качество предмета, и обычная универбальная языковая единица, употребляемая в данной ситуации, не справляется, да и не может справиться с этой задачей, вступает в действие следующий механизм.

Один из признаков, присущих плану содержания лексемы, выделяется из состава семемы и материализуется в новом субстантиве, подвергаясь при этом метафорическому переосмыслению. «Прилагаемое» слово с коннотативным значением выносится в параллель с первой номинацией, являющейся носителем денотативного значения. В результате вместо просторного образного сравнения, которое могло бы иметь место, образуется аналитически скреплённая конструкция в виде нового комплексного имени для данного предмета.

В подобных примерах (прямо или косвенно) эксплицируется «глубинный смысл» определяемого слова, который иначе не раскрывается, хотя и потенциально присутствует в его семантике: *природа-мать, земля-кормилица, неволя-мука, сирота-горемыка*.

Даже при выходе из «единого блока» приложение не утрачивает своей связи с определяемым словом и приобретает статус «ситуативной метафоры», которая не воспринимается в отрыве от первого компонента исходной формулы. В поэме того же В. В. Маяковского «Хорошо» читаем:

*Вьётся
улица-змея.
Дома
вдоль змеи.*

Нельзя обойти стороной и тот случай, когда авторская метафора в приложении оказывается нераскрытой, остаётся «вещью в себе» или требует для расшифровки определённых ум-

ственных усилий, либо воображения. Не совсем понятно, например, почему:

*морозы
в ночь
идут, скрипят
снегами-сапогами,*

хотя и здесь (пусть и не так явно) можно уловить «ассоциативную нить»: мороз, образно говоря, скрипит, как скрипит под ногами человека «сухой» снег.

Описанные приёмы метафорического приложения, конечно, не ограничиваются творчеством одного поэта. В поэме А. Т. Твардовского «За далью – даль» периода зрелого и уже критического воспринимаемого социализма бинарное словосочетание *страна-семья* поднимается до уровня символа:

*Мы звали – станем ли лукавить? – его отцом в **стране-семье.***

На фоне узнавания того, **кто** в этих строчках мыслится за местоимением **он**, страна-семья предстаёт как «Союз нерушимых республик свободных», которому противостоят (тоже из Твардовского) *страна-труха* и *страна-утиль*. Так приложения оказываются идеологически маркированными.

Изучаемые нами конструкции встречаются и в современном прозаических произведениях и даже выносятся в названия романов «*Царь-рыба*» В. Астафьева и «*роман-анекдот*» как определение жанра книги «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» писателя В. В. Войновича.

Одни словесные построения, включающие приложения остаются зафиксированными только в тексте и не закрепляются в сознании людей, другие – имеют более долгую жизнь. См., например, выражение *Родина-мать*, также ставшее символом со времён Великой Отечественной войны.

Таким образом, мы рассмотрели метафорическую функцию приложений в плане выполнения ими задачи инонаименований.

В заключении хочется подчеркнуть, что тема «инонаименования» гораздо шире рассмотренного здесь явления. К ней относятся случаи «чистых метафор», народной этимологии, эвфемизмов и т.п., поэтому было бы полезно рассматривать эту проблему комплексно. Но в этом комплексе вопрос о переносном смысле приложений занимает свою отдельную позицию.

Литература

Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М.: Изд-во «Просвещение», 1968. – Т.3, 551 с.

Шахматов А. А. Очерки современного русского литературного языка. – М.: Учпедгиз, 1941. – 278 с.

Языкознание. Большой академический словарь / Глав. ред. В. Н. Ярцевой. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

ИМЕНА ИЗВЕСТНЫХ ЛИЦ В РОЛИ ПСЕВДОИДЕНТИФИКАТОРОВ¹

Отнесённость имени собственного к своему денотату – это один из аспектов теории референции. В его разработке принимают участие не только логики, но и лингвисты, в том числе, сторонники нового направления науки о языке: референция рассматривается как когнитивная операция, в которой используются отношения между языком и объектами в мире (КСКТ 1996: 160).

Существует несколько подходов к интерпретации данного феномена. Остановимся на понимании референции как жёсткой десигнации (от английского designate – определять, обозначать, указывать).

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Вопросы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2009. – Вып. 4. – С. 66–69.

Американский учёный Сол Крипке ввёл в научный обиход понятия жёсткого и нежёсткого десигнаторов, увязывая проблему соотносённости актуализированных (т.е. включённых в речь) имён к объектам действительности, с одной стороны, а с другой – тождеством объектов, обозначенных этими именами, в так называемых «возможных мирах».

Под жёстким десигнатором понимается термин (имя), называющий один и тот же объект при всех возможных обстоятельствах его бытования. Так, квадратный корень из «25» всегда означает определённое число «5» и, следовательно, является жёстким десигнатором. В свою очередь, термин «изобретатель бифокальных очков» (им по факту был Бенджамин Фрэнклин) – нежёсткий десигнатор, так как нельзя наложить запрет на чью-то мысль о существовании другого мира, не такого, каков он есть, и тогда, в иных условиях, изобрести очки мог бы какой-нибудь другой человек по имени Бенджамин Фрэнклин.

Вместе с тем, С. Крипке полагал, что возможные миры – это лишь гипотетические допущения, поэтому интуитивно, или, основываясь на личном опыте, мы идентифицируем имя «президент Никсон» с конкретной личностью бывшего хозяина Белого дома во всех возможных упоминаниях этого имени (Крипке 1982: 350–352). С этой поправкой С. Крипке признаёт за именами собственными статус жёстких десигнаторов (Крипке 1986: 199).

Американскому лингвисту принадлежит также термин «кодесигнативы». За ним стоят разные по своей вербальной объективации имена собственные, имеющие одну и ту же референцию (Крипке 1986: 199).

Однако интересен и обратный процесс, когда одинаковые имена называют разные денотаты. См. нижеследующий пример:

На приёме в брюссельском Дворце изящных искусств Александр Сергеевич Пушкин дождался, пока его представят Пушину, и пил шампанское. Этот 64-летний Пушкин – единствен-

ный прямой потомок по мужской линии великого русского поэта («Комсомольская правда», 5.10.05).

Фамилия «Пушкин» для русского человека имеет особый культурный и языковой «вес» (Рылов 2003: 132). Несмотря на фамильное родство двух Пушкиных, под этим именем мы, прежде всего, имеем в виду человека, которому суждено было стать «солнцем русской поэзии».

В книге «Ни дня без строчки» Ю. К. Олеси читаем: *Когда я был гимназистом, фамилия Маяковский была мне уже знакома, но не как фамилия поэта, а как страшное слово – это была фамилия очень строгого преподавателя. Он преподавал историю.*

О той же ситуации в её гротескном варианте свидетельствует фрагмент допроса сапожника Моисея Соломоновича Сталина, описанный В. Войновичем в романе «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»:

– *Моя фамилия Сталин.*

<...> *Капитан отодвинул стул и, приняв стойку «смирно» произнёс во весь голос, словно командовал:*

– *Здравствуйте, товарищ Сталин!*

Имена людей, случайно совпадающие с именами широко известных личностей, можно назвать **локально жёсткими десигнаторами**, потому что они опознаются не во всех возможных мирах, а в тех и только тех, которые ограничены кругом общения носителей этих имён (в отличие от **универсально жёстких десигнаторов**, непосредственно ассоциируемых с популярными фигурами «в любое время и в любом пространстве»).

Конечно, полное совпадение имён людей, не имеющих никакого отношения друг к другу, – явление достаточно редкое. Более частыми оказываются случаи, когда устанавливается ассоциативная связь между разными людьми: имя одного из них, широко известного человека, начинает употребляться метафорически по тем или иным основаниям сходства между этим человеком и другим лицом, оно становится своего рода

«ярлыком» и может быть прикреплено к любому, если этого требуют обстоятельства.

Когда героиня А. П. Чехова говорит: *Мой муж Отелло*, она никоим образом не утверждает, что состоит в браке с «венецианским мавром» и лишь сообщает о том, насколько ревнив её муж, т.е. указывает на качества, сближающие её супруга со страстью, которую испытывал персонаж шекспировской пьесы.

В свою очередь, фраза, принадлежащая Э. Рязанову: *Если бы Хазанов был Сальери...* должна читаться, как: *Если бы Хазанов был завистлив...*, т.к. носители русского языка хорошо знакомы с сюжетом одной из маленьких трагедий А. С. Пушкина (Булыгина, Шмелёв 1997: 503, 507).

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв называют переносное употребление имён знаменитых людей псевдоидентификаторами. Суть псевдоидентификации заключается в проекции жёстких десигнаторов («жёстких во всех возможных мирах») на референты, для которых данные десигнаторы являются окказиональными.

Ассоциативная нить связывает два объекта на основе «мысленного досье» на ту или иную знаменитость в памяти ординарных носителей языка – из этого «досье» и отбираются признаки для установления псевдотождества (Булыгина, Шмелёв 1997: 497, 509). Настоящая статья посвящена именно такому явлению.

Сразу оговорим источники примеров. Они почерпнуты из произведений детективного жанра, принадлежащих перу современных отечественных писателей. «Криминальная литература» – книжки (чаще всего – «однодневки») с интригующими названиями, заполняющие сегодня рынок печатной продукции, как это не парадоксально, фиксируют нюансы, мимо которых проходит «большая литература» – и с предельной точностью и юмором воспроизводят «живой» язык народа. Поэтому отбор иллюстративного материала из русских «бестселлеров» – не случаен.

Как показывают изученные примеры, псевдоидентификаторы дифференцируются в зависимости от того, какой признак универсально жёсткого десигнатора ложится в основу метафо-

рического использования (портретные данные носителя этого имени, фигура, габариты тела, т.е. то, что хранит зрительная память) или поведенческие характеристики прототипа, сценарные эпизоды, связанные с его жизнью и деятельностью. На конкретных примерах рассмотрим эти две выделяемые нами группы:

1. Портретные (картиночные) признаки псевдоидентификаторов

«Человек живёт не просто среди людей, но и среди имён, которые образуют вокруг каждого человека определённый континуум, особое национально-культурное пространство, единое для всего языкового коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена», – пишет Ю. А. Рылов (Рылов 2003: 129). В этом пространстве важное место занимают имена известных людей. Точно так же, как фамилия близкого человека (родственника, хорошего знакомого) неразрывно связана с его обликом, в сознании носителей языка существует «галерея образов» знаменитостей: политиков, деятелей науки и особенно культуры, всех тех, кто в ореоле славы попал в фокус внимания своих сограждан. Описывая внешность совершенно незнакомого человека другому лицу, мы нередко прибегаем к этим образам, вербализованным в имени, как к неким «эталонам», для того, чтобы наш собеседник (а в случае литературного труда – читатель) мог зрительно представить этого незнакомца или нового героя на авансцене событий.

*1) Старик шёл легко, опираясь на палку. Был он высокого роста, чуть сутулился, борода аккуратно подстрижена, и Даша поняла, кого он ей напоминает: артиста **Николая Черкасова** в фильме «Депутат Балтики».*

(Александрова Н. «Гарнитур из электрических стульев»).

*2) Должно быть, в этой шляпе она (Марина) выглядит просто сногшибательно – **Фаина Раневская**, кинофильм «Подкидыш».*
(Устинова Т. «Мой генерал»).

«Портретные» характеристики Николая Черкасова и Фаины Раневской могут представить лишь любители «старого кино».

Вполне понятно, что «видеотека» памяти служит указанным целям, если соответствующий образ входит в её состав:

3) Героиня должна быть как минимум сексапильной. Как максимум – **Катрин Денёв** в период «Шербурских зонтиков». (Платонова В. «Смерть на кончике хвоста»).

Обратим внимание на то, что объективируемые именем собственным портретные характеристики, сближающие «оригинал» и его «дубликат», либо эксплицируются (*Был он высокого роста, чуть сутулился, борода аккуратно подстрижена...*), либо автор всецело полагается на предварительные знания читателя (*как максимум – Катрин Денёв в период «Шербурских зонтиков»*).

Последний пример свидетельствует о том, что круг известных людей не замыкается в рамках одного культурного сообщества. Благодаря кино, телевидению, газетным и журнальным снимкам «внешне» знакомыми становятся многие западные «звёзды», а их имена выступают в роли готовых образцов для «портретных» сравнений:

4) Ну что же, приступим, господа. – Саня подмигнул присутствующим. Фоторобот – вещь серьёзная, так что попрошу вас быть предельно внимательными.

Через двадцать пять минут общими усилиями был собран портрет манекенщицы **Линды Эвангелисты**. Ещё через полчаса, когда метрдотель вспомнил о маленькой родинке на губе неизвестной блондинки – пришла очередь **Синди Кроуфорд**. Затем последовали **Клаудиа Шиффер**, **Марла Хансон** и безымянная моделька, рекламирующая по телевизору мужскую туалетную воду «Эгоист».

– Послушайте, друзья мои, – взмолился наконец Саня Гуслов. – Она случайно не была негритянкой?

– А почему она должна быть негритянкой? – насторожился метрдотель.

– Ну это обстоятельство резко сузило бы круг поисков. Развесили бы на каждом стенде **Наоми Кэмпбелл** – и дело с концом! (Платова В. «Смерть на кончине хвоста»).

Не без юмора описываемый эпизод интересен тем, что каждому элементу фоторобота разыскиваемой девушки соответствует свой вербальный знак – фамилия кинодивы или «звезды» шоу-бизнеса, внешние характеристики которых хорошо известны молодым людям – героям детективных приключений.

Рассматривая проблему антропонимов как псевдоидентификаторов, необходимо учитывать и хронологический фактор – связь образа и имени – вещь преходящая. См. нижеследующий пример:

5) – Ты кто? – спросил я. – Ну напугала, прямо **Франкенштейн** какой-то!

– Франкенштейн нынче почти забыт, теперь на пике моды **Фредди Крюгер**.

(Донцова Д. «Хеппи-энд для Дездемоны»).

Любопытно, что «картиноподобные» представления, активизируемые именами собственными, подразделяются на визуальные и аудиовизуальные:

6) Полагаю, что дело было так...Я закатил глаза и заговорил голосом **Василия Ливанова** в роли Шерлока Холмса.

(Зайцев М. «Козырная масть».)

7) Динамики голосом **Аллы Пугачёвой** запели про то, что в «Петербурге сегодня дожди». (Там же).

8) Я вжился в роль супермена. Чего мне стоило говорить надменным голосом **Брюса Уиллиса**, особый вопрос.

К «проявлению» внешних данных в именах собственных, используемых в качестве образцов, следует отнести конфигурационные характеристики известных лиц, соизмеряемых, например, по росту или весу:

9) Пара выглядела замечательно. Пат и **Паташон, Торопунька** и **Штепсель**, гора и мышь. Одна старушка весила более центнера, вторая показалась чуть больше болонки.

(Донцова Д. «Монстры из хорошей семьи»).

Метафора «гора и мышь», а также поясняющие ремарки лишь дополняют информацию, несомую именами – Пат и Паташон, Торопунька и Штепсель.

II. «Сценарные» признаки псевдоидентификаторов.

Сценарий – это хорошо известная в когнитивной лингвистике ментальная модель, вырабатываемая в процессе интерпретации текста, и представляющая собой тематические («сценарные») структуры, одна из разновидностей которых связана с репрезентациями ролевых функций участников, стратегиями их действий, целями, следствиями и попутными эффектами (КСКТ 1996: 181).

Псевдоидентификаторы второй рассматриваемой нами группы актуализируют сценарные эпизоды и поведенческие характеристики своих прототипов:

10) *Развлекается человек, оттягивается... Разбогатевший Чикатило веселится от нечего делать.*
(Зайцев М. «Козырная масть»).

11) *Ты меня уверял, что на двух машинах мы будем только внимание привлекать. Тоже мне, крутой разведчик, Штирлиц, блин!*

(Маринина А. «Соавторы»).

В приведённых выше случаях за фамилиями, употреблёнными в переносном смысле, стоят уже не совпадения портретных характеристик героев и их прототипов. Сходство улавливается в манерах поведения тех и других, в их стереотипных действиях.

12) *Я уже говорила, что не являюсь Макаренко, к тому же я не собираюсь делать карьеру педагога.*
(Донцова Д. «Хэппи-энд для Дездемоны»).

В данном предложении имя собственное Макаренко предполагает его **деятельность** как воспитателя (что подтверждается словами: <...> *я не собираюсь делать карьеру педагога*, т.е., как Макаренко, заниматься **процессом** воспитания детей).

13) Ты в налоговой подрабатываешь, – скривилась Ника. – Твой папа, случаем, не **Морозовым** звался? (Там же).

Современному читателю следует пояснить, что в тридцатые годы прошлого столетия пионер Павлик Морозов изобличил в преступлениях отца, за что был убит своими родственниками.

Заключая статью, следует особо отметить, что, если кто-то не представляет себе «портретные» данные известной личности, а также не знает в какой сфере деятельности тот или иной человек знаменит, причина метафорического переноса «громкого» имени на другое лицо остаётся неустановленной. Более того – само понимание метафорического переноса имени может оказаться под вопросом.

Прокомментированные нами примеры позволяют прийти к следующему выводу:

1) Жёсткие десигнаторы целесообразно подразделить на универсально и локально жёсткие. Универсально жёсткие десигнаторы обозначают имена широко известных людей.

2) Универсальные десигнаторы валидны во всех возможных мирах, локальные – лишь в тех гипотетических пространствах, в которых десигнаторы ограничены своей референтной соотнесённостью.

3) Проведённый анализ позволил выявить ценностные ориентиры в выборе универсально жёстких десигнаторов для их метафорического осмысления.

4) Признаки универсально жёстких десигнаторов лежат в основе псевдоидентификации, т.е. в установлении окказионального тождества имён в их прямом и переносном значениях.

5) Псевдоидентификация представляет собой когнитивный процесс – в качестве важнейшего условия псевдоидентификации выступает пресуппозиция, т.е. знания, изначально разделяемые носителями языка.

6) Важным оказывается временной фактор – каждая эпоха порождает своих знаменитостей, имена которых при их мета-

форическом использовании способны выступать в качестве псевдоидентификаторов.

Литература

Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Крипке С. Тожество и необходимость: Пер. с англ. Л. Б. Лебедевой // Новое в зарубежной лингвистике / Вып. XIII: Логика и лингвистика. М.: Радуга, 1982.

Крипке С. Загадка контекстов мнения: Пер. с англ. Г. Е. Крейдлина // Новое в зарубежной лингвистике / Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986.

КСКТ – Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский язык. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003.

ОПОСРЕДОВАННОЕ ГРАДУИРОВАНИЕ

Введение

Градуирование (от лат. *gradus* – шаг, ступень, степень) в лингвистическом понимании этого термина представляет собой преломляемый в языке когнитивный процесс, в основу которого заложены свойства человеческого разума вычленять и сопоставлять объекты окружающего мира с позиций присущих им признаков количества, качества, меры и степени.

Основополагающая роль в изучении градуирования принадлежит крупнейшему лингвисту XX века Э. Сепиру. Именно Э. Сепир ввел в научный оборот сам термин «градуирование», а также такие понятия, как норма при градуировании, градуальная шкала и полюса градуальной шкалы, разделил градуирование на логическое, психологическое и лингвистическое, определил типы градуирования и их подтипы (Сепир 1985, с. 43–78).

По мнению Сепира, все слова, поддающиеся количественному определению, и все квантификаторы являются градуируемыми (Сепир 1985, с. 44), т.е. дальнейшим изысканиям в этой сфере способствует сама материя языка.

За последние 20–30 лет в решение новых проблем, связанных с градуированием, активно включились и отечественные ученые. Появляются работы прямо или косвенно посвященные градуированию по фронту всех уровней языковой системы, а также – на материале разных частей речи и разных языков: монографические исследования (см., например, Арутюнова 1988; Шейгал 1990; Халина 1993; Белоглазова 2006; Вольф 2006; Колесникова 2010), многочисленные статьи и диссертационные сочинения.

Вместе с тем, остается незатронутой проблема опосредованного градуирования предполагающего тот случай, когда мерительные отношения трудно определить напрямую.

Речь идет, например, о составляющих внутреннего мира человека, которые, фиксируемые со стороны, по-разному проявляются.

Наша гипотеза заключается в том, что необходима градуальная шкала, тематически не связанная с определяемой сущностью, но, тем не менее, позволяющая установить иносказательно присущий ей «мерительный индекс», достигая тем самым поставленной цели.

При этом незыблемым остается положение о том, что при позиционировании того или иного признака на градуальной шкале в виде разного рода «отметин», приделов, пиков, окказиональных зарубок, следует учитывать не только точку отсчета, но и точку зрения того, кто ответственен за ситуации «недоброса» или «переброса» в своем мнении относительно этой точки (Арутюнова 1988, с. 233), – именно говорящий или пишущий играет активную роль в определении степени проявляемых объектом свойств и соотнесение их с определенным участком шкалы (Фурс, Назарова 2008, с. 35).

Таким образом, наша статья посвящается проблеме опосредованного градуирования подвергаемых соизмерению проявлений внутреннего мира человека – его склонностей, мнений и эстетических предпочтений.

Материалы и методы исследования

Материалом данного исследования послужили примеры на русском языке, почерпнутые из произведений художественной литературы, в которых оценка проявлений внутреннего мира человека производится иносказательно, путем опосредованного градуирования.

Эти иллюстрации носят юмористический или иронический характер – такой жанр иносказания очевидно не случаен, т.к. поиск других вариантов в опосредованном градуировании не дал результатов.

Более того, скалярные позиции, определяемые в процессе иносказательного градуирования, раскрывая внутренний мир литературных персонажей, носят обобщающий характер, поэтому в работе мы говорим о внутреннем мире **человека вообще**, а не только героев, попавших в сферу нашего анализа художественных произведений.

В процессе работы были использованы следующие методы: 1) метод когнитивного анализа слов и выражений, заложенных в основу опосредованного градуирования; 2) метод расшифровки иносказательных данных с целью получения искомым показателей «прямого» градуирования; 3) метод сравнения скалярных позиций для более точного определения «градуса» тех или иных качеств внутреннего мира человека в их прямых значениях.

Результаты исследования

I. Зададимся вопросом, каким образом можно градуировать выражения внутреннего мира человека, т.к. не возникает сомнений, что сами по себе они представляют меримые сущности.

Существует образец подобной «многоступенчатой» оценки, проводимой, правда, в неязыковедческих, а в весьма утилитарных целях. Речь идет о нормативах в области творческой деятельности артистов драматических театров, когда-то разработанных НОТ. Из 20 аспектов «квалификационного листа» артиста выделялись такие показатели его «внутренних данных» как обаяние, юмор, выразительность; внутренней техники, вызывающей к уровню мастерства, как то: чувству меры и художественному чутью.

Каждая из позиций «тарифной сетки» оценивалась по пятибалльной системе. В результате такого учета и складывалась заработная плата служащих искусства (Туровская 1981, с. 39; Арутюнова 1988, с. 219).

Нельзя сказать, что пятибалльная система нигде больше не применима. Порой она действительно используется в реальной жизни для оценки и самооценки человеческих переживаний (см., например: *Признаться, это было единственно приятное чувство, все остальное на слабую троечку* (Т. Полякова. Бессердечие магов); *(Он) на пять с плюсом разыгрывает сочувствие и снимает все имущественные претензии* (И. Комарова. Эпоха мобильных телефонов).

Однако в нашей работе предполагается не балльные, а исключительно вербальные средства для достижения этой цели.

Перейдем непосредственно к анализу языкового материала. Хорошо организованной системы в интересующем нас аспекте является иерархия воинских званий в современном «табеле о рангах» – от солдата до генерала.

Знание этой системы позволяет определить представляемую вразброс ту или иную позицию в соответствующем ряду по возрастающему или убывающему принципу. В этом убеждает следующий пример: *Чего-чего, а есть Иван умел. И если бы за это умение давали звание, то Иван был бы примерно подполковником. Так что бутерброды он уничтожил быстро* (Л. Да-

выдыхев. Многогранная, полная невзгод и опасности жизнь Ивана Семенова, второклассника и второгодника).

Оставляя в стороне момент сопутствующей иронии, сосредоточимся на главном. Степень гастрономического азарта Ивана вербально выразить сложно, но в иносказательном ключе мера его аппетита представляется довольно четко. Происходит мысленное приравнивание тяги к бутербродам с колбасой к воинскому званию выше майора, но на ступень ниже полковника.

Вместе с тем, выражение любви к «процессу еды» в системе баллов не позволило бы увидеть в нашем второкласснике и второгоднике «мастера своего дела»: *Если бы за это умение выставляли баллы, то Иван получил бы **четыре с плюсом***. Четыре с плюсом явно не дотягивает до той пиковой величины, которой соответствует звание подполковника в соответствующем реестре.

В другой иллюстрации таким же опосредованным образом соизмеряются успехи деятелей науки:

*Андрей почувствовал, что эти трое были учеными в том смысле слова, который он никогда не решился бы применить к себе. Они **генералы науки**, он ее **солдат*** (Д. Гранин «Искатели»). Здесь «рядовые» и «генералы» в своих метафорических значениях разведены по противоположным полюсам градусальной шкалы для указания на их неоднородность в сфере научных достижений.

II. В чувства человека, его внутренний мир заложена способность прямо или косвенно оценивать других, формировать свое мнение относительно знакомых и незнакомых людей, судить о мере их достоинств и недостатков, степени важности и социальной востребованности.

Имеются случаи, когда в качестве инструмента опосредованного градуирования в этом плане выступает аналогия с весовыми категориями шахматных фигур. Как известно, шахматные фигуры различаются по своей силе и ценности (для справ-

ки: пешка как фигура равна самой себе, т.е. единице; офицер равен трем пешкам, ладья – пяти, а ферзь – от девяти до десяти в зависимости от положения на шахматной доске).

О шахматной иерархии в ее иносказательной форме рассказывает своему молодому коллеге знаменитый Глухарь – Сергей Глухарев:

– *Смотри. Доска – это наш отдел. Офицеры – это Агапов с Черенковым. По пятницам по диагонали ходят. Кони – это наши опера. Ходят буквой «Г». Ну и кроме этих ассоциаций больше ничего не вызывают. А это ферзь. Ферзь – фигура маневренная и очень важная.*

– *Зимина?*

– *Не. Ирка – король, за ним все охотятся. А ферзь – это Стасик Карпов. Мы ладьи. Фигуры сильные, но обездвиженные из-за пешек, коней и офицеров (И. Куликов и др. Глухарь).*

В диалоге, извлеченном из киносценария известного сериала, сотрудники ОВД «Пятницкий» подвергаются опосредованному градуированию.

В приведенном отрывке (безусловно, критически) представляются полномочия сотрудников отдела в соответствии с их служебным положением. При этом два действующих лица – Карпов и Зимина – иносказательно измеряются по своей значимости и влиянию. Ферзь – самая сильная фигура на игровом поле, но есть еще и король, который по ценности превосходит ферзя, т.к. без него игра теряет всякий смысл.

В тоже время незначительного, невлиятельного, несамостоятельного в действиях человека называют **пешкой**: *Из малообразованных людей легко делать пешки* (Н.Молодцова. Пять синих слив). Таким образом, и самая младшая шахматная фигура находит свою оценку.

Когда в другой игре – карточной – нарушается принцип старшинства (в соответствующей проекции на людей) это сразу оказывается замеченным: *Потому что служат тузам, королям и дамам. А этот валет им приказывает, – объяснил мне*

половой Федотыч и, улыбаясь, добавил: – ничего! Козырная шестерка и туза бьет! (В.А. Гиляровский. Москва и москвичи)

Аномальность описываемой ситуации осознается с пониманием того, что валет занимает четвертую позицию по значимости в карточной колоде после туза, короля и дамы.

III. Ниже предлагается фрагмент художественного текста, отнюдь не претендующий на объективность в оценках, которые позволяет себе его герой:

– Алла, у меня к вам серьезный вопрос. Скажите, если бы на рублях изображали творческих работников-художников, композиторов или писателей. Как бы вы их распределили?

(Речь идет о дореформенной системе денег. – А.Б.)

– Может Гоголя на рубль? – предложил я.

– Допустим, – кивнула Алла. – А на трехрублевку тогда Тургенева.

– Может быть, лучше Лермонтова? – Засомневался я.

– Допустим. А Тургенева, значит на пяти рублях?

– Принимается. А кого на десятку?

– Может, Маяковского?

– Не-ет, Блока!

– Для вас я готов на все. А кто у нас будет на двадцати рублях?

– Чехов! – Не задумываясь, ответила Алла.

– А на пятидесяти?

– Достоевский!

– Тогда на ста рублях – Лев Толстой! – Подытожил я.

– А Пушкина вы на копейке выбьете? – Ехидно поинтересовался Спецкор, который, оказывается, все слышал.

– Действительно, мы забыли Пушкина, – огорчилась Алла. – Без Пушкина нельзя!

(Ю. Поляков. Парижская любовь Кости Гуманкова).

Участники диалога далеки от того, чтобы приравнивать талант каждого писателя к номиналу той или иной денежной

купюры – они просто воспользовались системой, позволяющей расположить на некой шкале свои эстетические пристрастия, меру своей любви к творчеству разных художников слова.

Иначе говоря, в этом примере имена собственные выстраиваются в лестницу в соответствии с так называемым **показателем приоритета**. Термин показатель (индикатор, индекс) приоритета заимствован из экономической теории, но кажется, пригодным для анализа позиций на градуальной шкале с чьей-то личностной точки зрения.

IV. Наконец, градуирование носителей знаменитых имен в сознании их почитателей может быть опосредовано составляющими планетарной системой.

Как известно, В.Ф. Одоевский в день смерти А.С. Пушкина назвал его «Солнцем русской поэзии», позднее с Луной сравнивали М.Ю. Лермонтова.

В интернете до сих пор ведутся дискуссии по поводу их первенства на поэтическом поприще, а порой – с привлечением имен и других претендентов. За отсутствие планетарной прописки оных кому-то становится обидно: *Все меня пытаются убедить, что Ахматова – не Луна!* Защитники своих поэтических кумиров задаются вопросом: *А дальше? Есенин, Маяковский, Цветаева, Ахматова... Кто из них кто? Нет на небосклоне столько солнц и лун.* (<https://yandex.ru/q/culture/2962583041/>)

Нетрудно представить, что кто-нибудь попытается ранжировать свои симпатии не только к этим авторам, но и ряду других, отдав, «отдав им на откуп» все планеты Солнечной системы, например, на основе близости этих планет к Солнцу: чем ближе к Солнцу, тем больше та или иная планета им согрета, тем данное имя дороже для ценителей того иного мастера.

Выводы

Изученный материал позволяет прийти к следующим выводам. Проявление внутреннего мира человека плохо поддает-

ся градуированию. Более точную оценку искомым параметрам дают позиции на мерительной шкале, получившей в нашей работе название опосредованной. Парадокс заключается в том, что, хотя тематически данная умозрительная шкала является «чужой» для мира чувств, испытываемых человеком, мерительные позиции по-своему выполняют возложенную на них функцию, определяя меру, степень, либо качество тех или иных манифестаций в сфере человеческих эмоций и переживаний.

Для этого скалярные «иносказания» должны реорганизоваться в выражения человеческих эмоций и переживаний посредством процедуры дешифровки, которая производится в уме практически мгновенно, абстрагируясь от аллегорических аллюзий.

Литература

Сепир Э. Градуирование. Перев.с англ. Г.Е. Крейдлина // Новое в зарубеж. лингвистике. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 43–78.

Артюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

Шейгал Е.И. Градация в лексической семантике. – Куйбышев: КГПЦ им. В.В. Куйбышева. – 95 с.

Халина Н.В. Категория градуальности в слове и тексте. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1993. – 164 с.

Белоглазова Е.В. Градуальные функции разноуровневых средств русского языка. – Саранск: Изд-во МГПИ, 2006. – 83 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

Колесникова С.М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 2010. – 279 с.

Фурс Л.А., Назарова И.В. Когнитивные аспекты формирования категории градуальности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – №4. – С. 33–37.

Туровская М.И. Бабанова: Легенда и биография. – М.: Искусство, 1981. – 351 с.

ЭФФЕКТ «ИСПОРЧЕННОГО ТЕЛЕФОНА» В ПОНИМАНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЧЕВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ¹

Понимание – это разновидность речевой деятельности, результатом которой является установление смысла некоторого объекта (обычно текста или дискурса) [1, 124]. По А. В. Бондарко, речевой смысл может быть охарактеризован как та информация, которую хочет передать и передаёт говорящий, и та информация, которую воспринимает адресат [2, 319]. Таким образом, в качестве важного модуля этого процесса выступает «освоение» сказанного – в сознании человека, воспринимающего информацию, выстраивается модельный мир, создаваемый его внутренними ресурсами. При этом важно, чтобы внутренние ресурсы интерпретатора предполагали физическую способность воспринимать то, что он слышит, в надлежащем виде, а ещё важнее – чтобы выдерживалось предельное соответствие «своего» модельного мира «чужому».

Нарушение первого из этих условий в той или иной степени безусловно затрагивает второе, то есть влечёт за собой противоречие между модельными мирами и ведёт к полному или частичному непониманию сказанного. Подобный случай может быть приравнен к эффекту «испорченного телефона». Под шутливым выражением «испорченный телефон» понимаются сведения, до неузнаваемости искажаемые при передаче от одного лица к другому [3, 781]. Любопытно, что игра, давшая название этому выражению, практикуется и в других странах – в Великобритании она известна как *Chinese whispers* – (букв.) «китайские перешептывания» [4, 1386], или *Russian gossips* – «русские сплетни» [5, 399]. Из этого следует, что интересующий нас эффект понятен не только русскому народу, но и ряду других.

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2011. – № 2. – С. 11–14.

В русском языке казусы «испорченного телефона» фиксируются в текстах разных жанров:

1) Народная байка

Ребёнок видит, что в кринку с простоквашей случайно попала мышка.

– Баба, кися! (Баба, крыса!) – говорит он.

– Кисло, сыночек, кисло, – отвечает та.

– С газами! (С глазами!)

– Из Казани, милый, из Казани!

2) Сказка

У одной бабы был муж глухой. Раз как-то вздумалось ей приласкаться к мужу. Вот она и говорит ему: «Ох ты моя защита и оборона!» – «Как, я ощипана ворона? Ах ты, такая-сякая!» И отколотил жену.

«Что ты, глупый чёрт! – закричала баба. – Разбойник, обидчик этакой!» – «Вот давно бы так!» – сказал муж.

(Народные русские сказки А. Н. Афанасьева)

3) Анекдот

На игре слов строится «исторический анекдот из русской жизни».

Фразу Меншикова, находившегося под впечатлением действий московского генерал-губернатора: «Бедная Москва на осадном положении», некий граф Киселёв довёл до императора Николая. Меншикову пришлось оправдываться перед царём: «Киселёв глуп и вечно недослышит. Я сказал, что Москва находится не в осадном, а в досадном положении».

Сбитый с толку царь махнул рукой и ушёл.

(Исторические анекдоты)

4) Миниатюра из Толкового словаря

У В. Даля в статье «Глухой» приводится следующий диалог
«Здорово, братан!» «Горох покупал!» «Глухой черт!» «Не кой черт, у меня семья!» (В. Даль Толковый словарь живого великорусского языка)

«Недослышанная», но принятая за подлинную информация по-своему интерпретируется, приводя в действие механизм апперцепции. Настоящая статья посвящена разным вариантам его языковой объективации с той целью, чтобы на исключениях понять также и правило, т.е. функционирование этого механизма в обычных ситуациях общения.

Термин «апперцепция» (от лат. «ab» + «perception») в переводе на русский язык понимается как «обусловленность и соотносимость с восприятием». Приоритет его введения в научный оборот принадлежит Г. В. Лейбницу, назвавшему словом «апперцепция» акт перехода бессознательных психических состояний (перцепций) в ясно и отчётливо осознаваемые. Проблема апперцепции занимала также И. Канта, который усматривал в так называемой трансцендентальной апперцепции – единство опыта и познания (однако этот феномен вписывался в доктрину, утверждающую, будто разум управляет законами природы).

Свой вклад в учение апперцепции внёс И. А. Гербарт, объяснявший посредством данного понятия зависимость содержания новых представлений от запаса уже имеющихся.

К изучению апперцепции как простейшей и вместе с тем фундаментальной психической закономерности обращались М. Вундт и его ученики. Дальнейшее развитие физиологии и психологии в указанном направлении доказали, что отражение предмета в голове человека – это не зеркальный, а сложный диалектический процесс, и характер восприятия, его содержательность и глубина в результате овладения новыми знаниями меняются, поэтому на одну и ту же вещь разные люди смотрят «как бы разными глазами», т.е. имеют различную апперцепцию [6, 84–85].

Первым лингвистом, обратившимся к слову как средству апперцепции, был классик отечественного языкознания А. Потебня. На примерах из русской литературы он показал действие этого механизма в сознании разных людей, воспринимающих нечто по-своему, так как это нечто осознаётся на базе

полученных ранее впечатлений. «Когда инспектору врачебной управы, по поводу Чичикова и мёртвых душ, приходят на мысль больные, умершие в значительном количестве в лазаретах, председателю казённой палаты – неправильно совершённая купчая и каждому из служащих лиц города N свои служебные грехи... всё это образцы различной апперцепции» [7, 79].

«Апперцепция – везде, где данное восприятие дополняется и *объясняется* наличным, хотя бы самым незначительным запасом других», – писал А. А. Потебня [там же, 82].

Трактуя «апперцепцию в слове» учёный опирался на понимание этого феномена западными психологами.

В современной трактовке апперцепция представляется как активное состояние психики при столкновении с новым содержанием сознания, включения новых знаний и нового опыта в систему уже сложившихся знаний, отбор, обогащение и классификация наличного материала сообразно со структурой сознания.

Именно сквозь призму апперцепции мы будем трактовать случаи интерпретации высказываний, по ряду причин не понятых реципиентами.

Сгруппируем эти случаи по характеру примеров «неудачной коммуникации» по цепочке: «произнесённое» – «аномально воспринятое» – «ошибочно толкуемое». Приводимые ниже примеры взяты из произведения русской художественной литературы. Каждый из них открывает новую позицию нашей классификации.

1. Звуковая игра в составе слова

– Алло! Ну что же вы молчите? С вами ужасно трудно разговаривать по телефону. Расскажите, что вы **подделываете**?

– <...> Что я **подделываю**? Преимущественно кредитные бумажки.

– Алло? Я вас не слышу!

– Кредитные бумажки!!!

– Что – кредитные бумажки?

– Я. *Подделываю.*

– К чему вы это говорите?

– А вы спрашиваете, что я *подделываю*?

Я не разобрал – два «д» у вас или одно. Вот и ответил.

(А. Аверченко. Алло)

В данной комедийной ситуации у человека, занятого изготовлением фальшивых купюр, нет сомнений, что на другом конце провода его спрашивают именно об этом. Весть гротеск ситуации по воле писателя-юмориста заключается в глупой готовности незадачливого фальшивомонетчика сообщить о своём криминальном действии по принципу: «что на уме, то и на языке».

II. Некорректное восприятие слов на основе их омонимичного звучания

– Ну что же. – Заложив руки за спину он (Лужин) прошёлся по кабинету <...>. Мы вам помочь. А вы не хотите. А между прочем, *Курта*, случайно не знаете, а?

– *Кур-то*? – удивилась Нюра.

– Ну да, *Курта*.

– Да кто же *кур-то* не знает? – Нюра пожала плечами. – Да как же это можно в деревне без *кур-то*?

– Нельзя? – быстро переспросил Лужин. – Да. Конечно. В деревне без *Курта*. Никак. Нельзя. Невозможно. – Он придвинул к себе настольный календарь и взял ручку. – Как фамилия?

– Беляшова, – сообщила Нюра охотно.

– Беля... Нет. Не это. Мне нужна фамилия не ваша, а *Курта*...

Нюра посмотрела на Лужина, не понимая. Губы её задрожали, на глазах опять появились слёзы.

– Не понимаю, – сказала она медленно. – Какие же могут быть у *кур* фамилии?

– У *кур*? – переспросил Лужин. – Что? У кур? – А? – Он вдруг всё понял и, прыгнув на пол, затопал ногами. – Вон! Вон отсюда! (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

В не менее смешном отрывке Нюра судит о вопросах сотрудника НКВД с позиций деревенской жительницы, про **курто** подружка Чонкина знает практически всё, а имя **Курт** так и остаётся для неё фонетической загадкой.

III. Ошибочный синтез словосочетания

*Однажды Оська прибежал из школы в полном смятении. На улице среди бела дня к нему подошёл какой-то солдат и спросил Оську, не знает ли он, как пройти в **Швамбранию**. Оська растерялся и убежал.*

(Л. Кассиль. Кондуит и Швамбрания)

В известной повести Л. Кассиля двое ребят придумывают игру в страну **Швамбранию**, названную ими так в честь автора любимой книги «Греческие мифы» Шваба.

Дети настолько увлекаются этой игрой, что уличное обращение к ним молодых крестьян в обмотках: «*Где тут в **штабармию** (т.е. **штаб армии**) пройти? В красные добровольцы записаться...*» заставляет их поверить в реальность нереального.

IV. Неправильная расшифровка целого высказывания

Мальчишки стали подсказывать мне стихи: «Весело сияет месяц над селом». А в это время у меня был хронический насморк, и я плохо слышал одним ухом и поэтому с трудом разбирал то, что они мне подсказывали.

*Ещё первые строки я кое-как произнёс. Но когда дело дошло до фразы: «**Крест под облаками** как свеча **горит**». Я сказал: «**Треск под сапогами** как свеча **болит**».*

(М. Зоценко. Не надо врать).

Можно только предположить, что первые три слова стихотворения были произнесены учеником, облаченные в более понятную и близкую для него форму, но глагол «болит» не мог появиться в стихотворной версии совершенно случайно. Мальчик плохо слышал из-за своего недомогания.

V. Наделение высказывания новым смыслом

Героиня одного из рассказов известного шоумена Л. Якубовича, девочка, не достигшая ещё возраста трёх лет, держа в руках потухшую свечку из торта, говорит своей доброй няне, пожилой, доброй и верующей женщине: **«Молись и кайся!»** Этим **«Молись и кайся!»** она буквально преследует старушку и к ужасу последней произносит **«Молись и кайся!»** как заклятье бесчисленное количество раз.

У ребёнка началась истерика. Девочка визжала и топала ногами. Голос её метался по комнате, отражался от стен и колоколом, бил по ушам перепуганной до смерти няньки.

(Л. Якубович. Молись и кайся!)

Только пришедшие домой родители поняли, что ребёнок таким образом просил поставить на видео её любимый мультфильм **«Малыш и Карлсон»**.

Следует остановиться ещё на одном сопряжённом с изложенным выше явлении, которое также управляется апперцепцией. Это явление народной этимологии.

Народной этимологией принято называть переосмысление неизвестного или малопонятного слова по случайному сходству с более известным и понятным [8, 75].

В принципе на народную этимологию распространяется тот же эффект «испорченного телефона» с той лишь разницей, что человек не просто искажает смысл чего-то услышанного и по-своему интерпретируемого – в «переоформленном» звуковом рисунке слова содержится попытка узнать логику именованного стоящего за этим словом объекта.

Народная этимология свойственна речи неграмотных людей, которым хочется употребить «дикивинное слово».

Так, в рассказе А. П. Чехова «Кухарка женится» представлен следующий монолог:

Тебе бы всё с почтальонами, да лепетиторами перемигиваться! К Гришеньке лепетитор ходит, барыня, так она об него все глазищи обмазолила. У, бесстыжая!

По мнению необразованной женщины, молодой учитель, приходящий в дом с частными уроками – **лепетитор**, потому что он **лепечет** что-то непонятное, совершенно далёкое от её сознания.

К народной этимологии часто прибегают дети в их стремлении познать мир «слов и вещей».

Перечень таких «новообразований» приводит в книге «От двух до пяти» К. И. Чуковский:

вертилятор (вентилятор) – потому что **вертится**;

кружинка (пружинка) – потому что **круглая**;

прицепт (а не рецепт) – т.к. он **прицепляется** к аптекарской бутылочке;

гульвар (а не бульвар) – т.к. это специальное место для **гуляния**.

Мать говорит дочери, чтобы успокоить её: «*Терпи, казак, атаманом будешь*». Дочка, в свою очередь, вторит матери, обращаясь к кукле: «*Терпи коза, а то мамой будешь!*» и т.п. [9, 32]. Список подобных иллюстраций можно было бы продолжить.

Таким образом, все перечисленные выше примеры убедительно демонстрируют, что человек интерпретирует поступающие к нему сообщения с позиций своего «Я», основываясь на наличии в его сознании **внутренней установки на информацию, которую он не столько слышит, сколько хочет услышать в создавшихся обстоятельствах**. Понимание информации осуществляется исходя из возрастных особенностей, уровня интеллектуального развития и жизненного опыта человека, его психического настроения, политических и религиозных убеждений, устоявшихся привычек, условий бытования и прочих факторов.

В описываемых нами случаях отдалённый от истинного фонетически облик отдельного слова или целого высказывания ассоциируется с нечто уже известным, знакомым, либо в данный момент внутренне переживаемым, и порождает реакцию, вызывающую (при взгляде «со стороны») комический

эффект. Однако у этого смешного есть свои корни, уходящие в научное толкование явления апперцепции.

Литература

1. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

2. Бондарко А. В. Интерпретация понятия «смысл» / А. В. Бондарко // Словарь. Грамматика. Текст. Сб. ст. – М.: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996. – С. 316–321.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «Азъ», 1996. – 928 с.

4. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman, 2000. – p.1368.

5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge University Press, 1995. – p. 489.

6. Философская энциклопедия. – М.: Гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия». – 504 с.

7. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев: Синто, 1993. – 191 с.

8. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М.: Учпедгиз, 1995. – 400 с.

9. Чуковский К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский. – М.: Детгиз, 1957. – 367 с.

Литературные источники

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки / А. Н. Афанасьев. – Лениздат, 1983. – 446 с.

Исторические анекдоты из русской жизни. – М.: Захаров, 2004. – 464 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. / В. И. Даль. – М.: Изд. гр. «Прогресс» «Универс», 1994. – Т.1. – 1743 с.

Аверченко А. Т. Весёлые устрицы / А. Т. Аверченко. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. – 477 с.

Войнович В. Н. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. / В. Н. Войнович. – М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс, изд-во Изографус, 2002. – 544 с.

Кассиль Л. А. Конduit и Швамбрания / Л. А. Кассиль. – М.: Детская литература, 1975. – 495 с.

Зощенко М. М. Возвращённая молодость: Новости, рассказы, фельетоны / М. М. Зощенко. – М.: Эксмо, 2007. – 576 с.

Чехов А. П. Рассказы / А. П. Чехов. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1978. – 318 с.

Якубович Л. А. По чуть-чуть... Рассказы, стихи / Л. А. Якубович. – М.: Вагриус, 2010. – 384 с.

Вопросы когнитивной лингвистики

Способы объективации лексических концептов

Концепт – это ментальная репрезентация, отвечающая представлению о смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание его опыта в познании мира в виде неких «квантов знания» (КСКТ 1996, с. 90; The Blackwell Dictionary 1994, p. 77). В истории когнитивной науки существовали разные точки зрения на форму и содержание ментальных репрезентаций, и даже сегодня ведутся споры об их природе. Имеются некоторые ученые, скептически относящиеся к репрезентации реалий окружающей действительности в сознании *homo sapiens* в виде образов, они предпочитают говорить не об образах, а именно о концептах, противопоставляя тем самым два этих понятия. Размышления противников образного характера репрезентаций сводятся к следующему. Ментальные репрезентации осуществляют связь между словом и миром (*words and the world*). Слово обозначает предметы и явления, потому что оно ассоциируется с чем-то в голове говорящего или слушающего. Если следовать простой и старой идее о том, что ментальные репрезентации являются образами (*images*), то необходимо признать отношение сходства между ними и объектами реальной действительности. Однако за существительными типа «дом» или «машина» в головах разных людей возникают и разные образы в зависимости от их личного житейского опыта. Под словом «треугольник», например, один человек мыслит равносторонний треугольник, второй – равнобедренный, а третий – какую-то иную разновидность данной геометрической фигуры. Следовательно, трудно представить образ, который бы разделял признаки, свойственные всем треугольникам, домам и машинам. Эта проблема во много раз усложняется, если задуматься об образах

реализации таких слов, как «животные», «пища», не говоря уже о «любви», «справедливости» и «демократии».

Необходимо модернизировать теорию образа, продолжают эти авторы, признав, что предмет, находящийся «вне нас» репрезентируется нашему сознанию в качестве абстрактной, а не визуально-образной сущности, и именно эта абстракция именуется концептом.

Концепт не имеет визуально-образного начала, но позволяет осознать, что «собака» – это собака, а «демократия» – демократия (Saeed 2006, p. 32–33). Сторонники данной теории безусловно правы в признании заместительной функции концепта (на эту функцию еще в 20-ые годы прошлого столетия указал наш соотечественник С.А. Аскольдов), однако лишать образной составляющей исключительно все концепты, с нашей точки зрения, неправильно. Ученые, на идеи которых мы ссылаемся, возводят в абсолют пропозициональноподобную природу репрезентаций: «Мы со всей уверенностью можем дать пропозициональное определение треугольнику – трехсторонний многоугольник, классифицируемый по многообразию своих углов и сторон» (там же). Однако в случае гипертрофирования роли пропозиций не учитывается известная теория двойного кодирования (образного и языкового), связанная с именем А. Пейвио, и не принимается во внимание концепция универсального предметного кода (УПК), разработанная российскими психологами и лингвистами Н.И. Жинкиным, И.Н. Гореловым, А.А. Залевской и другими учеными. Единицы универсального предметного кода являются предметно-чувственными образами, свойственными индивидуальному сознанию любого человека, они включаются в состав концептов наряду с «прикрепленным» к ним рациональным знанием (Попова, Стернин 2007, с. 39–40).

Наконец, противоречия между образами и концептами, стоящими за словами «дом», «машина», «треугольник», «животные», «любовь», «справедливость» и «демократия», можно

было бы снять, признав неоднородный характер концептов. Эта неоднородность объясняется, прежде всего, великим многообразием мира, в котором человек существует и которое он осмысливает.

Нами была разработана типология концептов, включающая их следующие разновидности: мыслительные картинки, схемы, фреймы и сценарии, а также так называемые «калейдоскопические концепты», соотносимые с репрезентациями абстрактных имен и слов морально этической сферы (Бабушкин 1996).

Если понимать под концептом «квант» структурированного знания, говорить о возможности извлечь из концепта разные признаки, выделять его разные слои и описывать его именно как структуру (см. работы З.Д. Поповой и И.А. Стернина), то идея дифференциации концептов по их содержанию представляется важным соображением, и тогда термин «концепт» будет выступать как родовое обозначение на фоне его видовых ветвлений, – пишет Е.С. Кубрякова (Кубрякова 2004, с. 317).

Однако мало назвать типы концептов – необходимо объяснить, почему лингвист имеет право рассуждать о них.

Как уже отмечалось, концепт – это ментальное образование, скрытое от непосредственного наблюдения. Каким же образом концепт перестает быть «вещью в себе», какова методика выявления этого мыслительного конструкта и его видовых ветвлений?

Ответ – через семантику языковых средств. Существуют традиционные методики лингвистического анализа концептов, концепт может быть также определен с помощью психолингвистического эксперимента. Экспериментальная методика описания когнитивных структур подробно представлена в книге «Когнитивная лингвистика» З.Д. Поповой и И.А. Стерниным.

В настоящей статье мы подходим к проблеме выявления концептов с семантико-когнитивных позиций и ставим перед собой задачу обозначить способы выявления концептов разных типов, хотя и в нашей работе последует ссылка на чрез-

вычайно простой, но – хочется верить – показательный эксперимент.

Итак, для того, чтобы концепт стал объектом лингвистического исследования, он должен быть «языковлен», то есть «схвачен» языковым знаком. Не менее важным представляется определение характера информации, подводимой под этот знак. Именно последний фактор будет определяющим в процессе выявления концептов, не совпадающих по своей «фактуре».

Информация, которую несет в себе языковая единица, выражается в ее значении. Вслед за М.М. Копыленко и З.Д. Поповой для именованной идеальной, содержательной стороны слова (иначе – его значения) мы будем использовать термин «семема», а для материальной субстанции слова, его звучания – термин «лексема». Кардинально важным для нас является тот факт, что семема, в свою очередь, подразделяется на семы – минимальные единицы плана содержания, то есть имеет свою структуру (Копыленко, Попова 1972, с. 40).

Информацию, несомую значением слова («битами» его сем), нельзя полностью приравнять к содержанию концепта (значение является частью концепта), но и значение, и концепт, стоящий за словом, представляют собой когнитивные сущности. Семема своими семемами передает определенные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт (Попова, Стернин, указ. соч., с. 92–93).

Еще раз остановимся на технике выявления типов концептов, изложенной нами в книге (Бабушкин 1996). Это вынужденная мера, так как без обращения к данному материалу не возможен ход наших дальнейших рассуждений.

Признавая отношение инверсии, существующее между словом и его лексикографическим толкованием (идеальное в слове декодируется в его определении, «упаковано» в нем), можно с уверенностью сказать, что по дефинициям лексем, представляемым толковыми словарями, можно судить о ха-

рактуре концептов, их своеобразии и – следовательно – дифференцировать их по типам.

Проиллюстрируем заявленный нами метод определения типов концептов на конкретных примерах, обратившись к одному из толковых словарей (Черных 1994).

1. Концепты – мыслительные картинки (близкие к традиционно трактуемым представлениям) объективируются в так называемых образных семах:

Петух – самец курицы с мясистым красным гребнем на голове, со шпорами на ногах, имеющий способность время от времени производить однообразные короткие выкрики, отдаленно похожие на пение.

2. Концепты-схемы воплощаются в пространственных (объемных и контурных) схемах:

Столб – вертикально поставленное и укрепленное (вкопанное) бревно, толстый брус.

3. Фрейм – представляемый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт; за фреймом стоит архисема, оформленная рядом лексико-семантических групп.

Двор – отгороженный (от соседей) участок земли вместе с домом и другими постройками или прилегающий к дому.

4. Семы движения, динамики развития ответственны за формирование концепта-сценария.

Эстафета – род спортивного соревнования команд в беге, плавании и т.п., когда в начале каждого нового отрезка дистанции победитель передает условный предмет спортсмену своей команды.

(В скобках заметим, что термины «схема», «фрейм» и «сценарий», широко известные в когнитивной науке, в нашей интерпретации служат для выражения специфического содержания семем, хотя они и сориентированы на одноименные формы организации памяти в голове человека)

Конечно, для более объективного выявления концептуальной сущности слова необходимы данные не одного, а не-

скольких дополняющих друг друга словарей. Мы также отдаем себе отчет в том, что люди, как правило, не сверяют значения слов по лексикографическим источникам, но резонно заметить, что и не все они ставят перед собой цель определить тип того или иного концепта.

Особое место в типологии концептов занимают когнитивные структуры, которые мы называем «калейдоскопическими концептами». Как уже отмечалось, калейдоскопические концепты стоят за абстрактными словами и именами морально-этической сущности. В обычных толковых словарях передаются лишь самые общие представления о данных категориях. Калейдоскопическими эти концепты называются нами потому, что они в одних ситуациях проявляются в виде мыслительных картинок, в других – в виде схем, фреймов или сценариев. Калейдоскопические концепты обычно вербализуются в выразительных изречениях известных мыслителей прошлого: *«Что слава? Яркая заплата на ветхом рубище певца!»* (А.С. Пушкин); *«Пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств»* (Ф. Ларошфуко); *«Чистая совесть – это постоянное Рождество»* (Б. Фрэнклин); *«История – неизменная пьеса, которую играют все новые и новые актеры»* (А. Монтерлан) (Бабушкин 1997).

Понятия (приближенные к их традиционной интерпретации) также объявляются нами концептами, но когнитивными моделями, лишенными всякой образности, это логически-конструируемые концепты, содержание которых равно смыслу лексикографических толкований тех или иных слов. Например, *«Право» – совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей, а также наука, изучающая эти нормы.*

С платформы вышесказанного перейдем к дальнейшим размышлениям о типах концептов и способах их объективации.

Остановимся на той идее, что выявление типов концептов по словарным определениям не является единственным доступным методом. В свое время мы пытались проиллюстриро-

вать типы концептов примерами из художественных произведений (Бабушкин 1996), хотя тем самым лишь дублировали известные приемы. Как нам представляется, к способу выявления концептов по фрагментам прозаических или поэтических текстов следует присмотреться более внимательно. Дело в том, что некоторые словарные дефиниции не приводят исследователя к искомому результату.

Возьмем, например, лексику «волк» и проследим ее толкование по нескольким словарям:

1) *Волк – хищное животное семейства псовых (Ожегов, Шведова 1996).*

2) *Волк – хищное животное, родственное собаке (Черных 1994).*

3) *Волк – дикое хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски (ССРЛЯ 1948–1964).*

Попытка выявить по трем словарям концепт-картинку «волк» не увенчается успехом, лишь в последнем случае находим указание на серую окраску шкуры волка.

Для сравнения см. зарисовку «с натуры», компенсирующую то, что по мнению составителей словарей, должно быть понятно «по умолчанию»:

1) *Нас разделяет шагов пятнадцать... Несколько сильных прыжков и волк будет возле меня. Но он стоит неподвижно. Увидев человека, он согнул и приподнял переднюю лапу. Точно так же на охоте, почуя дичь, делает стойку собака <...>.*

В объектив (фотоаппарата) я хорошо вижу два чуть прищуренных коричневых глаза, два небольших твердых уха под скуластой, почти округлой мордой, темной вверху и дымчато-серой снизу. Ни страха, ни злобы в глазах. Темная шерсть на крутом лбу слегка шевелится. Не сомневаюсь, что вижу в кадре мыслящее существо (В. Песков. В гостях и дома).

Другие авторы вносят в описание волка что-то свое, но близкое к уже сказанному:

2) *Иван Тимофеевич оглянулся – и обомлел: два тощих волка, поджав хвосты, прыгнули в сторону. Они остановились и,*

сонно щуря холодные бессмысленные глаза, трепетно шевеля ноздрями, вытянули морды. Иван Тимофеевич увидел даже седину на нижней челюсти волка (В. Белов. Весна).

3) Волки серыми комками податливо катились с горы, наперез подводам... Впереди отмахивал крупный, грудастый с паленой мордой.

Ивана поразило сходство волка с овчаркой. Раньше он волков так близко не видел и считал, что это что-то вроде овчарки. Сейчас он понял, что волк – это волк, зверь (В. Шукшин. Волки).

Приведенные здесь описания волка в границах каждого текста формируют самостоятельный блок с четко очерченными границами. Точно так же, как в словарном определении образные семы несут дескриптивную информацию о концепте «мыслительной картинке», в рамках приведенных выше текстовых отрывков объективируется набор признаков, реализуемых в плане содержания лексемы «волк», которая выступает в качестве слова-мишени, то есть тематически главной для данного отрывка лексической единицы.

Важно и другое. Если сравнить мыслительную картинку, репрезентированную универбом «петух», то следует признать, что набор сем, ответственных за формирование семемы «петух» несет в себе констатирующую информацию (которой в принципе владеет любой носитель языка), а признаки, раскрывающие в тексте когнитивный образ лексемы «волк» – познавательную, когнитивно-релевантную информацию, считываемую посредством «our mind's eye» («оком нашего разума») (Mind and Cognition 2007, p. 400–402).

С другой стороны, даже самое подробное описание объекта, «диковинного», скажем, для русского национального сознания не приведет к формированию концепта как когнитивной структуры, способной храниться в долговременной памяти носителя языка: набор мыслительных картинок ограничен картиной мира, сложившейся в сознании национального коллектива и его отдельных членов.

Волк знаком для людей, говорящих по-русски, с самого раннего детства как герой народных сказок. Изображения этого животного встречаются в книгах, волка можно увидеть в зоопарке. Однако визуальные характеристики, присущие этому зверю, будучи описанными мастерами художественного слова, обогащают содержание одноименного концепта и компенсируют скупость лексикографических дефиниций соответствующей лексемы.

К сказанному следует добавить, что не все концептуальные признаки объекта хранятся в долговременной памяти – фиксируются лишь наиболее существенные. В этой связи уместен пример американского философа Я. Вестерхоффа: В репрезентации нашему сознанию образа тигра не важно точное число полос по его бокам (Westerhoff, p. 605).

Вслед за концептом – мыслительной картинкой, извлекаемой из текста, перейдем к размышлениям о способах выявления концепта-схемы, дополняющих уже известную методику определения модели этого типа.

Схемы включаются в совокупность перечисленных А. Пейвио картиноподобных репрезентаций (КСКТ 1996, с. 157), но особенность схем в этом списке заключается в генерализации и симплификации «картичности».

Каким образом можно наглядно продемонстрировать характер плана содержания слов типа «*дерево*», «*цветы*» или «*птица*», представляющих собой рубрики соответствующих категорий? Как же определить специфику концептов «*дом*» и «*гора*»? На помощь приходит элементарный эксперимент, позволяющий доказать пространственно-графическую природу этих ментальных репрезентаций. Сорока пяти студентам первого курса филологического факультета, составляющим три учебные подгруппы, было предложено в предельно сжатый отрезок времени нарисовать дорогу. Было получено сорок пять изображений дороги в виде двух параллельных, горизонтально расположенных прямых.

Опыт общения с детьми свидетельствует о том, как они рисуют человека – в единстве его головы, туловища, рук и ног. Детское творчество часто сопровождается рифмовкой: «Точка, точка, запятая, минус, рожица кривая, палка, палка, огуречик – вот и вышел человечек» (Попова, Стернин 1999, с. 18). «Застывшую» метафору можно увидеть в словах «птичка» (или «галочка») – знака, которым отмечается что-то важное на полях книги или рукописи.

В связи с термином «метафора» вернемся опять к слову «дорога». Интересно, что в целом ряде поэтических произведений она (внимание!) также сравнивается с полосой или лентой.

1) *Тоскуя – полосою длинной*

*В туманной утренней росе,
Вверяет эху сон пустынный
Осиротелое шоссе.*

(Ф. Глинка)

2) *Иду один. Передо мною*

*Дороги пыльной полоса
<...> И также лентою широкой
Дорога длинная лежит.*

(И. Никитин)

3) *Вьется лента дорог*

Серпантином вчерашних надежд...

(А. Булатова)

Совершенно интуитивно возникает предположение, что за словом «полоса» мыслится прямая дорога, а за «лентой» – извилистая.

«Схему» в голове человека нельзя понимать натуралистически. Просто она «угадывается» в словах «гора», «пропасть», «река», «дерево», «дорога», поэтому стоящие за этими словами реалии легче представить как схему, а не как картинку.

Признаки концепта-фрейма также вербализуются в отрывках из художественных произведений. Составители слова-

рей надеются на предварительные знания пользователей, когда толкуют, например, значение слова «базар», и мы мысленно соглашаемся с писателями, которые предлагают нам свое (развернутое) видение этого места торговли, узнаем образные картины, хранящиеся в нашей памяти:

1) *Базар был буен, пахуч, ряды конкурировали свежей рыбой, мандаринами и цветами (А. Веллер. А вот те шиш).*

2) *Да... базары моего детства... И самый главный, легендарный и грандиозный – Алтайский! <...>*

Издали душно благоухали прессованные кубы из желтых сушеных дынь...

Россыпью полудрагоценных камней сверкали ряды сухофруктов: черный, янтарный, красноватый изюм, тусклое золото урючин, антрацитовые слитки чернослива...

А оранжево-глянцевые кулаки первой хурмы, а горы багровых, с маленькой сухой короной, гранатов, и один обязательно расколот на погляд: из-под молочной пленки капельками крови выглядывают плотно притертые друг к другу зерна... А бледно-желтые плешивые, с островками замши на каменных боках, плоды айвы! А тяжелые влажные кирпичи халвы – золотистой кунжутной, охристой маковой, урючной ... да и Бог еще знает какой! (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы)

Разница между мыслительной картинкой и фреймом в текстовых репрезентациях заключается в том, что в первом случае «око разума» (*mind's eye*) направлено на один объект, а во втором случае – на их множество, заключенное в единую «голографическую картинку».

По фрагменту художественного текста выявляется и концепт-сценарий. Этот тип концепта убедительно раскрывает известный фрагмент из романа М. Шолохова «Тихий Дон», описывающий драку между казаками.

«Через высокий плетень Григорий махнул птицей. С разбегу сзади хлобыстнул Степана. Тот качнулся и, обернувшись, пошел на Гришку медведем.

Братья Мелеховы дрались отчаянно. Клевали Степана, как стервятники падаль. Несколько раз Гришка катился наземь, сбитый Степановой кулачной свинчаткой. Жидковат был против заматеревшего Степана. Но низенький вьюн Петро гнулся под ударами, как камыш под ветром, а на ногах стоял твердо.

Степан, сверкая одним глазом (другой затек опухолью цвета недоспелой сливы) отступал к крыльцу.

Разнял их Христоня, пришедший к Петру за уздечкой.

– Разойдись! – махал он клешнятыми руками. – Разойдись, а то к атаману!»

Свой вариант сценария драки дает М. Зощенко в рассказе «Нервные люди». Драка в коммунальной квартире вырастает из ссоры на кухне – Марья Васильевна Щипцова взяла чужой ежик, которым моют бутылки:

«Все жильцы, конечно, поднаперли на кухню. Хлопочут. Инвалид Гаврилыч тоже является.

– Что это, говорит, – за шум, а драки нету?

Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка. Началась.

А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Кругом кастрюли и примуса. <...> А инвалид, чертова перечница, несмотря на это в самую гущу вперся. Иван Степанович, чей ежик, кричит ему:

– Уходи, Гаврилыч, от греха! <...> Тут в это время кто-то и ударяет инвалида кастрюлей по голове.

Инвалид – брык на пол и лежит. Скучает.

Тут какой-то паразит за милицией кинулся.

Является мильтон. Кричит:

– Запасайтесь, дьяволы, гробами, сейчас стрелять буду!

Только после этих роковых слов народ маленько очухался. Бросился по своим комнатам».

Два эпизода, один – трагический, другой – грубовато-комический, структурно повторяют друг друга. В них есть завязка событий, динамика их развития, апогей и следующая за

ним кульминация; между участниками действия распределяются роли, как это положено в любом сценарии.

Впрочем, рубрика сценария (в данном случае – «Драка») не обязательно должна быть представлена универбом. Классическими примерами сценария являются сценарии «*Поход в театр*» или «*Посещение ресторана*», когда некая целостность ситуации обозначается не однословно. В этой связи, завершая разговор о концептах-ситуациях, рассмотрим когнитивную модель, обозначенную сочетанием слов «*Встреча Нового года*».

См. нижеследующую иллюстрацию, которая возвращает нас в недавнее прошлое и одновременно сохраняет череду эпизодов, перманентно удерживаемых в сознании носителя русского языка:

Старый год проводили чинно – выпили шампанского.

– А телевизор? Телевизор-то включить! – заволновалась Фаина Ивановна и искала глазами телевизор. Телевизора не было.

– Как это? В наше время и без телевизора! – изумилась Фаина Ивановна.

Пришлось ей обойтись без Брежнева, без «Голубого огонька», без «Карнавальной ночи». В двенадцать бомкнули бабушкины настенные часы, – чокнулись. Пошла в ход большая Фаина еда.

(Л. Улицкая. Искренне ваш Шурик)

Сочетание слов «Встреча Нового года» репрезентирует атмосферу праздничного застолья, события состоящего из ряда стереотипных действий. Отсутствие одного из них (здесь – невозможность посмотреть программу новогодних телепередач) воспринимается как непорядок, как сбой в надлежащей церемонии.

Проверка устойчивости данного концепта-сценария происходит в процессе интроспекции, когда в памяти активизируются знания, основанные на личном опыте каждого.

Перейдем к анализу способа объективации калейдоскопических концептов на материале абстрактных существительных. Авторы коллективной монографии «Логический анализ языка. Языки этики» (2008) отмечают особую сложность определения

когнитивной сущности этических номинаций. В работах А.Д. Кошелева, Л.Г. Пановой, В.О. Максимова, Н.Д. Аругюновой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, А. Зализняк и других ученых изучаются языковые выражения таких концептов, как «долг», «добро», «стыд», «совесть», «позор» и им подобных мыслительных формул.

Показано, что чаще всего смысл лексем типа «добро» и «зло» раскрывается в многочисленных контекстах их употреблений. Однако рациональное содержание этических концептов можно также познать с помощью когнитивных метафор. Метафора понимается как средство видения одного объекта через другой. «Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта)», – пишет Л.Г. Лузина, – «В процессе познания эти сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнем, сферы экономики и политики – с играми, спортивными соревнованиями и т.д.). В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности» (КСКТ 1996, с. 55).

Прекрасно описанный Л.Г. Лузиной механизм образования когнитивных метафор годится и для анализа слов абстрактной семантики. Но они бывают порой настолько сложными и многогранными, что необходима не одна, а целый ряд метафор, для того, чтобы проявилась какая-то новая грань одного и того же «трудного» слова – в этом и заключается суть «калейдоскопичности» его плана содержания.

Мы уже говорили о важности афоризмов и сентенций, представляющих значение интересующих нас лексических единиц. Вот как в них, по-разному, в виде чередующихся обра-

зов репрезентируется концепт «*время*»: «*Время – корабль, никогда не бросающий якоря*» (мыслительная картинка); «*Время – это ткань, из которой сделана жизнь*» (схема); «*Время неподвижно как берег*» (фрейм); «*Время скребет, роет нас, как землекоп почву, и обозначает нашу геологию*» (сценарий).

«Вернисаж» образов, заданных темой «*время*», формирует семантическое поле, позволяющее взглянуть на концепт «*время*», как бы в калейдоскоп, глубже проникая в его содержание, хотя и не раскрывая это содержание полностью.

Подведем итоги сказанному. Нельзя объявить какую-то одну методику достоверной и единственной в выявлении типов концептов. Их природу способен вскрыть психолингвистический эксперимент; тип концепта определяется по словарному толкованию лексической единицы; ту или иную когнитивную структуру может объективировать фрагмент художественного текста; содержание концепта репрезентируется набором метафор.

Следует заметить, что каждый из перечисленных здесь способов имеет свой недостаток: эксперимент требует подготовки, особой организации, а иногда и специального оборудования; обращение к словарным дефинициям порой не приносит успеха, так как изложенная в них информация оказывается недостаточной для когнитивного анализа; выявление типа концепта по фрагменту художественного произведения ущербно тем, что этот процесс сопровождается излишне детализированными личными впечатлениями писателя; метафоры требуют усилий по переводу «эмоционального» в «рациональное» и для полного познания концепта их число должно быть невообразимо большим.

Тем не менее, описанные нами методы в их совокупности позволяют выявить вербально природу концепта и дают возможность продемонстрировать «схваченные» языковыми знаками по-разному организованные образные составляющие концептуальных единиц в зависимости от особенностей тех «кусочков действительности», которые они замещают.

Литература

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической смантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996.

КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянов В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянов, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Моск. ун-т, 1996.

Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Каф. общего языкознания и стилистики, 1999.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1972.

Логический анализ языка. Языки этики / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки славянской культуры, 2000.

Вечные истины в образных ассоциациях. Словарь – пособие для шк. сочинений / Сост. А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1997.

The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / Ed. by M.W. Eysenck. – Cambridge, Massachussets: Blackwell Publishers, 1994.

Saeed J.I. Semantics / J.I. Saeed. – Cambridge, Massachussets: Blackwell Publishing, 2006.

Westerhoff Y. Logical Relations Between Pictures / Y. Westerhoff // *The Journal of Philosophy*. V. C II, No 12. – P.P. 603–627.

Mind and Cognition. An Anthology / Ed. by W.G. Lycan, 2007.

Словари

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1996.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литер. Языка: В 17-и т. М.-Л.: АН СССР, 1948–1964.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – В 2-х т. / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 1994.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ АНТРОПОМОРФНЫХ АРТЕФАКТОВ¹

Классификационная деятельность человеческого сознания привлекала внимание исследователей ещё со времен Аристотеля, но и сегодня она представляет интерес для ученых, объединенных когнитивным подходом к проблемам человеческой психики и языка.

Классифицировать объекты, явления и процессы – значит подводить их под известные рубрики опыта путем признания той или иной сущности в качестве члена определенной категории (Кубрякова и др., 1996, 42)

«В более широком смысле слова, – пишет Е.С. Кубрякова, – категоризация – это не только акт причисления единицы к своему множеству, это гораздо более сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных сущностных признаков или свойств. Механизмы таких процессов направлены на то, чтобы за внешним разнообразием атрибутов разных объектов и событий увидеть некое сходство или даже относительное тождество» (Кубрякова, 2004, 307), придавая, таким образом, упорядоченность пространству внешнего и внутреннего мира человека. Категоризацию следует рассматривать как важнейший результат когнитивной деятельности людей и как инструмент, с помощью которого они познают окружающую их действительность и самих себя.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики нет необходимости подробно останавливаться на том, что образование категории тесно связано с формированием концепта или группы концептов – единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания, «квантов знания», вокруг которых категории выстраиваются.

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Горизонты современной лингвистики: тенденции и новаторство. – М., 2009. – С. 187–193.

Говоря о категоризации предметов и явлений, необходимо помнить о связи этого процесса с языком. Ведь именно благодаря языку «опредмечивается» мир и все, что человек выделил из окружающей среды, получает свое словарное обозначение.

В настоящее время трудно найти сферу, в которой оказались бы не зафиксированными таксономические отношения, существующие между объектами, или область, в которой любой предмет не соотносился бы с соответствующим ему классом, отделом и разрядом.

Тем не менее, даже сегодня в иерархически организованной картине мира можно выявить «нишу», в которую попадают разрозненные объекты, способные, тем не менее, к формированию системных отношений. Это происходит не только потому, что мир не исчерпаем, а способность людей к познанию – безгранична. Просто новый взгляд на известные вещи позволяет выявить класс, в который эти вещи могут быть включены на правах его членов.

Настоящая работа посвящена категоризации антропоморфных артефактов, иначе говоря, – репликаций образа человека, в изделиях, сотворенных им самим, так как случаи их системного описания нам не известны.

История указанных выше творений насчитывает не одно тысячелетие. Она начинается с создания каменных баб, идолов, человекообразных фигурок, олицетворяющих богов, которым поклонялись древние. С незапамятных времен человек изготавливал кукол, служивших отнюдь не в качестве предмета забавы. Человек наделял кукол магической силой. Их ломали, желая вызвать гибель врагов, с одной стороны, а с другой – хранили в качестве оберегов (Маковский, 2000, 105).

Фигуры, копирующие человеческое тело, использовались для прикладных нужд. «Анатомической» или «повивальной» куклой В.И. Даль называл «фонтом» – разборное подобие человека, пригодное для обучения, а «живой куклой» – автомат, способный подражать человеческим движениям и голосу. Муляж в облиции

человека запускали в космических кораблях на заре исследования космоса. Куклы выступали и выступают в качестве героев театральных представлений. Они появлялись на экранах наших телевизоров в образах отечественных и зарубежных политиков и т.п. И одновременно, с позиции наивного сознания, играть в куклы – это прерогатива детей, главным образом, девочек, реализующих в этом занятии инстинкт будущей матери.

Проблема категоризации человекоподобных изделий практически не изучалась с точки зрения когнитивной лингвистики, если не считать попытку А. Вежбицкой доказать, вопреки мнению Джорджа Лакоффа, что «кукла» не должна рассматриваться в качестве члена категории «игрушка», так как огромное количество кукол (к примеру, фарфоровые статуэтки на каминной полке) не считаются игрушками (Вежбицкая, 1997, 211).

К этому следует добавить упомянутое выше: существуют фигуры-«гуманоиды» (от лат. *humanus* человеческий + гр. *eidos* вид), которые трудно назвать собственно куклами. Они либо являются памятниками примитивного искусства, либо используются человеком в процессе его производственной деятельности.

Вместе с тем, и в куклах – произведениях малых форм – и в фигурах более крупных размеров в той или иной степени угадывается образ их создателя.

Вопросы о том, как происходит категоризация рукотворных изделий, похожих на самого человека, в каком порядке представляются сознанию их разнообразные ветвления остаются до сих пор открытыми.

Начнем с того, что за лексемами, обозначающими антропоморфные артефакты, стоят концепты, которые, как известно, и формируют категории. Концепт – это ментальное образование, но он «улавливается» семантикой обозначающих его вербальных единиц. Выражение Е.С. Кубряковой, определяющее значение слова как концепт, «схваченный» знаком, стало классическим (Кубрякова и др., 1996, 92).

Отберем интересующие нас лексические единицы по Словарю современного русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и распределим их по предлагаемым ниже рубрикам:

Куклы-игрушки

- кукла – детская игрушка в виде фигурки человека;
- пупс – игрушечный малыш, кукла-голышка;
- ванька-встанька – куколка в виде округлой фигурки, которая из-за находящейся в нижней её части тяжести принимает только стоячее положение;
- неваляшка – то же, что ванька-встанька;
- матрешка – полуовальная полая разнимающаяся по середине деревянная расписная кукла, в которую вставляются другие куклы меньшего размера;

Театральные куклы

- марионетка – театральная кукла, приводимая в движение при помощи нитей;
- петрушка – кукла, главное комическое действующее лицо в народном русском кукольном представлении;
- верховые куклы – перчаточные (надеваемые на руку) или тростевые, играющие над ширмой;
- теневые куклы – плоскостные тростевые куклы, проектируемые на экран как тени или силуэты;

Куклы-статуэтки

- болванчик – фигура, изображающая сидячего божка;

Человекоподобные фигуры прикладного назначения

- манекен – 1. Фигура в форме человеческого корпуса, употребляемая для шитья или отделки одежды; 2. Кукла в рост человека для демонстрации одежды; 3. Кукла с подвижными конечностями, применяемая художниками для зарисовок;
- чучело – в саду, огороде фигура, наподобие человеческой, для отпугивания птиц;
- пугало – то же, что и чучело;

Человекоподобные изваяния

- статуя – (обычно в полный рост или более) изображение человека;
- бюст – скульптурное изображение головы и верхней части тела человека (по грудь или пояс);
- снежная баба – человеческая фигура, слепленная из комков снега;
- снеговик – то же, что и снежная баба;
- сфинкс – в древнем Египте: каменное изваяние лежащего льва с человеческой головой;
- истукан – языческий божок, статуя, идол;
- идол – статуя, которой поклоняются как божеству;

Фигура-автомат

- робот – автомат, осуществляющий действия, подобные действиям человека.

Думается, что число этих рубрик можно умножить.

Выступая против причисления кукол к категории «игрушка» А. Вежбицкая отрицает существование между ними гиперогипонимических связей: Чтобы мы ни обнаружили в структуре чисто фундаментальных понятий типа «игрушка» (или «транспортное средство», или «оружие», или «инструмент»), это не может быть перенесено на таксономические категории типа «птица», «цветок» или «дерево». Семантические отношения между воробьем или птицей совершенно отличны от семантических отношений между мячом и игрушкой (Вежбицкая, 1997, 312).

Действительно, с этой точкой зрения нельзя не согласиться: Любой даже самый неожиданный предмет способен выступить в качестве игрушки, но рассматривать куклу в других координатах – в качестве единицы иного структурированного множества вполне возможно.

Это значит, что, если во главу угла поставить не функцию куклы (предмет игры), а её внешний вид, то кукла по праву включается в состав новой категории – совокупности антропо-

морфных артефактов, точно так же, как «воробей» подводится под свое родовое имя – «птица» а «береза» находит свое законное место среди слов, обозначающих виды деревьев.

Вернемся, однако, к анализируемому нами множеству. Если перед нами категория, то она обязана обладать свойствами, присущими этому образованию: в ней должны быть определены центр (прототип), ближняя и дальняя периферии.

Нетрудно заметить, что дефиниции приведенных нами выше словарных единиц пересекаются. Между концептами, которые они обозначают, есть нечто общее, в качестве членов они включаются в одну и ту же совокупность, центром которой несомненно является концепт «кукла», а дальней периферией – концепт «робот».

Вместе с тем, полагаем, что тематическое объединение антропоморфных артефактов избавляет нас от ранжировки исследуемых когнитивных структур относительно их центра. Достаточно сказать, что они занимают позиции в промежуточном пространстве между «куклой» и «роботом».

Важная особенность категории «антропоморфные артефакты» заключается в том, что её прототип находится не в пределах категории, а за её границами, в качестве прототипа выступает человек – живое существо. «Схема» человеческого тела, его внешние очертания послужили образцом для того, чтобы из разных поделочных материалов создавались конструкции, то близко, то весьма отдаленно дублирующие свой эталон.

Отсылка к словарным определениям членов интересующей нас категории не означает, что носители языка сверяют их значение по словарю. Языковые знаки непосредственно активизируют в сознании «мыслительные картинки», обусловленные нашим перцептивным опытом. Концепты этих объектов даны нам, прежде всего, образно. Если же соответствующий опыт отсутствует, нет и «картинки», в которой имеется что-то от человека.

Лишь немногие люди, говорящие по-русски, могут представить репликацию японского бога удачи, поэтому журналист-востоковед вынужден искать аналоги в «галерее образов», знакомых русскому читателю: «Бог удачи – Дарума – разновидность Ваньки-Встаньки в японском народном искусстве олицетворяет собой девиз: «Семь раз упасть – восемь раз подняться» (Овчинников, 1975, 1).

Члены категории антропоморфных артефактов объединяются между собой «фамильным сходством», и носители языка не соотносят с этой «семьей» объекты, не имеющие этого сходства или утратившие его.

Исследование показало, что номинации, входящие в совокупность имен под рубрикой «Антропоморфные артефакты», часто используются в качестве метафор, они входят в состав оборотов, построенных на образных сравнениях.

См. нижеследующие примеры из произведений художественной литературы:

- Тело Парфенова дергается, как марионетка в руках неумелого кукольника. (А. Слаповский. День денег)

- Машка – в подпоясанной кушачком коричневой шубе, в валенках и пестром платочке – совершенная матрешка. (А. Пантелеев. Наша Маша).

- Елисеева была такой же, как всегда – кукла-неваляшка. С бело-розовым хорошеньким личиком. (В. Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату).

- И что за парень попался, такой упрямый! – ворчал санитар, который шагал сзади. – Ему говорят – лежи, а он тут как ванька-встанька. (Н. Носов. Фантазеры).

- Я ничего не могу с собой поделать. Я как робот, как марионетка в твоих руках. (Вл. Колупаев. Жизнь как год).

Человек может стоять истуканом (неподвижно, ничего не понимая) или молчать как истукан, он может ходить, как манекен. Слово «чучело» в своем переносном смысле означает грязного, небрежно одетого или нескладного человека и т.д.

В указанном плане наибольшую активность проявляет слово «кукла» – центральный член категории антропоморфных артефактов. Во-первых существует множество самых разных кукол, во-вторых, кукла обладает широким набором признаков, которые могут быть положены в основу образных сравнений и, наконец, в – третьих, целым рядом признаков наделяют кукол люди, и среди них – и без того понятное качество: кукла – неразумное существо.

Некоторые из этих признаков нами проиллюстрированы:

- Признак: кукла служит для забавы

У Инны должно быть все. Все! Ведь она – его кукла. Дорогая кукла. (А., С. Литвиновы. Осколки великой мечты).

- Признак: кукла красивая

Хорошенькая девочка. Прямо кукла! (А. Белянин. Свирепый ландграф).

- Признак: кукла, нарядно одетая

Она (Ольга) съездила в Париж, оделась как куколка (Г. Щербакова. Армия любовников).

- Признак: кукла глупа, хотя и внешне привлекательна

Хоть разбираться будет, какая женщина красивая, а какая просто кукла (Ю. Левашов. Журналюга).

- Признак: кукла-никчемное, бесполезное существо

У Марата скоро будет гастрит, потому что его Кукла не умеет даже поджарить яичницу (В. Санин. Белое проклятье).

- Признак: кукла лишена признаков жизни

Всегда живой, подвижный и улыбчивый, он сидел в своем кресле безвольно, как тряпичная кукла (А. Шленский. Эффект Зебена).

- Признак: у куклы-робота неестественные движения

Парень не вырывался, не возражал, только ноги переставлял, как механическая кукла (Е. Яковлева. Опасная тихоня).

Таким образом, будучи созданными человеком, антропологические артефакты как предметы объективного мира оказываются носителями определенных качеств. Качественные

признаки предметов, параллельно бытующих со своим творцом, осмысливаются и переосмысливаются человеком, «снимаются» в его сознании и, замыкая цикл, возвращаются к нему самому, характеризуя его внешние данные, умственные способности и поведенческие характеристики.

Подводя итог исследования, сформулируем следующие выводы:

1. Разрозненно существующие имена антропоморфных артефактов можно свести в одну категорию и выявить в этой категории центр и периферию.

2. Прототипом данной категории является сам человек, по его «образу и подобию» моделируются другие члены категории.

3. Признаки, присущие членам категории «антропоморфные артефакты» возвращаются к человеку и включаются в совокупность характеристик глобального концепта «Человек».

4. Категория строится на основе знания людей о «предметном» мире, творимом их собственными руками.

Литература

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г./ Под общей редакцией Е.С. Кубряковой / Краткий словарь когнитивных терминов/ Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1996. – 245 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание/ Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 506 с.

Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка / М.М. Маковский. – М.: Изд-во «Диалог», 1999. – 416 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ./ А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.

Овчинников В. Японская панорама/ В. Овчинников. – М.: изд-во «Планета», 1975.

ТИПИЗИРОВАННЫЕ «СЦЕНАРИИ» ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОСТАВЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ¹

Память и знания – это две важнейшие, взаимосвязанные между собой категории когнитивной науки.

Е.С. Кубрякова определяет память как когнитивную способность удерживать в голове информацию о мире и о самом себе, хранить накопленный опыт и знания в виде определенных «следов» (энграмм) – когнитивных и ментальных репрезентаций, упорядочивать этот массив знаний, а также интегрировать их в единую систему для простоты оперирования и манипулирования имеющейся информацией [КСКТ 1996: 114].

Как известно, структуры ментальных репрезентаций не являются однородными сущностями, поскольку «кусочки действительности», которые они отражают, неодинаковы по своей природе. Они представляются сознанию в виде *мыслительных картинок, схем, фреймов, сценариев* и других единиц представления мира в голове человека.

Различают два типа сценарных знаний – декларативные (declarative knowledge) и процедурные (procedural knowledge). Первые – это знания, к которым человек имеет осознанный доступ и которые могут быть выражены непосредственно, например, вербально. Наоборот, к процедурным знаниям нет осознанного подхода, их наличие может быть продемонстрировано косвенным образом через определенные действия или совокупность действия [Cognitive Psychology 1994: 93]. Так, пользователь ЭВМ обладает декларативными знаниями об устройстве компьютера, его функциях и принципах работы, а потом, приобретя достаточный опыт, он стучит по клавишам быстро и уверенно, не задумываясь о том, как именно эти действия совершаются. Различие между декларативным и проце-

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Когнитивные исследования языка. – Тамбов ; Москва, 2016. – Вып. 24 : Личность. Язык. Сознание. – С. 113–120.

дурным видами знаний сводится к философским понятиям «знать **что**» и «знать **как**».

Профессиональные действия людей разной «цеховой принадлежности», которые мы называем **«типизированными сценариями»** как раз и определяются процедурными знаниями, получающими статус неких стандартных схем.

Думается, что стандартные схемы не сводятся к совокупности всех действий, совершаемых человеком в процессе его каждодневной производственной деятельности. Например, водитель автомобиля выполняет целый ряд операций, связанных с уходом за машиной, перевозкой грузов или пассажиров, но, прежде всего, работа шофера ассоциируется с тем, что он, вращая руль, направляет ход легкового или грузового транспорта (*сидит за баранкой, крутит баранку*).

Сравните:

В двадцать девятом году завлекли меня машины. Изучил автодело, сел за баранку, на грузовой (М. Шолохов. Судьба человека); У меня шофер очень сообразительный. Я ему говорю: – За чем ты, Шмельков, вертишь эту баранку? Тебе в университет надо ... – Да так, говорит, смолоду засосало шоферская жизнь (А. Н. Толстой. Родина); Скоро сорок пять лет будет, как я баранку кручу, – сказал дядя Вася (В. Липатов. Игорь Саввович).

Процедурные знания как часть общечеловеческих сведений о мире из «вещи в себе» становятся достоянием людей, более широкого, чем профессиональный, круга. В этом плане можно говорить о множестве поведенческих моделей, осознаваемых со «стороны» в качестве типичных.

В книге «Почти серьезно» Юрий Никулин описывает, как его собрату по неудачному поступлению во ВГИК – некому Тимченко – член экзаменационной комиссии определил следующее задание:

– Актер должен быть внимательным и наблюдательным. Вы согласны с этим? Вот представьте себе, что вы глухонемой. Как вы попросите у меня молоток?

Тимченко честно включился в роль глухонемого: что-то мычал, тыкал себе пальцем в грудь, а затем **рукой, сжатой в кулак делал движение, будто забивает гвоздь.**

– Прекрасно! – ободрил его экзаменатор. А теперь представьте, что вы слепой и попросите у меня ножницы.

Для большей достоверности Тимченко закрыл глаза, **двумя пальцами начал производить движение ножниц** и услышал:

– Артист должен быть внимательным. Зачем вы **двигаете пальцами** и молчите? Вы же слепой, вы можете говорить. Вам проще сказать: «Дайте, пожалуйста, мне ножницы».

В этом, конечно, заключается вся комичность ситуации, но для нас интересно, что в нелепом этюде человек имитирует известные ему «сценарные действия». Вспомним ребенка, который, стуча кулачком по кулачку, показывает, как папа «заколачивает денежки»; «чиканье» в воздухе указательным и средним пальцами правой руки можно экстраполировать на работу портного или парикмахера (а не только продемонстрировать желание получить конкретный инструмент) – все эти действия узнаваемы, потому что они прототипичны.

Представляя, **что и как** делают профессионалы в производственных ситуациях, мы способны проецировать их действия на поведение **других лиц**, находя в тех и других случаях «фамильное сходство» в двигательной активности органов человеческого тела. О «фамильном сходстве» – [Витгенштейн 1985: 109].

Однако объективировать описываемое нами явление можно только с помощью языковых средств. Язык – это механизм, позволяющий выявлять когнитивные процессы, иначе скрытые от непосредственного наблюдения. Нельзя не согласиться с Н.Н. Болдыревым в том, что «если суммировать все, что к сегодняшнему дню сделала когнитивная лингвистика, то самое основное касается нового понимания и нового определения самого языка – его определения как особой когнитивной способности» [Болдырев 2014: 31].

В нашем случае речь идет о языковых сравнениях, как правило, представленных оборотами, которые вводятся союзами: *как, как если бы, как будто, словно, точно, подобно* и другими служебными словами.

По поводу сравнительных отношений А.М. Ломов пишет: «В рамках этих отношений содержание действия или признака раскрывается путем отсылки к действию или признаку, устойчиво ассоциируемому с тем или иным упоминаемым предметом» [Ломов 2004: 356].

Рассмотрим случаи, когда «устойчивые ассоциации», о которых говорит ученый, оказываются воплощенными в материю языка, то есть интересующие нас действия получают вербальную «развертку».

Типизированные сценарии профессиональной тематики, почерпнутые нами их произведений художественной литературы, можно сгруппировать по «цеховому» признаку.

Достаточно частотно иллюстрируется артистическая сфера, как это показывают нижеследующие примеры:

Он (Кордовин) натянул перчатку, шевеля пальцами, как пианист перед бравурным пассажем (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Герой романа не имеет никакого отношения к концертмейстерству, но в бытовой сценке, с позиции интерпретатора, угадывается соответствующий аналог.

То же наблюдаем и в других примерах:

Берэлэ играл вдохновенно, упоенно. Как настоящий артист. Глаза его были закрыты. Он шевелил бровями и губами, как это делают знаменитые скрипачи (Э. Савела. Почему нет рая на земле).

Сравните со следующим:

Бронька была и впрямь существом особенным, нездешним – с какой-то балетной летучей походкой, натянутым, как тетива, позвоночником и запрокинутой головой (Л. Улицкая. Бронька).

Он так семенял ногами, когда нес на коромысле полные ведра, так выгибался длинной своей фигурой, чтобы не плес-

кать из ведер, смех смотреть. Бабы у колодца всегда <...> переговаривались. Ты глянь, глянь, как пружинит, чисто акробат (В. Шукшин. Беседы при ясной луне).

Репрезентативны аллюзии и к работе врачей, о чем свидетельствуют приводимые ниже иллюстрации:

Вошла деловито, как участковый врач во время эпидемии гриппа (Л.Улицкая. Люди нашего города).

Пишу своим профессиональным неразборчивым почерком врача, каким пишутся рецепты, справки, направления. Кто бы ни занимался моими бумагами – не прочтает (Л. Улицкая. На испытаниях).

И еще пример:

Ипполит Матвеевич сел на пол, обхватил стул своими жилистыми руками и с холоднокровием дантиста стал выдерживать из стула медные гвозди, не пропуская ни одного (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Заметим, что так же, как и в области художественного творчества, типичные действия врачей, моделируемые в сравнениях, дифференцируются по их узкой специализации: в «сценариях», представляемых сознанию, работа терапевта отличается от действий, производимых дантистом.

В свою очередь, сравнительные обороты, описывающие стереотипные действия военнослужащих, разнятся, в соответствии с иерархическими отношениями, сложившимися в армейской системе:

1. *Повар стоял, плотно прижавшись к стене <...> и, если б не выражение глаз, он был бы похож на призывника, которому меряют рост* (Ф. Искандер. Пиры Валтасара).

2. *При виде Ипполита Матвеевича гробовщики вытянулись, как солдаты* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

3. *(Местные сердцееды) хозяйственно оглядывали пляж, они изучали его, как полководцы рельеф местности, где вскоре предстоят великие битвы* (Ф. Искандер. Созвездие Козлотура).

То, что многие писатели пользуются одним и тем же приемом сравнения, служит доказательством бытующей в нашем мыслительном пространстве процедуры поиска понятного всем аналога.

В процессе анализа были зафиксированы «сюжетные картинки» похожих поисков, основанные на ассоциативной связи с действиями людей других профессий:

(Ипполит Матвеевич) вышел на Солнечный рынок и долго расхаживал там взад и вперед, разбрасывая баранки, как сеятель бросает семена (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев).

Когда же рыча и отплевываясь, Шуленин начал подниматься с пола, Чистяков размахнулся, точно молотобоец с первого советского серебряного рубля, и «ахнул» неприятеля по загривку сложенными вместе кулаками (Ю. Поляков. Апофегей).

Можно вытирать салфеткой пальцы рук *медленно и значительно, как механик, закончивший работу*; осматривать помещение с целью выбора удачной диспозиции для проведения опасного эксперимента, *как фотограф перед началом съемки старается найти лучший эффект освещения* (Ф. Искандер. Пирры Валтасара); демонстрируя обстановку в новой квартире, с чувством выполнения особой миссии переходить от одного предмета мебели к другому, *словно экскурсовод в Музее Революции (Ю. Поляков. Апофегей).*

Число подобных «сценариев» можно было бы умножить.

Нельзя пройти мимо случаев «гибридного» толка, когда в качестве эталонов сравнения в одном эпизоде выступают и профессиональные действия и действия, связанные с бытовыми ситуациями, в которых в своем роде профессиональные навыки также демонстрируются.

Дважды в неделю Рахмил тщательно брился. Это был спектакль! Бритвенный прибор – жестяную кружку, тощий помазок и опасную бритву – прятал где-то под стропилами низкой крыши сарая. Просто протягивал вверх руку и – как фокусник голубя – извлекал. Затем пристегивал брючный ремень к

железной перекладине изголовья кровати, одним движением кисти – движением картежника, сдающего карты, выбрасывал лезвие из сутулого тела бритвы и принимался править ее о ремень длинными равномерными движениями, перекладывая с боку на бок, как хозяйки перебрасывают на сковороде оладьи, чтобы хорошенько прожарились (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Сказанное выше справедливо при анализе примеров из других языков, в частности, английского:

Peter searched the woman's face for clues, like a nervous airline passenger watching the flight attendant during turbulence ... if she was still smiling and handling gin – and – tonics, no one was going to die, right? But Nurse Mathew would have made the first class poker player, her doughnut features gave nothing away (S. Sheldon. Mistress of the Game). Это же в русском переводе: *Питер искал ответ на лице женщины, как нервный пассажир самолета, попав в зону турбулентности, всматривается в движения стюардессы... Она все еще улыбается и разносит джин с тоником, значит никто не погибнет, не так ли? Но из медсестры Мэтью получился бы прекрасный игрок в покер – ее бесстрастное выражение лица ни о чем не говорило* (С. Шелдон. Интриганка).

Тот или иной человек абсолютно не осознает, что своими действиями он кого-то напоминает. Но свидетели переноса на совершаемые им движения конкретных, профессионально ориентированных поведенческих стереотипов – некие третьи лица (именно их мы называем интерпретаторами) – безошибочно в «копии» узнают соответствующий «оригинал».

Между тем, если лицу определенной профессии вдруг приписываются несвойственные ему функции, имеет место эффект «обманутого ожидания». Так, Клавдии Ивановне, теще Ипполита Матвеевича Воробьянинова, *снились дворники, играющие на арфах*. Типизированные действия дворника: работа с метлой или лопатой – такой «сценарий» не обладает «проекционной силой», т.е. не может быть использован для характеристики человека, в движениях которого угадывалось бы что-

то от «рядового коммунальной службы» – того, кто поддерживает чистоту и порядок во дворе и на улице.

«Проекционной силой» не наделяются «сценарии» многоплановых по своему сюжету производственных действий (например, работа инженера), а также скрипты, отображение которых в сравнительных оборотах маловероятно (например, работа доярки, хотя представления о совершаемых ею действиях, безусловно, существуют).

Завершая анализ «типизированных сценариев» профессиональных действий в составе сравнительных оборотов отметим, что рассмотрение этой темы сопряжено с целым рядом вопросов, решаемых когнитивной наукой, а именно: с проблемами памяти и знаний, типами ментальных репрезентаций и их оязыковлением, а также с таким разделом специального изучения, как ассоциативные связи.

Для более конкретного изложения результатов проведенного анализа обратимся к выводам, которые позволяет сделать материал исследования:

1. В человеческой памяти, как часть знаний об окружающем мире, содержатся типизированные сценарии действий, производимых людьми разных профессий. Эти знания хранятся в виде ментальных репрезентаций динамического характера и соотносятся лишь с теми движениями, которые однозначно характеризуют человека в его производственной роли.

2. Наличие подобных моделей создает предпосылку для их проецирования на действия других, весьма далеких от данной профессии лиц.

3. Мыслительный процесс, обеспечивающий сравнения, заключается в нахождении сходства между образом действия – совокупностью сиюминутных телодвижений какого-то человека – и содержанием ментального «сценария», одного из репертуара «сценариев» профессиональных действий (при этом то, что сравнивается, имеет окказиональный характер, а то, с чем сравнивается, по своей сущности – инвариантно).

4. Высказывания, описывающие уподобления двух действий, могут быть стилистически нейтральными, но они также используются для выражения едва заметной иронии или для создания более сильного по своему воздействию юмористического эффекта.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

2. Витгенштейн Л. Философия исследования / Пер. с немецк. С.А. Крылова// Новое в зарубежной лингвистике. – М.: «Прогресс», 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – с. 79–128.

3. КСКТ: Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: филолог. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

4. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004.

5. Eysenck W. The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / ed. by W. Eysenck. Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, 1994.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

ДВЕ «ЛОЛИТЫ»¹

«Лолита» – одно из известнейших произведений Владимира Набокова, которое он сам называл «бомбой замедленного действия» (Бойд 2004, 307).

Роман повествует о патологической любви почти сорокалетнего мужчины – Гумберта Гумберта к 12-летней нимфетке Лолите, очень скоро почувствовавшей власть над своим обожателем. Сойдя со страниц набоковской книги, «Лолита» превратилась в нарицательное имя. Лолитой называют девочку, слишком юную для любовных связей, с правовой точки зрения, которая, тем не менее, уже стремится быть сексуально-привлекательной (Longman).

Роман был издан на английском языке в американские годы жизни писателя, покинувшего Россию ещё в 1919 году. В нашей стране «Лолита» известна в авторском переводе, по поводу которого В. В. Набоков писал: «Американскому читателю я так страстно твержу о превосходстве моего русского слога над моим слогом английским, что иной славист может и впрямь подумать, что мой перевод «Лолиты» во сто раз лучше оригинала. Меня же только мутит ныне от дребезжания моих ржавых русских струн» (Набоков 1994: 472).

Хотя автор явно занижает оценку своего переводческого труда, его слова невольно указывают на возможность сопоставления двух «Лолит».

Сопоставить – значит найти не только сходство, но и выявить существующие различия между оригиналом и его, на первый взгляд, «зеркальной» копией. В них действительно имеются расхождения, продиктованные как имманентными особенностями

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2010. – Вып. 9. – С. 240–249.

ми двух неродственных языков, так и желанием писателя сделать американскую «Лолиту» достоянием русской литературы.

Цель нашей статьи заключается в анализе отдельных языковых средств, используемых Набоковым-переводчиком, «семантический рисунок» которых отличается от слов и выражений английского языка.

Рассмотрим текст русской «Лолиты» со следующих позиций: перевод в ней имён собственных, трансляция словарных обозначений некоторых реалий американской действительности, передача на русский язык устойчивых образных выражений и элементов языковой игры.

Имена собственные

«Во многих языках, например во многих славянских и романских, экспрессивное словообразование играет роль, которую трудно переоценить», – пишет А. Вежбицкая, исследуя проблему экспрессивного словообразования в сфере личных имён (Вежбицкая 1997, 89). Английский язык в этот список не входит и, пожалуй, единственной служебной морфемой, придающей имени собственному эмоционально-оценочное значение, является суффикс -«у», (*Dolly* – от *Dolores*, *Hummy* – от *Humbert*). В русском варианте книги отмеченную выше функцию выполняет один из множества экспрессивно-маркированных суффиксов – суффикс -«очка».

«Я думаю, что формы на -«очка» передают нечто большее, чем просто хорошее чувство», – продолжает А. Вежбицкая. По мнению учёного, кроме «хороших чувств», формы на -«очка» сочетаются с мыслью о чем-то маленьком и ориентировано на детей (там же 118–119).

Именно с именем на -«очка» в русской «Лолите» связана гамма положительных чувств, испытываемых главным героем повествования к девочке-тинейджеру. Усечённая форма *Lo* (от *Lolita*) и составные номинации *my Lolita*, *little Lolita* переводятся автором уменьшительно-ласкательным *Лолиточка*. Соответ-

ственно, *little Carmen* (маленькая Кармен) передаётся в виде нежного *Карменситочка*.

В свою очередь, имена, заканчивающиеся на «-иха» и «-ша», придают женским фамилиям *Haze* (Гейз) и *Humbert* (Гумберт), под которыми значится жена Гумберта, мать Лолиты, оттенок, сопряжённый с отрицательными эмоциями – чувствами пренебрежительности, неприязненности и даже ненависти: *Гейзи-ха* (гнусная Гейзи-ха) и *Гумбертша* (вместо *the Haiz woman* и просто *Mrs Humbert*).

С одной стороны, *Лолиточка*, с другой, имена *Гейзи-ха* и *Гумбертша* формируют в сознании Гумерта Гумберта два полюса: идеал и его антипод. Эти две тенденции в оценке женщин играют важнейшую роль в воплощении замысла произведения.

Если использование эмоционально-маркированных суффиксов обеспечивается природой русского языка, то последующие разделы статьи будут посвящены отдельным аспектам перевода романа, свидетельствующим не только о выразительных возможностях русского языка, но и о мастерстве В. Набокова как большого художника слова.

Реалии

По Н. А. Фененко, автору книги «Язык реалий и реалии языка», «<...> путь, по которому наиболее охотно (и вполне обоснованно) идут переводчики – поиск эквивалентной R-реалии в культуре адресата», где под R-реалией понимается вещь или предмет, то, что существует в мире носителей языка перевода, в той или иной мере уподобляемое определённому материальному явлению, бытующему в среде носителей языка-источника и обозначенное средствами этого языка (Фененко 2001, 19).

В плане перевода реалий американской действительности в романе В. Набокова усматриваются два случая их «натурализации».

Первый из них заключается в «русификации» словарных обозначений объектов, которые более естественны для американской национальной среды. См., например:

*My father was <...> a **salad** of racial genes.* – «Мой отец отличался <...> целым **винегретом** из генов».

Для носителей русского языка именно **винегрет** (а не **салат** в своём переносном значении) символизирует смешение чего-нибудь разнородного, разнообразного. Отмеченный случай не является единственным. См. также: «*(It) must have been an enormous molar, with an abscess as big as a **maraschino cherry**.*» – «Зуб, верно, был коренной, громадный, с нарывом величиной с **компотную вишню**».

Компот – вид десерта, обычный для людей, говорящих по-русски, но экзотичный для носителей других языков, поэтому не совсем «прозрачное» для русского читателя понятие «**a maraschino cherry**» заменяется репрезентацией «картинки», вербализованной фразеосочетанием «**(величиной) с компотную вишню**». Сравнение десны с разбухшей садовой ягодой весьма убедительно, так как в компоте ягоды расширяются от влаги и, следовательно, увеличиваются в размерах.

Интересной кажется замена английского *bunnies* (мн. число от *bunny* – кролик) на русское *зайчики*:

*Lo's little belongings ...wandered to various parts of the house to freeze there like so many hypnotized «**bunnies**».* – «<...> маленькие принадлежности Лолиты ... забирались в разные углы дома и замирали, как загипнотизированные **зайчики**».

«*Bunny*» – это слово из детского лексикона (ср.: *кролик* – *rabbit*). Однако писатель говорит не о крольчатах, а именно о зайчиках, так как зайчик в своём фольклорном ореоле гораздо ближе русскому национальному сознанию, и слово *зайчики* звучит по-русски нежнее и ласковее, чем *крольчата*, тем самым подчёркивая, как дороги вещицы Лолиты для влюблённого мужчины.

Второй случай – ещё любопытнее: переводчик, как бы нарочито «русифицирует» обозначения тех или иных предме-

тов, хотя можно было бы обойтись без этого приёма, ограничиваясь лексикой, в семантике которой культурный компонент отсутствует.

В тексте оригинала читаем: «*The present **log cabin** boldly simulating the past log cabin where Lincoln was born ...* (где *log* – бревно; *log cabin* – бревенчатый домик).

И – то же самое предложение в переводе: «*Вполне современная **изба**, смело подделывающаяся под былую избу, где родился Линкольн*».

С этой же точки зрения, рассмотрим другие англо-русские соответствия в тексте оригинала и в тексте перевода:

«*A figure of fun*» – **балаганная фигура**; «*civilized people*» – **культурные люди**; «*divorce procedures*» – **канитель с разводом**; «*thousand eyes*» – **несметные очи**; «*darling*» – **голубка**; «*paid ladies*» – **латные цыпочки**; «*mint-bright dime*» – **гривенник**; «*penny*» – **копейка**; «*very genteel*» – **благовоспитанная мещанка**; «*the old girl*» – **старая дурьнда**; «*the pet*» – **зверёныш мой**; «*zoot-suiters (with trumpets)*» – **стиляги с саксофонами**.

Вершиной этого подхода можно считать нижеследующий пример, представленный здесь в усечённом виде:

«<...> *to ignore what its **twin limbs** had done and hand Lo a premature of commiseration*». *Twin limbs* – (букв.) конечности-близнецы, т.е. руки звучат в русской «Лолите» на старинный лад:

Забыть дело своей **десницы** и **шуйцей** передать Лолите несвоевременную записку соболезнования.

По объяснению В. И. Даля, десница – правая рука, шуйца – левая.

Фразеологизмы и образные выражения

Как известно, фразеологизмы невозможно передать буквально с одного языка на другой. На данном основании это положение фактически не нуждается в иллюстрациях, поэтому ограничимся лишь двумя-тремя примерами:

«*I exchanged letters with these people, satisfying them I was **housebroken***» (*to be housebroken = to be house – trained – быть аккуратным и полезным человеком в доме*).

Приведённое выше английское выражение находит для себя исконно русское соответствие:

«*Мы обменялись письмами, и я убедил Мак-Ку, что я **не гажу в углах***».

Можно отметить ещё один случай удачной передачи смысла, несомого образным выражением:

«*I was always **with Lolita** as a woman is *with child* – Я всегда **носил** Лолиту, как женщина **носит ребёнка**» (где *носить ребёнка*, значит находиться в состоянии беременности – вместо английского буквального: *я всегда был с Лолитой*)).*

Замена типа *the old cat – старая ехидна* – вполне традиционно, и её трактовка может быть опущена.

Игра слов

Данный раздел нашей работы нуждается в более подробном рассмотрении, поскольку игра слов – излюбленный способ автора, который часто заставляет своего героя источать юмор, заниматься самоиронией или саркастически оценивать ту или иную ситуацию.

В результате сплошной выборки из романа на английском и русском языках были выявлены четыре случая языковой игры:

- 1) собственная игра слов в тексте оригинала и в тексте перевода;
- 2) поиск фонетических созвучий в процессе перевода – «звуковая игра»;
- 3) перевод каламбуров на языке оригинала с помощью каламбуров на языке перевода (типа «рифма за рифму»);
- 4) явления рифмовок в тексте перевода при их отсутствии в оригинале.

На конкретном материале рассмотрим каждый из отмеченных нами пунктов:

- 1) Окрику матери: «*Lo!*» Лолита вторит фразой «*Lo – and behold!*»

Игра строится на совпадении имени девочки с первым компонентом устойчивого выражения *lo – and behold*, используемого для привлечения внимания к тому, что удивляет или сильно раздражает (*lo* от *look!* – вроде нашего *глянь-ка!*; *посмотри!*).

В авторском переводе Лолита рифмует краткую форму своего имени со словом *барахло* (*Ло – барахло*), вызывая отношение к себе со стороны недолюбливающей её матери.

Факт игры слов видится в диалоге Гумберта и Лолиты, когда мужчина пытается сообщить ей о несчастном случае с миссис Гейз. На языке оригинала этот диалог звучит следующим образом:

«How's Mother?», she asked dutifully.

I said the doctors did not quite know yet what the trouble was. Anyway, something abdominal. – Adominable? – No, abdominal.

Лолита услышала вместо слова «abdominal» (нижняя часть живота) – «adominable» («нечто ужасное»), как бы чувствуя беду.

В. Набоков находит блестящий вариант перевода заменив одну анатомическую реалию – *живот* на другую – *желудок*:

«Как мама?», – спросила она вежливо, и я сказал, что доктора не совсем ещё установили, в чём дело. Во всяком случае что-то с **желудком**».

«Что-то жуткое?»

«Нет, с желудком».

Привлекает внимание ещё один пример в том же ключе.

В сцене прощания «английской» Лолиты с летним лагерем отдыха для подростков приводятся такие слова: *«Good bye, camp Q, merry camp Q!»*.

Двойное употребление «Q» (причём, второе «Q» с атрибутом «весёлый») подталкивает автора соединить две буквы латинского алфавита в форму озорного звукоподражания:

«Прощай, лагерь «Ку», весёлый «Ку-Ку»!»

Становится очевидным, что, подобно великому многообразию игр, в которые играют взрослые и дети, безграничны и вариации языковых игр.

2) Нельзя обойти стороной созданные писателем фонетические созвучия как вида языковой игры в обоих вариантах «Лолиты»:

*«I recited, garbling them slightly, the words of a foolish song that was then popular» – O my Carmen, my little Carmen, something, something, those something nights, and **the stars, and the cars, and the bars, and the barmen**».*

Этот отрывок из английской «Лолиты» передаётся на русский язык следующим образом:

*«Я стал декламировать, слегка коверкая их слова из глупой песенки, бывшей в моде в тот год – O Кармен, Карменситочка, вспомни-ка там <...> и **гитары, и бары, и фары, тратам**».*

Нечто подобное просматривается и в другой иллюстрации:

*«There would have been all kinds of camp activities on the part of intermediate group: **Canoeing, Coranting, Combing curls in the lakeside sun**.*

В наборе русских слов сохранено многократное употребление звука «к»:

*Были всякие лагерные развлечения для промежуточной группы: **какао, катание, качели, коленки и кудри** на солнечном берегу озера.*

Необходимо отметить, что в данном случае переводчик идёт не от смысла рифмующихся слов, так как их последовательность не несёт какого-либо смысла – ему важна «музыка слов», чередование звуков, напоминающих звучание английских, при полном сохранении ритма «фонограммы».

Могут быть обнаружены уподобления первых звуков английских и русских слов:

*Both (Lolita and her mother) would be termed female by the anatomist. But to me they were as different as **mist and must**. – Два пола (оба женские для анатома) для меня были столь же различны, как **мечта и мачта**).*

См. также уподобление последних звуков: «Vitamin X makes one strong as an **ox** or an **ax**».

В переводе читаем: «Витамин **«Икс»** делает тебя сильным как **штык-с**.

Каламбурам в переводе будет посвящён отдельный раздел нашей работы, хотя последний пример по своей сути уже каламбур.

Каламбуры в переводе

Передать с одного языка на другой рифмованный каламбур – задача сверхсложная, однако писатель изящно с ней справляется, сохраняя при этом замысел английского каламбура в русском языке.

Рассмотрим нижеследующие пары предложений:

«<...> the girls are taught ... not to **spell** very well but to **swell** very well», что буквально означает: «девочек учат не правильно писать, а прелестно благоухать». Перевод этой шутки принимает вид: «Учат правилам не столько **грамматическим**, сколько **ароматическим**».

Призыв: «Welcome, **fellow**, to this **bordello!**» (букв.: «Добро пожаловать, парни, в этот бордель!») переводится Набоковым как: «Входи-ка, **Том**, в мой **публичный дом**», где слово «парень» удачно заменяется на мужское имя, рифмующееся со словом «дом».

Надпись на плакате: «The bearded woman read our **jingle** and now she is no longer **single**» передаётся на русский язык с той же долей юмора: «Наши строки прочла бородатая **Ната**, и теперь она стала женою **магната**».

Заметим, что если Том – это англоязычное имя, то Ната – сокращённая форма от «Наташа», «Наталья» – «родного» имени для каждого носителя русского языка.

Таблетка, которой не удалось усыпить Лолиту, Гумберт называет «**pill-spiel**» («pill» – пилюля, «spiel» – болтовня), хотя можно понять, что за словом «spiel» стоит и немецкое слово «игра» (Гумберт – выходец из Европы); в русском варианте она

называется «**пилюлькой-люлькой**», подчёркивая тем самым своё предназначение.

Английские слова «noise» (шум) и «boys» образуют рифму: «All this **noise** about **boys** gags me».

Буквально Лолита говорит о том, что весь шум на счёт мальчишек заставляет её давиться.

У В. Набокова эта мысль выражается похожим образом: «Меня тошнит от **мальчиков** и **скандальчиков**».

И ещё один подобный пример. Для сохранения юмористического эффекта в переводе вопроса: «Mr. **Potts**, do we have any **cots** left?» («Мистер Поттс, есть у нас свободные места в отеле?») требуется, чтобы и в русском варианте проявилась рифма, и писатель добивается этого, заменив «мистера Поттса» на некоего «мистера Ваткинса»:

«Мистер **Ваткинс**, как на счёт лишней **кроватьки**?»

Забавное стихотворство на обоих языках – это искра большого поэтического дара, которым обладал писатель.

И совершенно уникальными оказываются следующие каламбуры в тексте перевода, когда в тексте оригинала отсутствуют всякие признаки языковой игры.

См. приводимые ниже англо-русские параллели:

1) шутивное английское выражение: «a penny for your thoughts», в «говорящей» по-русски «Лолите» развёртывается следующее мини-стихотворение:

«Дам те **грош**, коль **не соврешь!**».

2) идиотская, по мнению Гумберта, надпись на кафе: The bustle: a desertful seatful: переводится как: «**турнюры**», а пониже – «потанцуйте с **Нюрой**».

Автору пришлось транслитерировать и одновременно русифицировать с помощью уже упомянутого суффикса «-очк» второй компонент юридического термина: **Juvenile delickwent** (детская или юношеская преступность), чтобы уподобить в фонетическом плане два слова: «девочка» и «деликвенточка».

Сравните:

«Bad, bad, girl», said Lo comfortably.

«Juvenile delickwent, but frank and betching» и «Скверная, скверная **девочка**, – уютно проговорила Ло». – Маленькая **деликвенточка** несмотря на прямоту и симпатичность.

Ещё раз обратим внимание на то, что в этом месте текста оригинала рифма отсутствует.

Мы остановились лишь на немногих моментах сопоставляемых текстов. Однако, с нашей точки зрения, приведённого материала, вполне достаточно чтобы прийти к выводу, который необходимо признать парадоксальным.

Авторский перевод «Лолиты» нельзя назвать переводом в полном смысле этого слова. В. Набоков не просто адаптировал «Лолиту» для русского читателя – по точному образу и подобию американского прототипа. Он повторил «Лолиту» с позиции писателя – носителя русского языка, как если бы ментальное пространство романа, в своё время материализованное средствами английского языка, заново нашло своё вербальное воплощение в материи русского.

Литература

Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография: Пер. с англ. / Б. Бойд. – М.: Изд-во «Независимая газета»; СПб.: Издательство «Симпозиум», 2004. – 928 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

Набоков В. Постскрипtum к русскому изданию // Набоков В. Приглашение на казнь. Лолита / В. Набоков. – М.: Изд-во «Пресса», 1994. – С. 472–475.

Фененко Н. А. Язык реалий и реалии языка / Н. А. Фененко. – Воронеж: Воронежский государственный университет. – 140 с.

Longman Dictionary of English Language and Culture: New Edition. – Longman, 2000. – 1568 p.

Источники примеров

Nabokov V. Lolita / V. Nabokov: A Penguin Book, 1986. – 315 p.

Набоков В. Лолита // В. Набоков. Приглашение на казнь. Лолита. – М.: Изд-во «Пресса», 1994. – С. 114–463.

ЮМОР «ДВЕНАДЦАТИ СТУЛЬЕВ» ИЛЬФА И ПЕТРОВА В АНГЛИЙСКОЙ АРАНЖИРОВКЕ¹

ВВЕДЕНИЕ

Роман «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова [1] занимает особое место в отечественной литературе. Созданная почти столетие назад в жанре острой сатиры и искрометного юмора, книга по-прежнему читаема, а ее герои, действовавшие на сцене событий, давно ушедших в историю, в принципе до сих пор узнаваемы. Они не потрошат стулья в поиске зашитых в их обивку бриллиантов, но порой демонстрируют пороки, не имеющие приписки к историческому времени. Вместе с тем, мы все больше отдаем себе отчет в том, что сами сатирические образы отошли сегодня на второй, а то и на третий план. Зато в любую эпоху жизни нашей страны безотказно работает фабрика смеха, выстроенная писателями на страницах романа. Этот смех не содержит назидательного запала, он лишен некой критической подосновы, а порождается комедийными ситуациями, в которые попадают персонажи книги, и авторскими комментариями к ним.

Отсюда понятна вся трудность задачи – познакомить с этим произведением читателей, воспитанных на марктовском юморе.

Цель настоящей статьи заключается в разборе способов и приемов, используемых переводчиками – носителями англий-

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2023. – № 2. – С. 53–59.

ского языка для того, чтобы Илья Ильф и Евгений Петров (пусть с определенными купюрами) заговорили по-английски, а также в анализе неизбежно возникающих, а, следовательно, так или иначе восполняемых лакун.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили оригинал и переводы текста романа «Двенадцать стульев» на английский язык. Полагаем, что нам выпала редкая удача воспользоваться сразу двумя вариантами перевода – они были созданы разными авторами и в разные годы. В основу статьи положен перевод Дж. Ричардсона [2], тогда как обращение к переводу А. Фишер [3] будет специально оговариваться.

В процессе работы были использованы: метод сопоставительного анализа произведения-оригинала и его переводов, компаративного анализа самих переводов, продемонстрирован прием распознавания выражений, почерпнутых из «Двенадцати стульев», которые оказались «разобранными на цитаты», а также дана оценка способам передачи случаев языковой игры в тексте оригинала средствами английского языка.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема «непереводимого в переводе» – известная спутница иноязычного дублирования художественного текста.

Помня об этом исходном положении, обратимся к анализу случаев, требующих так называемых «естественных замен». «Естественными» назовем эпизоды, в которых переводческие субституции необходимы в соответствии с объективными причинами, вызванными различиями в системах сопоставляемых языков.

Возьмем, например, буквы алфавитов двух неродственных языков – английского и русского: латиницы и кириллицы.

В канцелярском шкафу педантичного архивариуса Коробейникова на полках хранились ордера, желанные для Остапа

Бендера – главного героя романа, по которым можно было отследить месторасположение стульев (среди них – одного заветного, с бриллиантами), изъятых из особняка его поделщика – Ипполита Матвеевича Воробьянинова.

«К ребрам полок были приклеены печатные литеры: **A, B** и далее, до арьергардной буквы **Я**», – читаем в оригинале (с. 75).

А в английском варианте книги – соответственно: The printed letters **A, B, C** down to the rearguard letter **Z** were glued to the edges of the shelves» (р. 58), тогда как фамилия самого Воробьянинова «переехала» с третьей позиции в славянской азбуке на двадцать вторую в латинской. И еще один пример. В процессе поиска очередного стула «великий комбинатор» получил синяк от «большой самопадающей ручки с пером № 86» в виде «прорисованной» на спине буквы **P** (с. 199). В переводе литера сохранена, но в английском алфавите ей соответствует буква **P** [*pi:*], по графике схожая с русской **P** [*эп*] (р. 175).

Как и ожидалось, невозможно перейти носителям английского языка с местоимения **ты**, подчеркивающего близость отношений, на официальное **вы**, когда хотят показать свою обиду на собеседника, дистанцируясь от него до уровня показной отчужденности.

В диалоге между Колей и Лизой, связанных брачными узами, внезапная «прохлада» возникает именно с помощью данного механизма.

– Что **ты**, наконец, прицепилась ко мне со своим Толстым? (Речь идет о том, что, по мнению Лизы, великий писатель не был вегетарианцем, когда создавал «Войну и мир». – А.Б.)

– Я к **тебе** прицепилась с Толстым? Я? Я к **вам** прицепилась с Толстым?

Коля тоже перешел на **вы** (с. 118).

В английской интерпретации нагрузку размолвки берет на себя глагол «nag» («nagging») в значении «придирааться», «изводить», «ворчать», «пилить», а не игра с местоимениями:

– Anyway, why do you keep **nagging** me about Tolstoy?

– *Me nag you about Tolstoy? I like that. Me nag you!* (р. 96).

От рассмотрения «естественных замен» перейдем к разбору передачи на английский язык вполне традиционного материала – лексико-фразеологических единиц «профессионального» (**морального**) словаря гробовых дел мастера Безенчука, который, расхваливая свой товар (**у меня гроб – огурчик**), выдает целый набор слов и выражений со значением «умереть», причем каждый вариант этого множества якобы соответствует ранжиру «потенциального клиента». См. самое начало представления морального «реестра»:

– *Умерла Клавдия Ивановна, – сообщил заказчик (Ипполит Матвеевич. – А.Б.).*

– *Ну, царствие небесное, – согласился Безенчук. – Преставилась, значит старушка ... Старушки всегда **преставляются**... Или **Богу душу отдают**, – это смотря какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле, – значит **преставилась**, а, например, которая покрупнее да похудее – та, считается, **Богу душу отдает** (с. 27).*

Изучим, как здесь и далее два известных нам переводчика передают «палитру» устойчивых выражений, обозначающих уход человека из жизни.

В переводе Дж. Ричардсона крупные и худые старушки **depart this life**, у А. Фишер, наоборот, **depart this life** – говорят о небольших и полных женщинах преклонного возраста, тогда как старушки «первой категории» – **отдают Богу душу** (совсем, как у Ильфа и Петрова).

У Ричардсона самые мощные из «обслуживаемых» (железнодорожные кондуктора или кто из начальства) – **kick the bucket** (в оригинале – **дают дуба**), в переводе Фишер – **дуба дают** «чины поменьше»– дворники и крестьяне; они же в этом случае **stretch their legs – протягивают ноги** (что полностью совпадает с текстом оригинала).

В переводе Ричардсона «мужчина возвышенный, хотя и худой» (имеется в виду сам Ипполит Матвеевич) должен в ука-

занных обстоятельствах *pop off* (*сыграть в ящик*); Фишер дает другой вариант – *cashing his chips* (*свести счета с жизнью*).

У Дж. Ричардсона торговый человек «бывший купеческой гильдии», умирая, *breathes his last* – *издает последний вздох* (в романе Ильфа и Петрова его участь – *приказать долго жить*). А. Фишер передает это же выражение по-иному: *would meet his Maker* (букв.: *встретится с Создателем*), а *испускают дух*, как вариант, «сильные мира сего» (в английском тексте – *they give up the ghost* (р. 7).

Все это означает, что попытка Безенчука и его собратьев представить свою «цеховую фразеологию» в виде некой системы, несостоятельна, что отражается и в «зеркале» переводов. В семантике как русских, так и английских выражений нет указаний на род занятий или статус людей, ушедших в «иной мир» (за исключением почтительного «реверанса» в сторону старушек).

Мы не прошли мимо данных слов и выражений не только потому, что целым списком они включаются в зачин романа, но и потому что этот необычный тематический словник хорошо известен русскоязычному читателю, и было бы интересно посмотреть, как он передается средствами английского языка.

Как известно, образные выражения языка оригинала нельзя слово в слово передать на язык перевода – переводной аналог фразеологизма представляет его трансформированный вариант: «Наших невест, – возразил дворник, – давно на *том свете с фонарями ищут*. У нас тут государственная богадельня» (с. 37). – В английском тексте: «*It's a long while since there've been young girls here*» (р. 21). Тем более, если выражение из текста оригинала занимает особое место в русской языковой картине мира.

«Он (Ипполит Матвеевич) еще неясно представлял себе, что последует после получения ордеров. Но был уверен, что тогда все пойдет как по маслу. А *маслом*, – почему-то вертелось у него в голове, – *каши не испортишь. Между тем каша заваривалась большая*» (с. 72).

Историко-этимологический словарь «Русская фразеология» дает пояснения, что наши многие выражения и пословицы связаны с исконным бытовым и обрядовым отношением к каше – русской национальной еде, которую варят из пшена, риса, гречневой, овсяной или какой-либо другой крупы [4, с. 296].

В английском мире каша, сводимая в основном к овсяной, не играет особой роли в жизни национального коллектива и, не обыгрывается идиоматически, поэтому переводчик обходится без аллюзии к традиционному русскому блюду: *He still had only a vague idea what would follow once the orders had been obtained, but he felt sure everything would then go smoothly* (p. 56): (букв.: Он чувствовал уверенность в том, что все пойдет гладко).

То же самое можно сказать о «наплевательстве» в русском национальном сознании.

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев по этому поводу пишут: «<...> хотя использование плевков в качестве семиотического акта свойственно многим, если не всем культурам, но именно в русском языке мы обнаруживаем поразительное разнообразие «плевков» с точки зрения их функции и языковых обозначений, <...> при этом приверженность к некоторым типам «плевков» хорошо вписывается в неоднократно отмечавшиеся особенности «национального характера». В частности, это касается установки на «презрительное безразличие», получившей специальное наименование – «наплевательство» или даже «наплевизм», выражаемой при помощи высказываний: «Плевать!»; «Наплевать!»; «А я плевал!»; «Плевать я хотел!»; «А я плюю!» и т.д. Буквальный перевод, скажем, на английский язык – *I spit at it! I spit (up) on this!* – выражает, по-видимому, иную идею: по данным словарей, *spit upon* – указывает скорее на презрение, чем на безразличие [5, с. 521].

Именно с этой позиции сравните отрывки из текста оригинала и текста перевода (в разговоре о стоимости драгоценностей в полтораста тысяч): «Только вы, дорогой товарищ из Парижа, **плюньте на все это!**

– Как плюнуть?

– Слюной, – ответил Остап, – как плевали до эпохи исторического материализма. Ничего не выйдет (с. 42).

– *However, if I were you, dear friend from Paris, I wouldn't give a damn about it.*

– *What do you mean, not give a damn?*

– *Just it. Like they used to before the advent of historical materialism* (р. 27). (Букв.: Я бы не заинтересовался таким пустяковым, не имеющим никакого значения делом (оно гроша ломаного не стоит).

Если в высказывании на русском языке идет игра между прямым и переносными значениями глагола «наплевать», то в английском его варианте от «наплевательства» уходят в сторону, выражая ту же самую мысль другим образом.

Тем более, «совершенно другим образом» (по-женски, изящно) данный отрывок передает А. Фишер:

«*But you, my dear comrade from Paris, can just kiss all that good-bye.*»

«*How do you mean, kiss it good-bye?*»

«*How? With your lips*», Остап replied. «*The people used to kiss before the age of historical materialism. Nothing's going to come of this*» (р.76).

– *Но ты, мой дорогой товарищ из Парижа, можешь накрыть эту идею прощальным поцелуем.*

– *Как это так, прощальным поцелуем?*

– *Как? Губами,* – ответил Остап. – *Как это делали люди до наступления эпохи исторического материализма. Ничего из этого не выйдет.*

Подводя предварительные итоги анализа, обратим внимание на то, что последние примеры «закольцовывают» проблему «естественных замен», о которой шла речь в самом начале нашего исследования – идеи, отраженные в русской языковой картине мира, на чужой язык передаются лишь окольным пу-

тем. Они – непреложны так же, как уже описанные позиции, вызванные различиями в языковых системах.

Перейдем к наиболее интересному и, как нам представляется, новому аспекту перевода на английский язык извлечений из романа, которые почитатели таланта И. Ильфа и Е. Петрова «разнесли на цитаты». К ним прежде всего относится знаменитое восклицание Остапа часто повторяемое на протяжении всего романа.

– **Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Лед тронулся!** (с. 41) – *Things are moving, gentlemen of the jury. Things are moving.* (p. 26).

У А. Фишер: *The ice has started breaking up, gentlemen of the jury* (p. 75).

К этому разряду отнесем и другие выражения с их передачей средствами английского языка: «Жертва аборта»: **Ну, ты, жертва аборта!** (с. 56) – в переводе: *Comeback, you abortion!* (p. 41).

У А. Фишер: *Hey you, abortion victim* (p. 101).

«**Гигант мысли, отец русской демократии**» (с. 103) – *The master mind, the father of the Russian democracy* (p. 82).

«**Заграница нам поможет**» (с. 102) – *The West will help us* (p.82).

«**Знойная женщина – мечта поэта**» (с. 79) – *A passionate woman is a poet's dream* (p. 63).

«**Эллочка-людоедочка**» (с. 152) в оригинале – «**людоедка Эллочка**», – *Ellochka the cannibal* (p. 128).

«**Утром – деньги, вечером – стулья**» (с. 240) – *The money in the morning, the chairs in the evening* (p. 215).

А сам «**великий комбинатор**» (с. 79) именуется как «*the smooth operator*» (p. 56).

Заметим, что примеры, взятые из текста оригинала, в переводе на английский язык полностью утрачивают «цитатный потенциал» подлинника, и нет сомнений в том, что эти выражения лишены переносных со-значений, которые они «обре-ли» в сознании носителей русского языка, читавших и перечи-

тывавших «Двенадцать стульев». Тому имеются прямые доказательства. Все перечисленные нами выражения вошли либо в энциклопедии «крылатых слов», либо в состав русских фразеологических словарей. Они используются в различных жизненных ситуациях вне контекста книги.

Неоднократные возгласы Бендера: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Лед тронулся!» получает сегодня следующее толкование: что-либо неожиданно и резко изменилось к лучшему; наступил благоприятный переломный момент в какой-либо важной ситуации. Этот дополнительный смысл фразы отмечен словарем «Русская фразеология».

В этом же словаре «жертва аборта» трактуется в формате инвективов: «недоносок», «выродок» (Впервые встречается в записной книжке Ильфа, а затем переносится в роман, благодаря чему это выражение стало популярным) [4, с. 220].

«Гигант мысли, отец русской демократии» употребляется иронически по отношению к людям, чьи интеллектуальные и политические достоинства представляются весьма сомнительными [6, с. 168–169].

Фраза «заграница нам поможет» цитируется как комментарий к жизненной позиции тех, кто в трудной жизненной ситуации возлагает надежды на некую внешнюю силу) [6, с. 251].

По тому же источнику, «знойная женщина – мечта поэта» используется в отношении эмоционально-пылкой, темпераментной женщины (с. 262).

И там же: «Эллочка-людоедочка» стала шутивным ярлыком для женщин с неразвитым интеллектом и убогим словарным запасом (с. 805).

«Утром – деньги, вечером – стулья» в иносказательном плане трактуется как комментарий к торгу, переговорам, когда важно определить последовательность действия договаривающихся сторон.

Что же касается выражения «великий комбинатор», то оно, с одной стороны, стало иносказательно обозначать предпри-

имчивого, изобретательного человека, а с другой, – обманщика и мошенника [6, с. 103]. Речь ни в коем случае не идет об ущербности перевода, скорее, об особой любви русскоязычных читателей к «Двенадцати стульям». Вместе с тем, для людей, не читавших роман, отмеченные выше смыслы окажутся не реализованными, а сами выражения, употребленные в своем переносном значении, будут восприниматься буквально, как «не к месту сказанные».

Говоря об удачных моментах перевода книги на английский язык, стоит отдельно остановиться на четырех моментах.

Первый из них возвращает нас к буквам алфавита. В речи Клавдии Ивановны, тещи Ипполита Матвеевича, старгородской аристократки, наблюдается сдвиг фонем в передаче сначала русского слова на французский манер, а затем английского – на тот же французский:

– Эпполе-эт, – прогремела она, – сегодня я видела дурной сон. Слово «сон» было произнесено с французским прононсом» (с. 17), т.е. носовым **н**.

Сравните:

– “Eppole-et”, she thundered, “I had a bad dream last night”. The word “dream” was pronounced with a French “r” (p. 2).

Перевод слова «сон» озвучил произношение другой французской буквы (нежели в тексте оригинала), позволяя при этом сохранить дополнительный штрих к образу Клавдии Ивановны.

А. Фишер пошла по другому пути: к «dream» (сон) добавлено определение «**horrible**» (ужасный) с аналогичной пометой о звучании буквы **r** на иноземный лад (p. 7).

Второй касается примечаний авторов по поводу сетований «слесаря-интеллигента» Виктора Михайловича Полесова на отсутствие в магазинах плашек три восьмых дюйма. – «А трамвай собираются пускать!»

«Елена Станиславовна, имевшая о плашках в три восьмых дюйма такое же представление, какое имеет о сельском хозяйстве слушательница хореографических курсов им. Леонардо да

Винчи, предполагающая, что творог добывается из вареников, все же посочувствовала:

– *Какие теперь магазины!»* (с. 65)

Концовка этого отрывка в тексте перевода значит: «<...> *Who thinks that cream comes from cream tarts*» (р. 49). Кто (имеется в виду Елена Станиславовна – А.Б.) думает, что **крем добывают из кремовых тортов**.

Такой ход вполне оправдан. Русское слово «вареник» передается на английский язык транслитерацией, поэтому резонно было заменить «творог» на «крем», а «вареники» на «кремовый торт».

Если в приведенной выше иллюстрации продемонстрирован удачный уход от непереводаемого русицизма, то далее мы являемся свидетелями того, как английская языковая игра подменяет русскую, требуя при этом обращения к творческому потенциалу переводчика и его чувству юмора.

Героем следующего отрывка вновь является Полесов, чьи намеки о существовании старгородского отделения «Меча и Орала» возымел устойчивое действие: «*Город наполнили слухи о приезде с Меча и Урала подпольной организации*» (с. 181).

Предлагается следующий вариант перевода: «<...> *Rumours began to go around that some sort of underground organization arrived with supply of **swords and ploughshares***» (р. 158). – Распространялись слухи о некоей подпольной организации, которая прибыла с арсеналом мечей и плужных лемехов.

В передаче на английский язык исчезли номинации географических понятий, вместо этого переводчик по-своему обыграл названия эфемерного «Союза Меча и Орала».

Это выдержка из «Двенадцати стульев», на наш взгляд, в более интересном варианте выходит из-под пера А. Фишер: *As a result of his hints and allusions the town filled with rumors that some kind of underground organization having to do with a **sword** and a **cow fair** was coming to town* (р. 322). – *В результате его намеков и аллюзий, город наполнился слухами о прибытии какой-то*

подпольной организации, имеющей отношение к городским газонам и коровьей ярмарке. Переводчица воспользовалась созвучием выделенных нами слов с «Союзом меча и Орала» (*The Alliance of the **Sword** and **Ploughshare***), что, несомненно, приумножает нелепость народной молвы.

Наконец еще один отрывок, сопровождаемый переводом на английский, касается постановки «Женитьбы» Гоголя на сцене театра «Колумб»:

«Потом, как видно, на верблюде приехал Кочкарев. Судить обо всем можно было из следующего диалога:

– Фу, как ты меня напугал! А еще на верблюде приехал!

– Ах, ты заметил, несмотря на темноту? А я хотел поднести тебе сладкое вер-**БЛЮДО** (с. 203). – Then Kochkarev arrived apparently on a camel. This could only be judged from the following dialogue.

– Ouch, how you frightened me! And you came on a **camel**, too!

– Ah, so you noticed, despite the darkness. I want to fringe you a fragrant **camellia** (p.179).

В тексте перевода этой цитаты, игра слов, построенная на рифме «верблюда» и «блюда», также заменена созвучием английских лексем **camel** – верблюд и **camellia** – камелия (название цветка декоративного растения семейства чайных).

Свою версию перевода диктует А. Фишер:

*Phew, how you frightened me! And you come riding on a **drome-dary**, too!*

*So you noticed, even though it's dark? But I wanted to offer you a sweet **dairy** treat* (p. 375)

Drome-dary – одногорбый верблюд – повторяющимся звуком [r] отчасти напоминает («sweet») **dairy treat** – сладости на молоке.

В целом, юмор романа, передаваемый средствами английского языка, можно оценить по высказыванию, почерпнутому из предисловия к изданию книги, вышедшей в то время, когда

на международной арене еще существовал Советский Союз (перевод мой. – А.Б.):

«Неизбежно, что часть юмора была утрачена в процессе перевода <...>. Однако англоязычный читатель обязательно поймет всю комичность «современной» версии «Женитьбы» на советской сцене, даже если он никогда не присутствовал на постановке гоголевской комедии в ее традиционной трактовке; он без труда способен воздать должное плану Остапа Бендера по смехотворной «модернизации» знаменитой картины Репина, даже если никогда не видел оригинала. К счастью, большинство юмористических деталей романа сводятся к **действиям его главных героев**, что отнюдь не мешает переводу. Эти герои еще раз показывают, что в основном советские люди едят то же самое, что и мы, одинаково с нами испытывают боль, причиненную любым оружием, страдают от таких же болезней, как и мы, лечатся похожими методами, согреваются летом и мерзнут зимой, как и все люди на земле [7, pp. V–IX].

К таким словам, вселяющим надежду, нельзя не прислушаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный нами анализ позволяет сформулировать нижеследующие выводы:

1. В работе введено понятие «естественных замен», производимых в процессе перевода. «Естественные замены» обусловлены различиями в языковых системах и Картинах Мира, на фоне которых сосуществуют неродственные языки.

2. Высказано предположение о том, как выбирались английские соответствия русским фразеологизмам.

3. Доказан статус «крылатых выражений» в ряде позиций в тексте оригинала и проведен анализ их перевода.

4. Изучены способы передачи русской языковой игры средствами английского языка.

5. Указано на роль юмора в деле международного взаимопонимания.

Перспектива работы видится в более глубоком осмыслении различий в творческих приемах Дж. Ричардсона и Ф. Фишер в переводе романа на английский язык, а также в разработке теории языковой игры на материале неродственных языков.

Имеется также заманчивая идея рассматривать случаи нескольких переводов одного и того же произведения с когнитивных позиций, приписав статус **инварианта** смысловому пространству текста оригинала и воспринимая переводы в качестве **вариантов с определенной степенью приближения или удаления от подлинника**. В принципе проделанную работу уже можно рассматривать как практический шаг в указанном направлении.

Литература

1. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. – Алма-Ата: Казах. гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. – с. 5–273.

2. Ilf and Petrov. The Twelve Chairs / Translated into Russian by J. Richardson. – 22 (original publication – 1961). – 247 p.

3. I.Ilf and E.Petrov. The Twelve Chairs / Translated into Russian by A.O. Fisher. – Evanston, Illionis: Northwestern University Press, 2011. – 546 p.

4. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – с. 926.

5. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. «Наплевательство» в русской языковой картине мира // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – с. 521–522.

6. Крылатые слова: Энциклопедия / Автор и сост. В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2003. – 831 с.

7. Friedberg. Introduction // Ilf and Petrov. The Twelve Chairs. – Glasgo: Bibliotech Press. – P. V–IX.

«ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ» НА НИВЕ «СТРАНЫ ЧУДЕС» (В ПЕРЕСКАЗЕ С АНГЛИЙСКОГО Б. ЗАХОДЕРОМ)¹

Введение

«Алиса в Стране Чудес», написанная английским математиком, поэтом и писателем Л. Кэрроллом во второй половине 19 века [1], и сегодня остается любимой детской книгой во всем мире. Несколько раз она переводилась на русский язык, заслужив репутацию забавной и одновременно загадочной сказки (многочисленные остроты, каламбуры и ситуации на уровне «театра абсурда» делали перевод этой книги не простой задачей).

Цель нашей статьи заключается в анализе передачи «Алисы» на русский язык известным детским писателем Б. Заходером [2]. Автор назвал свою книгу пересказом, хотя в основном своем содержании она близка к оригиналу. Своеобразие сказки, вышедшей из-под пера Б. Заходера, состоит в его стремлении приблизить «Алису» к русскоязычному читателю. Не случайно автор сначала хотел озаглавить свою книгу в виде одного из таких вариантов, как «Приключения Алёнки в Вообразилии», «Али в Удивляндии» или «Альки в Чепухании», изменив не только название подлинника, но и переделав на русский лад имя главной героини сказки [Заходер 1979, с. 4], и лишь уступая традиции, все-таки рассказал нам о «Приключениях Алисы в стране Чудес».

В угоду первоначальному замыслу им внесены некоторые, весьма незначительные коррективы в волшебный мир, окружающий Алису, и сама Алиса Б. Заходера, по-прежнему оставаясь английской девочкой, как бы «раздваивается» по своей национальной принадлежности – она приобретает некоторые черты русской школьницы. Это явно чувствуется в тексте пересказа и умело вплетается в канву повествования.

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2022. – № 1. – С. 54–60.

Материалы и методы

Изначально уточним, что нашему разбору подлежит только одно направление из общего содержания сказки. Нас будет интересовать все то, что связано с вопросом образования, а именно – «плодами просвещения» в виде демонстрации знаний, подразделяемых на учебные, попредметные реминисценции Алисы, и на воспоминания о школьных днях сказочных существ, населяющих Страну Чудес.

Основные методы работы представлены сопоставлением текста оригинала с текстом перевода и анализом языковой игры средствами английского и русского языков. Дополнительно используется метод творческого соучастия автора статьи в процессе перевода стихотворений Л. Кэрролла с целью выявления особенностей их трансформаций в стихах Бориса Заходера.

В работе указаны страницы, на которых размещаются примеры, почерпнутые из обеих книг.

Результаты исследования

Начнем с речи главной героини «Приключений», сводимых к ее познаниям в области самых «азов» словесности – буквам алфавита, которыми Алиса шифрует слова, неприятные для ее собеседницы Мыши.

Вполне резонно, что в переводном варианте книги имеют место буквенные перестановки:

You promised to tell me your history, you know; said Alice: and why it is you hate – C and D; she added in a whisper (p. 28).

*Вы обещали рассказать мне историю, – помните? – сказала Алиса. – И почему Вы так не любите – **Кы** и **Сы**, – добавила она шепотом (с. 30).*

Под английской буквой **C** содержится намек на слово **Cats** (кошки), а под **D** – **Dogs** (собаки). Но «переводная» Алиса проносит буквы **Ка** и **Дэ** как **Кы** и **Сы** (русские школьники, бегло проговаривая алфавит, часто неправильно озвучивают и дру-

гие литеры: *Лэ* вместо *Эл*, *Нэ* вместо *Эн*, *Рэ* вместо *Эр* и т.д.). Подобная транскрипционная картинка вполне выдерживается в духе «Альки в Чепухании».

От алфавита перейдем к склонению существительных. В нужный момент Алиса Л. Кэрролла вспоминает парадигму, когда-то увиденную в латинской грамматике, или, скорее, ее представление средствами английского языка (как известно, английские существительные по падежам не изменяются и управление словами в предложении осуществляется за счет предлогов):

A mouse – of a mouse – to a mouse – a mouse – o mouse! (p. 21).

В свою очередь, Алиса Б. Заходера воспроизводит таблицу склонения слова *мышь*, как это сделала бы русская школьница:

Именительный: кто? – мышь,

Родительный: кого? – мыши,

Дательный: кому? – мыши (с. 27).

Займемся вопросом передачи на русский язык степени сравнения английских прилагательных в том виде, как это проделывает «англизычная» Алиса, всё больше и больше удивляясь сказочной страной.

Curiouser and curiouser! – cried Alice (she was so much surprised, that for the moment she quite forgot how to speak good English) (p. 16).

Дело в том, что с помощью суффикса *-er* сравнительную степень образуют только одно- и двусложные прилагательные, к разряду которых слово *curious* не относится.

Б. Заходер в этом случае «играет» с глаголом: *Ой, всё чудесится и чудесится!* – закричала Алиса (Она была в таком изумлении, что ей не стало хватать обыкновенных слов, и она начала придумывать свои) (с. 21).

В обоих случаях авторские ремарки указывают на некорректные формы высказываний, будь они английскими или русскими, хотя, на наш взгляд, переводчик мог бы предложить более оригинальный вариант. Как, например, у В. Набокова,

также переводившего «Алису»: *Чем дальше, тем страньше!* (<http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/kerroll-anya-v-strane-chudes/nyrok-v-krolichyu-norku.htm>).

Особый интерес вызывают литературные познания той и другой Алисы. В книге Л. Кэрролла более десяти больших и маленьких стихотворений, песенок и считалок. Мы же возьмем на заметку только два стишка.

Обескураженная происходящим вокруг нее Алиса, желая убедиться в том, что она и есть девочка по имени Алиса, а не ее подруга Мэйбл (в переводе Мэгги), сложила руки, как примерная ученица, и продекламировала:

*How doth the little crocodile
Improve his shining tail,
And pour the waters of the Nile
On every golden scale!
How cheerfully he seems to grin,
How neatly spreads his claws,
And welcomes little fishes in,
With gently smiling jaws!*

Ниже предлагается наша собственная попытка передать содержание этого стихотворения близко к тексту с целью приблизить оригинал к русскому читателю, чтобы тот по достоинству оценил его перевод (пересказ):

*Раз крокодильчик возжелал
Облагородить хвост,
Его он в Ниле искупал:
Чешуйки – ярче звезд.
С улыбкой он разжал клыки,
Милей улыбки нет!
Добро пожаловать, мальки,
На праздничный обед.*

В переводе Б. Заходера с этими двумя куплетами происходит метаморфоза, и они звучат совершенно по-новому:

*Звери, в школу собирайтесь!
Петушок пропел давно!
Как вы там ни упирайтесь,
Ни кусайтесь, ни брыкайтесь –
Не поможет всё равно.*

*Громко плачут Зверь и Пташка,
– Караул! – кричит Пчела,
С воем тащится Букашка...
Неужели им так тяжело
Приниматься за дела? (с. 25).*

Как видим, Б. Заходер предпочёл «школьную» тематику, по-своему переделав широко известное стихотворение, начинающееся со слов «*Дети, в школу собирайтесь...*», и пометил на полях с потаённой лукавинкой, что эти стихи гораздо лучше, а главное полезнее, чем стих в своем первоизданном виде.

Такой подход делает стихотворение, с помощью которого «его» Алиса хотела прийти в себя, смешнее оригинала (с его непонятной для нас авторской задумкой). Оно, безусловно, соответствует духу «приключений в Стране Чудес».

Но возьмем ещё одно стихотворение Л. Кэрролла, вложенное в уста Алисы:

*"You are old, Father William," the young man said,
"And your hair has become very white;
And yet you incessantly stand on your head –
Do you think, at your age, it is right?"*

*"In my youth," Father William replied to his son,
"I feared it might injure the brain;
But now that I'm perfectly sure I have none,
Why, I do it again and again."*

*"You are old," said the youth, "as I mentioned before,
And have grown most uncommonly fat;
Yet you turned a back-somersault in at the door –
Pray, what is the reason of that?"*

*"In my youth," said the sage, as he shook his grey locks,
"I kept all my limbs very supple
By the use of this ointment – one shilling the box –
Allow me to sell you a couple."*

*"You are old," said the youth, "and your jaws are too weak
For anything tougher than suet;
Yet you finished the goose, with the bones and the beak –
Pray, how did you manage to do it?"*

*"In my youth," said his father, "I took to the law,
And argued each case with my wife;
And the muscular strength, which it gave to my jaw,
Has lasted the rest of my life."*

*"You are old," said the youth, "one would hardly suppose
That your eye was as steady as ever;
Yet you balanced an eel on the end of your nose –
What made you so awfully clever?"*

*"I have answered three questions, and that is enough,"
Said his father; "don't give yourself airs!
Do you think I can listen all day to such stuff?
Be off, or I'll kick you down stairs!" (p.44)*

Рискнем еще раз предложить свой перевод этого опуса, чтобы показать (на контрасте) особенность той переводческой стратегии, которой придерживался Заходер.

*– Ты стар и сед, папаша Вильям, –
Однажды сын отцу сказал.
И если бы таким же был я,
То б вверх ногами не стоял!*

*– И мне казалось априори,
Что так мозгам наносишь вред,
Однако выяснилось вскоре,
Что у меня извилин нет.*

*– Ты слишком толстым стал, папаша, –
Продолжил въедливый сынок. –
Зачем ты вновь у двери нашей
Проделываешь кувырок?*

*Мечтая с юности быть ловким,
Суставы стал я натирать
Вот этой мазью. По дешевке
Готов два тюбика продать.*

*– Ты стар, – опять сказал подросток, –
Но тут попробуй, разберись...
Скажи мне, почему так просто
Ты съел гуся и кости сгрыз?*

*– Когда мы были молодыми,
С женой моей мы грызлись так,
Что стали челюсти стальными,
С тех пор хребет гуся – пустяк!*

*– Ты стар, глаза твои слабеют,
Но продолжаешь умным слыть –
Ведь кто, кроме тебя, умеет
Рыбешку на носу крутить?*

*– На три вопроса я ответил.
Заладишь дальше – не прощу.
Тебя за глупости за эти
Я мигом с лестницы спущу!!!*

Автор русской «Алисы» пошел по другому пути. Как и в английском варианте сказки, лейтмотивом стихотворения остается диалог отца и сына, типа «Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха...». Вместе с тем, оригинальная версия стихотворения отмечена набором вздорных ситуаций, с точки зрения здравого смысла, нелепица сквозит в самом его содержании, тогда как в переводе наблюдается симбиоз рифмующихся

строчек из разных стихотворений, в том числе, и классических произведений, наряду с известными потешками и считалками, т.е. в этом случае нелепица – не столько в содержании (хотя и в ней тоже), сколько в самой форме стиха.

*Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Папа маленького сына
Терпеливо просвещал.*

*И хотя он (папа) вскоре
Посинел и весь дрожал,
Задавать ему вопросы
Сын упорно продолжал:*

*– Заяц белый, куда бегал?
– Чижик-пыжик, где ты был?
– Аты-баты – что купили? –
Даже это не забыл!*

*Ах, как он хотел поставить
Старика отца в тупик!
Но, увы, на все вопросы
Отвечал шутя старик.*

*Сын спросил:
– Скажи, на сколько "РЕ"
Трещит сейчас мороз? –
Но отец и тут нашелся:
– На два "РЕ", молокосос!*

*– Ладно, – проворчал малютка, –
Вот тебе вопрос такой:
Кто зовется В т о р о п я х о м ?*

*.....
Ах, попалась птичка, – стой!*

*– Рано радуешься, мальчик! –
Осадил старик юнца. –
Как известно повсеместно,
Второпях зовут отца!*

*И, поняв, что все пропало,
Закричал отцу сынок:
– Что ты ржешь, мой конь ретивый?
(Лучше выдумать не мог...).*

*Как же ты не постеснялся
Мне задать такой вопрос?
Ты ответишь, милый мальчик,
И не в шутку, а всерьез!*

*Да! Хотя довольно громко
На дворе мороз трещал,
Все прохожие слышали,
К а к м а л ю т к а о т в е ч а л ! (с. 59).*

На полях переводчик вновь дает своё объяснение: Алиса спутала не одно, а целых восемь стихотворений. Поставим акцент на том, что каждый вариант стихотворения производит юмористический эффект.

Теперь обратимся к географическим познаниям Алисы. Провалившись (по Кэрроллу) в нору кролика, (а по Б. Заходеру, в глубокий колодец), «английская» Алиса задает вопрос: «*What latitude or longitude I've got to?*» (р. 11), в то время как ее «русский близнец» вторит ей: «*Вот только интересно, на каких же я тогда параллелях и меридианах?*» (с. 14), а вместе – и та, и другая – в науке о Земле оказываются не очень сильны. *Широта* и *долгота, параллели* и *меридианы* – это координаты поверхности Земного шара, а не мера проникновения в его недра. (Интересно, почему Б. Заходер не вложил в уста «своей» Алисы два первых географических термина? Восприятие «чужих» и «своих» в данной ситуации практически равнозначно).

Зато удачным кажется перевод с английского слова *the antipathies* (мн. ч. от лексемы *antipathy* – антипатия), которое «настоящая» Алиса путает с «антиподом».

В русском тексте Алисино *antipathies* передается как *антипятки* (т.е. Б. Заходер придумывает нечто, созвучное английскому, и это «новообразование» звучит по-русски не менее забавно, чем оригинал).

Знаний Алисы по истории и математике в текстах оригинала и переводе мы не касаемся, пропуская анализ на том основании, что английский и русский варианты полностью совпадают.

Вторая часть статьи посвящена сопоставлению оригинала и перевода школьных аллюзий в книге «Алиса в Стране Чудес», когда обучаемой стороной выступает не Алиса, а герои сказочного мира, с которыми она знакомится: *Mock Turtle* и *Gryphon*.

Если *Gryphon* (Грифон) предстает как чудовище с орлиной головой и туловищем льва, то *Mock Turtle* – сказочный персонаж, придуманный Л. Кэрроллом, это гибридное существо с головой теленка и черепашиным панцирем вместо спины. По словарному определению, *Mock Turtle* (букв. *невзправдашняя черепаха*) – суп, приготовленный из головы теленка, по вкусу напоминающий отвар из мяса черепахи (Longman, 2000, p. 873). Таким образом, фигура «псевдо-черепахи» (из которой этот суп готовят) в тексте перевода вполне оправданно получает имя Деликатеса.

Деликатес и (по всему видно) Грифон обучались в школе на дне моря (вопрос, как там выживал Грифон – «сплав» птицы и зверя?), тогда как *Mock Turtle*, по его словам, был когда-то «настоящей» черепахой (в переводном тексте – рыбой, поэтому иногда Б. Заходер называет его «*Рыбным деликатесом, из которого получается знатная уха!*»).

От этой несколько путаной генеалогии перейдем к рассказу о школьном детстве Деликатеса, который когда-то прошел

«*regular course*» – «основной курс наук» (в переводе звучит комичнее – получил «законченное низшее образование») (с. 122).

– А что же вы учили? – спросила Алиса.

«*What was that*» (i.e. «*regular course*» – А.П.) *inquired Alice.*

«*Reeling and Writhing, of course, to begin with*», *the Mock Turtle replied; «and then the different branches of Arithmetic – Ambition, Distraction Uglification, and Derision»* (р. 85).

Названиями этих предметов по созвучию закамouflированы: *Addition* – сложение, *Substraction* – вычитание, *Multiplication* – умножение и *Division* – деление (в буквальном же прочтении *Честолюбие, Рассеянность, Уродование и Осмеяние*).

В переводе читаем: Ну, первым делом, конечно, учились Чухать и Пухать. Потом арифметика, вся насквозь: Почитание, Уважение, Давление и Искажение (с. 122).

Так же, как и писатель, Б. Заходер нашел номинации, похожие на названия дисциплин начальных классов школы.

Смотрим далее:

– А какие еще у вас были предметы? – спросила Алиса (с. 122).

«*What else did you have to learn?*»

«*Well, there was Mystery*», *the Mock Turtle replied <...> – Mystery, ancient, and modern, with Seaography, then Drawling – the Drawling master was an old conger-eel, that used to come once a week: he taught us Drawling, Stretching and Fainting in Coils» (р. 85).*

Считаем, что не будет лишним снабдить читателя небольшим словариком буквальных значений слов, называемых здесь «учебных дисциплин»:

Mystery – (букв.) мистерия, тайна;

Seaography – выдуманное слово, что-то вроде «мореографии»;

Drawling – произношение с «торможением», речевая «тянучка»;

Conger-eel – морской угорь;

Stretching – очевидно, искаженное от *Stitching* – шитьё;

Fainting – падать в обморок;

Coils – (устар. значение) суэта, шум, суматоха.

В переводном варианте приведенное выше английское высказывание выглядит следующим образом:

– Ну, конечно, *Истерия* (понятно, что история), – отвечал *Деликатес*. – *Истерия, древняя и новейшая, с Биографией* (т.е. Географией). *Потом раз в неделю приходила старая Мурена. Считалось, что она нас учит рисовать угрём* (читай: *рисовать углём*) *и прочей муре – ну, там, Лживопись, Натюр-Морды, Верчение тушею ...* (– черчение тушью).

Обратим внимание на «переключку» слов *мурена* и *мура*.

Приведенные здесь экзерсисы следует рассматривать как случаи языковой игры, и каждый из них в переводе не менее юмористически маркирован, чем в оригинале.

Изящны и другие примеры трансформаций, представленных переводчиком «на школьную тему»: на этот раз предметом анализа станут учителя школы на морском дне.

Вернемся к началу беседы *Деликатеса* и *Алисы*:

When we were little, the Mock Turtle went on at last... we went to school in the sea. The Master was an old Turtle – we used to call him Tortoise.

Why did you call him Tortoise (дословно – сухопутная черепаха – А.Б.) *if he wasn't one? Alice asked.*

We called him Tortoise because he taught us, said the Mock Turtle angrily (p.84).

И – то же самое – в передаче средствами русского языка:

– *Когда мы были маленькими, – заговорил Деликатес <...>, – мы ходили в школу в море. Учителем был суций Змей Морской. В душе – Удав! Между собой мы называли его Питоном.*

– *А почему вы его так называли, раз он был удав, а не Питон?* – *поинтересовалась Алиса.*

– *Он был Питон! Ведь мы – его питонцы!* – *с негодованием ответил Деликатес (с. 120).*

Б. Заходер, оттолкнувшись от похоже звучащих компонентов высказывания – *Tortoise* и *taught us*, находит другую параллель

лень: *Питон* – *питонцы* (т.е. *питомцы*), сохранив тем самым дух авторского каламбура.

Наконец, у Л. Кэрролла *lessons* (уроки) именуется «уроками», потому что в морской школе каждый день из десяти школьники учатся на один урок меньше. Глагол *lessen* – «уменьшаться» – разнится со словом *lesson* (урок) в одну букву (р. 6).

В этой же ситуации переводчик прибегает к другому решению. Он называет учителей *пропадавателями* на том основании, что ежедневно один из педагогов «пропадает» (с. 124).

Подобных находок в пересказе Б. Заходера достаточно много.

Заключение

Представленный нами анализ позволяет прийти к следующим выводам.

«Алису в Стране Чудес», написанную Б. Заходером, можно по праву назвать «русским дубликатом» знаменитой сказки Л. Кэрролла. Мы занимались разбором лишь одного аспекта книги в ее переложении на русский язык, разделив его на школьные реминисценции Алисы и воспоминания об учебе в школе на дне моря ее бывших *питонцев* – сказочных существ из Страны Чудес.

Однако в тексте перевода незримо присутствует и третья школа той Алёнки (Али, Альки), к образу которой тяготеет Б. Заходер. Этот факт прослеживается по всем аспектам «школьной программы», но больше всего в содержании стихотворений, воспроизведенных Алисой, которые стали объектом нашего особого внимания. Стихи в тексте оригинала чрезвычайно забавны, но современному читателю не удаётся понять их пародийный характер (если такой был), тогда как их аналоги, предложенные переводчиком, восходят к источникам, знакомым по нашей собственной практике «заучивания».

«Третья школа» просвечивается и в алфавитных метаморфозах, и в грамматических упражнениях Алисы, и – что особен-

но интересно – в замечаниях на полях, принадлежащих перу автора «русского дубликата» «Алисы в Стране Чудес».

Б. Заходеру удалось главное – вынести свою книгу на ту же самую волну невероятных парадоксов и искромётного юмора, которую задал английский писатель.

Наши варианты стихотворений и передача на русский язык прямых значений слов, претерпевших «перестройку», способствуют тому, чтобы понять и оценить это. Необходимо отдать дань изобретательности переводчика в поиске «параллелей» в игре слов, в подборе каламбуров с применением тех же самых механизмов их образования, что и у Л. Кэрролла. Но вместе с тем, произведение Б. Заходера нельзя назвать «вольным переводом» или «переводом на тему» – автор стремился сделать свой пересказ максимально приближенным к тексту оригинала.

Перспектива нашей работы видится в рассмотрении других вариантов перевода «Алисы в Стране Чудес» с целью сопоставления их с трудом Б. Заходера.

Литература

1. Carroll L. Alice in Wonderland / L. Carroll. – London: Bancroft & Co (Publishers), 1971. – P. 112.

2. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес / Пер. с английского Б. Заходера. – Москва: Детская литература, 1979. – 157 с.

3. Заходер Б. Глава никакая, из которой можно кое-что узнать // Приключения Алисы в стране Чудес / Б. Заходер. – Москва: Детская литература, 1979. – С. 3–10.

4. Longman Dictionary of English Language and Culture / Fourth Impr. – Edinburg: Longman, 2000. – P. 1568.

5. Набоков В. Аня в стране чудес. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/kerroll-anya-v-strane-chudes/nyrok-v-krolichyu-norku.htm>.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ: ПЕРВИЧНОЕ И ВТОРИЧНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО¹

На протяжении нескольких столетий продолжают соревноваться в вербальных играх между мастерами слова, разделенными языками и временем. Одна из соревнующихся сторон, лишенная естественной возможности знать другую, дает миру примеры словотворчества на своем родном языке, а ее виртуальные визави пытаются реорганизовать их средствами своего языка, занимаясь по сути вторичными словотворчеством.

Под этим термином имеется в виду создание новых языковых единиц, требующих от человека, взявшегося за перевод исходных номинаций, особой изобретательности, поскольку надо предложить читателю новообразование, не менее оригинальное, чем вербальный конструкт по первоначальной своей задумке, но в тоже время «цепляющий» его смысл.

Люди, владеющие только одним языком – родным – и читающие произведение в переводе, не понимают словотворческий характер той или иной лексической единицы, и только билингв, сопоставляя текст оригинала с текстом перевода, способен оценить мастерство писателя и искусство переводчика, только он отдает дань развернутой в обоих случаях языковой игре.

Настоящая статья посвящена анализу переводов на русский язык номинаций – результатов словотворчества – в рассказах классика американской литературы XIX века поэта и новеллиста Эдгара По. Владелец поэтического таланта Эдгар По одновременно известен как родоначальник детективного жанра англоязычной литературы, но он в равной степени владел пером едкого сатирика, заслужив характеристику писателя, сблизившего трагизм и пугающую шутку, часто возводи- мую в степень фарса [1, с. 4].

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2019. – № 4. – С. 61–65.

В качестве упомянутых выше новообразований интересно, на наш взгляд, изучить способы передачи средствами русского языка «говорящих» антропонимов и топонимов в произведениях Э. По. Предпринимаются попытки найти разгадки сотворенных его фантазией имен и оценить усилия по представлению этих имен на другом языке в том же «игровом» ключе, что и в тексте оригинала.

Если передавать транслитерацией имена и фамилия действующих лиц в рассказах с сатирическим подтекстом, и тем же способом – названия населенных пунктов – городов и городков, их завуалированный смысл останется «вещью в себе».

Об этом, в частности, говорит Н.А. Фененко, размышляя о несостоявшемся переводе на французский язык имен героев комедий Н.В. Гоголя «Ревизор», в которой все имена собственные выполняют важную эмоционально-оценочную функцию. При этом ученый удачно ссылается на цитату из «Лекций по русской литературе» В.В. Набокова: «Они словно маски, надетые на лица персонажей» [2, с. 59]. Однако на фоне «чужих» декораций «маски» превращаются в ничего не значащие, на чужой лад звучащие фамилии.

По словам Ю.А. Рылова, антропонимы – вообще яркий пример непереводимости [3, с. 119], но в том-то и заключается искусство перевода, чтобы переступить границу невозможного.

Перейдем непосредственно к анализу языкового материала.

В рассказе Э. По *Diddling Considered as One of the Exact Sciences* («Надувательство, как точная наука», пер. – И. Бернштейн) текст объявления о выгодных вакансиях, для получения которых требуется денежный залог (в этом и заключается мошенничество!) подписан владельцами несуществующей фирмы с рифмующимися фамилиями *Bogs, Hogs, Logs* и *Frogs* (где в буквальных своих значениях: *Bog* – «болото», *Hog* – «свинья», *Log* – «бревно», а *Frog* – «лягушка»). Однако переводчик не пошел по пути передачи фамилий от значений слов, лежащих в их основе, а дал свою версию имен: *Кошкью, Вошкью, Печькью* и *Лавач-*

кью, а улицу, на которой располагалась «дугая» контора – *Dog-Street* – получила название *Сучкью-стрит*. Во-первых, здесь выдерживается рифмованный характер имен, а во-вторых, сохраняется несомый ими юмористический эффект.

В другом варианте перевода (автор М. Энгельгардт) *Bogs, Dogs, Logs, Frogs* передаются как *Босу, Косу, Носу, Шмосу*. В то время как *Dog-Street* – транслитерируются с прицелом на то, что составные части названия улицы понятны русскоязычному читателю. Несложно увидеть, что в обоих случаях переводчикам удастся вербализовать насмешку над простаками – потенциальными жертвами плутовства, которая имплицитно содержится в английских именах.

В русской версии рассказа *The Literary Life of Thingum Bob, Esq* («Литературная жизнь Каквас Там, эсквайра», пер. М. Юрновой), высмеивающего названия и содержание бездарных журналов и их никчемных сотрудников, наблюдаем следующие трансформации: *mademoiselle Cribalittle* (от англ. *crib* – «списывать тайком», *alittle* – «по мелочам») принимает вид мадемуазели *Плагуатон*, *miss Fibalittle* (от англ. *fib* – «неправда», «выдумка», «ложь») в союзе с прилагательным *alittle*, написанным слитно, преобразуется в *Фальшивочку*, *Squibalittle* (где *squib* – «клеветническое сочинение с оскорбительными нападениями» и *alittle* в том же значении, что и в предыдущих случаях) переводится как миссис *Пасквилянтка*.

Сам же главный герой повествования *Mr. Thungum Bob* (в англ. языке *thungum* – «слово вместо имени, которое не можешь вспомнить», приблизительно равное выражению «*Как бишь его?*») по-русски именуется слитно представленным «Каквас», а вместо имени *Bob* следует «фрагмент» одноименной русской фразы «Как вас там?» – «Там», что в результате создает имитацию фамилии и имени персонажа: «*Каквас Там*».

Новелла *Some Words with Mummy* («Разговор с мумией», пер. И.Бернштейн) выводит на первый план мумифицированного древнеегипетского графа *Allmistakeo*, для имени которого

найден русскоязычный аналог – *Бестолковео*. Антропоним *Allmistakeo* создан не по шаблону английских имен и фамилий – на иностранный манер, тоже самое можно сказать и о его переводном эквиваленте, в основу которого заложено понятие глупости и невразумительности, схожее с внутренней формой оригинального онима.

Особого внимания требует рассказ *The Devil in the Belfry* («Черт на колокольне», пер. В. Рогова). В нем предметом осмеяния становится рутинный быт немецкого городка, покой которого нарушается появлением на колокольне нечистого со скрипкой.

Автору статьи пришлось заняться разгадкой фамилий действующих лиц повествования, ученых-этимологов, которые в тексте новеллы занимались происхождением топонима *Vondervotteimittis*, городка, населенного любителями квашеной капусты и башенных часов. Решение проблемы оказалось проще, чем представлялось в начале из-за громоздкости именования. *Vonder* – первый слог в названии города это искаженное английское *Wonder* – «хотелось бы знать», за которым следует «онемеченное» *What time is it?* – «который час?». В русском варианте данный населенный пункт получил название «*Школькофремен*», предающее топониму немецкий колорит.

Обратимся к именам ученых-этимологов, по-своему толковавшим данную номинацию. Фамилия первого из них *Grogswig* – и, если *wig* похоже на окончание немецкого имени, например, *Ludwig*, а английское *grog* – «напиток из рома или коньяка и горячей воды с сахаром», то это вполне оправдывает переводческое «*Шнапстринкен*», производное от немецких слов *шнэпс* и *пунь*.

Трудную задачу представил антропоним *Kroutaplenty*, где *Krout* – искаженная форма английского существительного *krout* – прозвище выходца из Германии, а *plenty* – нечто, представленное в большом количестве. *Kroutaplenty* значит в русском переводе как *Тугодум*, в виде своеобразного реверанса немецкому этносу.

По нашей догадке *Stuffundpuff* следует разложить на две составляющих: *stuff* – «хлам», «чепуха» и *puff* – «дутая реклама», «незаслуженная похвала», соединённых немецким *und* (союзом «и»), что в итоге дает антропоним *Сорундвздор* – читай: Сор-и-вздор.

Gruntalguzzel – также составная номинация, в которой *grunt* – «хрюканье», «хрюкать» (ср. с немецким *grunzen* в том же значении), *al* – ничего не значащее буквосочетание, служащее в качестве скрепы, *guzzle* – «жадно глотать», (от англ. *guzzle* – «обжора»).

Синтез этих компонентов объективируется средствами русского языка в виде универба *Штафнхрюкен* (теперь уже от английского *Stuff* в другом его значении: «материал», «наполнитель некой емкости»). Оно и понятно: ненасытный, прожорливый человек набивает чрево, подобно одомашненному вепрю.

Dunderguts – имя, некоторым образом связанное с предыдущим конструктором, распадающимся на *Dunder* (ср. с англ. *thunder* – «гром») и *guts* – «кишки», которые в своем единстве образуют сотворенный переводчиком антропоним *Брюхенгром*.

Наконец, последний из ученых мужей, названный именем собственным *Blunderbuzzard* апеллирует к слову *buzzard* – «стервятник», в переводе – *Бандерстервин*, тогда как *blunder* – производное от *blund* – «бесстрастный», остается не переведенным.

В рассказе *Three Sundays a Week* («Три воскресенья на одной недели», пер. И. Бернштейн) характер дядюшки главного героя определяется его фамилией, также искусно образованный – *Mr. Rumgudion*. Разводя и эту номинацию по ее составным частям, получаем *rum* – в значении «чудак» и искаженное от *grudge* (с пропуском второй буквы этого слова): «неохотно дающий, одалживающий что-то» – прием, позволивший переводчику вывести на авансцену события мистера *Скупердэя* (антропоним – абсолютно не нуждающийся в комментариях).

В том же рассказе встречаем мистера *Double L. Dee*, фамилия которого восходит к сокращению *LLD* (отсюда – двойное *L*

и латинская буква *D* – в значении «доктор права»). В этом случае переводной аналог идет в разрез с реноме столь почетного ученого звания. *Double L. Dee* передается на русский язык как *О'Болтус*, где *оболтус* – «дурак», «бездельник».

В новелле *Businessman* («Делец», пер. И. Бернштейн) в духе злой сатиры описывается хроника предпринимательской деятельности мистера *Путера Профита* (*Peter Profit*). *Профит* – тоже говорящая фамилия в ее английском звучании. На русский язык *profit* переводится как «прибыль», «польза», «выгода». Исполняя роль «ходячей рекламы» «бизнесмен» *Профит* выставляет счет за оказание услуг портняжной мастерской в лице ее владельцев с именами *Cut* и *Comeagain* (в переводе – *Крой* и *Шил*, хотя *Comeagain* – *come again* – буквально означает «приходите снова!»). В переводе М. Энгельгардта речь идет о господах *Крой* и *Выкрой*.

В рассказе появляются еще два героя: *Snap* и *Gruff* (*Snap* – «делать что-то очень быстро», в переводе *Скок* и *Gruff* – «грубить», в переводе – *Груб*).

Детективная история под заголовком *Thou Art the Man* («Ты еси муж сотворивший сие» пер. Е.Суриц), переносит нас в город *Rattleborough*, где *Rattle* – «шумный», *borough* – «городок», что по-русски звучит в виде топонима *Сыр-Борро* (ср. с русским: «Сыр-бор») и знакомит нас с его обитателями, героями повествования: мистером *Shuttleworthy* и его «другом» с фамилией в виде скрытой насмешки *Goodfellow* (букв. «хороший парень») – коварным преступником.

Первый персонаж получает в переводе Е. Суриц фамилию *Кукиш*. Пожалуй, это единственный случай, когда в варианте антропонима находит отклик не «материя» оригинального имени, а идея всего рассказа. *Shuttle* – «челнок» – как существительное или образованный способом конверсии глагол – «курсировать между двумя населенными пунктами», а *worthy* – «достойный», «сему подобающий». С другой стороны, *Кукиш* апеллирует к русскому выражению «Получить кукиш с маслом»

значит «не получить ничего». И действительно – хитроумный убийца, наделенный не без иронии именем *Goodfellow* («старина Честен») не получает вожаемого богатства и в устрашающей концовке рассказа находит лишь свой бесславный конец.

В данной истории есть еще один герой – *мистер Нупенни* – бедный племянник *Кукиша*, на которого *старина Честен* «переводит стрелки» (в оригинале – *penny feather* – также составное имя: *penny* – мелкая денежная единица, *feather* – от «перо» – «нечто мелкое», «незначительное», «пустячное»).

Венчают рассказ имена поставщиков ящика, содержащего не бутылки с обещанным вином, как ожидал «старина Честен», а мертвое тело самого *Кукиша*. И вновь – это краткосложные, рифмующиеся между собой антропонимы: *Hoggs, Frogs, Bogs*, передаваемые на русский язык «говорящими фамилиями» – *Клопс, Снобс и Гробс*.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. Человек, взявшийся за анализ перевода английский антропонимов и топонимов в произведениях американского писателя Э. Пона русский язык, сталкивается с двумя параллельными задачами. Первая из этих задач заключается в разгадке приемов, по которым эти номинации создаются в авторских текстах (иногда по своему характеру процесс разгадки равен процедуре занимательного расследования). Вторая задача, не менее сложная, состоит в способах передачи онимов на русский язык, а именно – в выявлении переводимых аналогов своеобразной «сцепки» с говорящими номинациями.

Определено, что наиболее частный случай – это передача «внутренней формы» англоязычного имени средствами русского языка (практически – один к одному): *miss Fibalittle* – *мадемуазель Фальшивочка*, *Squibalittle* – *миссис Пасквильянтка*, оформленные согласно законам морфологии русского языка. Однако нельзя не упомянуть и другие способы передачи: подбор переводной номинации с идентичным количеством слогов и соответствующей рифмовкой: *Hogs, Frogs, Bogs* – против

Клопс, Снобс, Гробс, либо просто рифмующиеся между собой смешно звучащие онимы: *Bogs, Hogs, Logs, Frogs* – против *Кошкью, Вошкью, Печкью, Лавочкью* или *Босу, Косу, Носу, Штосу*.

Оба параллельных процесса, по мнению автора статьи, имеют характер языковой игры и в тексте оригинала, и в тексте перевода они отмечены юмором, иронией, а иногда и резким сарказмом.

Наша задача заключалась в понимании «внутренней формы» оригинальных номинаций и способов дублирования их эмоционально-оценочных коннотаций.

Литература

1. Фененко Н.А. «Ревизор» по-французски: «непереводимое в переводе» или «непереведенное переводчиком?» / Н.А. Фененко // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. – Вып. 8. – Воронеж: Ипц ВГУ, 2008. – С. 50–60.

2. Рылов Ю.А. Антропонимы и проблемы перевода / Ю.А. Рылов // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. – Вып. 10. – Воронеж: Ипц ВГУ, 2012. – С. 118–130.

3. Зверев А. Вдохновенная математика Эдгара По / А. Зверев // Э.По. Избранное. Сб. на англ. языке. – М.: Радуга, 1983. – С. 7–28.

Источники

1. Надувательство как точная наука / Пер. И. Бернштейн // Э. По. Убийство на улице Морг. – М.: Изд-во «Правда», 1987. – С. 321–332.

2. Жульничество как одна из точных наук / Пер. М. Эндельгардта // Э. По. Рассказы. – М.: Мир книги, 1998. – С. 273–281.

3. Литературная жизнь КаквасаТама, Эксквайера / Пер. М. Урно-ва // Убийство на улице Морг. – С. 413–434.

4. Разговор с мумией / Пер. И. Бернштейн // Э. По. Убийство на улице Морг. – С. 440–458.

5. Черт на колокольне / Пер. В. Рогова // Э. По. Убийство на улице Морг. – С. 94–102.

6. Три воскресенья на одной неделе / Пер. И. Бернштейн // Э. По. Убийство на улице Морг. – С. 221–228.

7. Делец / Пер. И. Бернштейн // Э. По. Убийство на улице Морг. – С. 144–154.

8. Деловой человек / Пер. М. Эндельгардт // Э. По. Рассказы. – М.: Мир книги, Литература, 1998. – С. 241–243.

9. Ты еси муж, сотворивший сие / Пер. Е. Суриц // Э. По. Убийство на улице Морг. – С. 373–386.

«ТРОЕ В ЛОДКЕ» Д.К. ДЖЕРОМА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ИДИОМАТИЧЕСКОЕ ПЕРЕНАСЫЩЕНИЕ ТЕКСТА ОРИГИНАЛА¹

Тема «непереводимого в переводе» давно привлекает внимание исследователей, по этому поводу написано немало статей и монографий, проблема семантических потерь в процессе перевода многократно являлась и является предметом дискуссий учёных-лингвистов и переводчиков-практиков. Менее изученным оказывается вопрос «от обратного» – волен ли переводчик внедрять в текст перевода (именно перевода, а не пересказа, или произведения, «созданного по мотивам») нечто «своё», дополнять «чужое» творчество тем, что в нем отсутствует?

Известный теоретик переводческой деятельности М.Л. Лозинский, классифицируя типы переводов, выделяет в качестве отдельного подпункта перевод «перестраивающий», в процессе которого «переводчик, так сказать, переливает вино в свои, привычные мехи. Такая перестройка может касаться содержания чужеземного произведения, когда это содержание переиначивается на свой лад, своеобразно вкусам и привычкам той среды, для которой работает переводчик...» (Лозинский 1987: 93).

Перестройка может касаться и формы произведения, при этом вместо формы, характерной для оригинала, представляют

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Язык, коммуникация и социальная среда : ежегодное международное научное издание. – Воронеж, 2016. – Вып. 14. – С. 8–12.

свою, так как она кажется либо лучше, либо просто более привычной (Там же).

В свете вышесказанного сопоставим фрагменты романа известного английского писателя-юмориста Джерома К. Джерома «Трое в лодке» с их переводом на русский язык. Нас будут интересовать англо-русские параллели в тексте оригинала и в тексте перевода, когда последние – описания курьезных злоключений, в которые попадают герои романа, – кульминируются фразеологизмами русского языка, в то время как в английском варианте какие-либо образные выражения отсутствуют. Следовательно, речь пойдёт об образном перенасыщении текста оригинала.

Одиночными случаями такого перенасыщения можно было бы и пренебречь, но обзор всего произведения показывает, что для переводчика (к сожалению, имя его в издании не указано) этот приём, скорее, правило, чем исключение.

Остановимся лишь на некоторых подобранных нами примерах. Их сравнительный анализ осуществляется по следующей схеме: сначала приводится предложение из текста оригинала, сопровождаемое буквальными переводом на русский язык, а затем цитируется аналог этого предложения в его «официальной» версии.

Итак, в книге «Трое в лодке (не считая собаки)» Джером К. Джером с присущим ему юмором описывает путешествие трёх друзей, пустившихся на лодке в вояж по реке Темзе.

Один из героев – Гаррис – большой любитель поесть.

1) В оригинале читаем: *Harris said a little something in one's stomach often kept the disease in check.*

В нашем переводе («слово-за-слово») данное предложение звучит следующим образом:

И то малое, что попадает в желудок, – сказал Гаррис, часто держит болезнь под контролем.

В печатном варианте этого же предложения значителее следующее:

Гаррис высказался в том смысле, что если **заморить червячка**, то развитие болезни может несколько задержаться. (Обратим внимание на дополнительно привнесённый фразеологизм **заморить червячка**).

И далее – по отмеченным выше позициям:

2) *Harris said he knows the sort of place I meant where everybody went to bed at eight o'clock.*

Гаррис сказал, что он знает местечко подобного рода, где люди укладываются спать в восемь часов.

Сравните: Гаррис сказал, что отлично представляет себе уголок, который я имею в виду, эту **захолустную дыру**, где люди укладываются спать в восемь часов. (Как видим у Д.К. Джерома **захолустная дыра** не упоминается).

3) *The ticket was offered round the town at a tremendous reduction.* (Речь идёт об обратном билете на пароход после недельных мучений во время морского круиза).

В буквальном переводе: *С огромной скидкой билет предлагался по всей округе.*

В свою очередь, в тексте «официального» перевода на русский язык читаем: *Говорят, (обратный билет на пароход) предлагался **каждому встречному и поперечному** с неслыханной скидкой.*

4) *Harris thought that if George did sleep any more he might as well be dead.* – Гаррис подумал, что если бы Джордж проспал еще немного, он мог бы умереть совсем.

Книжный аналог нашего перевода говорит об этом более подробно: *Если Джордж решил спать больше двадцати четырех часов в сутки, он мог бы с тем же успехом **почить навеки**.*

5) *You can never rouse Harris* – Гаррис совершенно лишен воображения.

У автора перевода: *Вам никогда не удастся **оторвать** Гарриса **от прозы жизни**.*

6) *Uncle Podger is pushed again the wall with the force nearly sufficient to flatten his nose*, т.е. Дядюшку Поджера бросает к стене с силой,

способной сплющить его нос. (Это, когда «мастер на все руки», пытается забить гвоздь).

И – по нашей схеме ниже:

Дядюшку Поджера по инерции бросает к стене с такой силой, что его нос чуть не **превращается в лепёшку**.

7) *George said there would be quite enough hard work into wing sufficient food for Harris up against the stream.* – Джордж сказал, что будет ужасно трудно грести против течения с запасом еды, необходимым для того, чтобы прокормить Гарриса.

У переводчика книги – свой вариант: Джордж сказал, что грести против течения с грузом провианта для прокормления Гарриса, и без того – **каторжный труд**.

8) *I smiled at the black gentleman and he laughed pleasantly and said some people made such a fuss over a little thing,* что значит: Я улыбнулся чернокожему джентльмену, и он рассмеялся приятным образом и сказал, что некоторые люди много шумят по пустякам.

С инкорпорированным фразеологизмом это предложение выглядит так: Я улыбнулся чернокожему джентльмену, и он в ответ любезно улыбнулся и сказал, что некоторые люди **делают из мухи слона**.

9) *The people would come and have a sniff and then drop off and squeeze into other carriage.* (На этот раз говорится о специфическом запахе, который издает взятый в дорогу сыр). – Люди входили, принимались, а затем стремительно убежали и втискивались в другой вагон.

И вновь сравните: Пассажиры входили один за другим, принимались, а затем **вылетали пулей** и втискивались в другие купе.

10) *I'm not like that. I can't sit still and see another men slaving and working.* – На меня это не похоже. Я не могу сидеть спокойно и смотреть, как другие упорно работают.

Этому предложению по-своему «вторит» книжный перевод: Но сам я не таков. Я не могу сидеть, **сложив руки** и праздно глядеть, как другие **трудятся в поте лица**.

Далее, для удобства восприятия будем приводить только буквальный перевод примера и его печатный «двойник».

11) *Это так похоже на Гарриса. Он не проронил ни слова, пока я не закрыл саквояж. – Такая выходка вполне в духе Гарриса. Он, конечно, **хранил гробовое молчание**, пока я не закрыл саквояж.*

12) И далее: *Это самая невероятная вещь, о которой я когда-нибудь слышал, – сказал Джордж. – **Отродясь я не слыхивал** ничего более странного, – произнес Джордж.*

13) *Монтморенси (это тот четвертый, которого не считают в качестве пассажира – А.Б.) был, конечно, как раз там. – Монтморенси был, конечно, в **самой гуще событий**.*

14) *Наивысшая цель – заставить кого-то ругать его (пса) целый час. – Наивысшая цель – добиться, чтобы кто-нибудь **честил** его (т.е. пса) **во все корки**.*

15) *Когда вы устали и хотите спать, подобная неуверенность (в маршруте – А.Б.) очень вас беспокоит. – Когда человек голоден и хочет спать, такая неуверенность ему **как нож в сердце**.*

16) *Неужели они придут домой промокшие? (Речь идет об ошибках в прогнозе погоды). – Неужели они **вымокнули до нитки**?*

17) *Это все очень просто. – Сравните: Эта ерунда **выеденного яйца не стоит**.*

18) *Я собираюсь выйти и выпить что-нибудь. – Я должен сойти на берег и **промочить горло**.*

19) *Я очень замерз, когда возвратился в лодку. – Я, наконец, влез в лодку, и у меня **зуб на зуб не попал**.*

20) *Мы открыли еще один способ досадить этим аристократам, решив принять их за участников пикника. – Мы изобрели еще один способ **довести** этих аристократов **до белого каленя**.*

21) *На вряд ли вы ожидаете, что человек собьется на середине строчки, фыркнет и скажет, как там дальше, и сам досочинит конец стиха. – Вы не ожидаете, что человек может остановиться посередине фразы, фыркнуть и заявить, что, как это ни забавно, но **провалиться ему на этом месте**, если он помнит, как там дальше, и **несёт отсебятину**.*

Последующие примеры приведём в другом формате:

22) Безобразное *победить* переводчик заменяет выражением ***разбить в пух и прах***.

23) Плохо справиться с работой – ***Дать маху***.

24) Заботиться о друзьях, усердно на них работать – ***Расшибиться для них в лепёшку***.

25) Пользоваться чужим трудом – ***Выезжать на ком-то***.

26) Не принимать активных действий – ***В ус не дуть***.

27) Положить чему-то конец – ***Призвать к порядку***.

28) Для фразы *это ничего не стоит* находим предлагаемый переводчиком аналог ***игра не стоит свеч***.

29) Приложить все усилия – ***Лезть из кожи вон***.

30) Избегать споров – ***Не тратить напрасно пороху*** и т.д.

Массив приведенных примеров не оставляет сомнений в том, что русский текст романа действительно перенасыщен фразеологизмами. Попытаемся разобраться в причинах этого явления.

В книге «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка» мы ведем речь о так называемых «говорящих контекстах», когда словарное окружение произвольно подсказывает употребление подходящего по смыслу фразеологизма. (Бабушкин 1996: 93). Например: *в комнате стоял страшный беспорядок: стулья перевернуты, стол сдвинут, книги рассыпаны по полу, обшивка дивана распорота, а под окном чернела горка земли с осколками цветочного горшка – **Мамай прошёл!** – и точка!*

Американские ученые, представители когнитивного направления в психологии, рассматривая проблему интерпретации образных выражений, задались вопросом, что первично в понимании метафорического выражения – его прямое или переносное значение; почему переносное значение фразы приходит на ум быстрее, чем прямое, при этом двухступенчатая модель интерпретации метафоры ими отрицается (Eysenck 1994: 205).

Действительно, когда мы встречаемся с отдельно взятой идиоматической конструкцией, типа: ***взять быка за рога***, мы меньше всего думаем о работе на скотоводческой ферме.

Все это свидетельствует о том, что в подобных ситуациях наиболее известные фразеологизмы находятся в оперативной памяти говорящих, на ее переднем плане.

Сказанное подтверждается самоанализом. Сталкиваясь с ситуацией, когда кого-то удалось поймать, заманить, соблазнить, невольно подумаешь, что этот кто-то **попался на удочку**. Реакцией на пустую болтовню, длинную речь, не содержащую ничего нового, ценного, будет неожиданно возникающая фраза: **здесь переливают из пустого в порожнее**.

Думается, что данный механизм работает и в случае «говорящего контекста» в тексте оригинала, который индуцирует в голове переводчика соответствующую «мыслительную» картинку, требующую (позволим себе каламбур) фразеологического завершения фрагмента переводимого им материала.

Боле того, в нашем конкретном случае к использованию фразеологизма призывает сам жанр художественного произведения, моделируемого средствами русского языка. Юмористическое «зерно», заложенное в семантику русского фразеологизма, делает повествование еще комичнее, определенным образом сближая русского читателя с вызывающими смех событиями, которые оживают на страницах английского романа.

С другой стороны, образное перенасыщение переводимого текста имеет свой недостаток. На фоне декораций английской действительности, «обставленный» английскими личными именами, географическими номинациями, описанием исторических событий и гастрономических пристрастий носителей английского языка, фразеологизмы, которые переводчик «приписывает» героям романа, формируют русифицированный «декор» их речи, возможно, не заметный для массового читателя, но ощущаемый человеком, владеющим двумя языками.

Остается ответить на вопрос, почему Джером К. Джером не привнес в текст своего произведения россыпь идиом, хотя известно, что английский язык ими богат. Только в Англо-русском фразеологическом словаре А.В. Кунина – их двадцать

тысяч. Дело в том, что, по свидетельству самих англичан, они не так часто (по сравнению с нами, русскими) апеллируют в своей речи к устойчивым образным выражениям. (Не служит ли это признаком известной английской сдержанности, которая проявляется и в их речевом поведении?)

Однако, это не мешает говорить о «веселой доброй Англии». Английский юмор – нечто сокровенное, частное, реализуемое в полузаметных намеках и насмешках, адресованных людям, способным оценить эти недомолвки, как расплывчатые блики на хорошо знакомых предметах [Сухарев 1997, 108]. Но не только. Как показывает проведенный нами анализ, англичане отдают дань и открытому гротескному юмору, который скрыт больше в содержании, чем в форме.

Этим юмором и блистает каждая страница книги Джерома К. Джерома «Трое в лодке (не считая собаки)», неоднократно переводимой на русский язык. Было бы любопытно проверить, все ли переводчики видят в английском варианте романа «говорящие контексты»?

Литература

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. – 104 с.
2. Джером Д.К. Трое в лодке. – Москва: Высшая школа, 1993. – 180 с.
3. Лозинский М.Л. Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов. – Москва: Прогресс, 1987. – С. 91–106.
4. Сухарев В., Сухарев М. Психология народов и наций. – Донецк: Сталкер, 1997. – 400 с.
5. Eysenck W. The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology. – Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, 1994. – 390 p.
6. Jerome G.K. Three men in a boat. – Penguin Books, 1994. – 185 p.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ КОЛЛЕГ

ПРОФЕССОР А.П. БАБУШКИН – ЛИЧНОСТЬ ТВОРЧЕСКАЯ

Почти 50 лет общаясь с Анатолием Павловичем Бабушкиным, берусь уверенно утверждать, что его личности присуща значительная творческая составляющая.

Именно она красной нитью проходит через всю его сознательную жизнь.

Для подтверждения сказанного достаточно перелистать страницы его объемного «личного дела».

Обучаясь в Горьковском педагогическом институте иностранных языков, Анатолий Павлович (тогда еще Анатолий, Толя) стал руководителем институтского театра миниатюр. Не понаслышке знаю, какого творческого труда требовало всегда это дело. А его руководителю нужно было не только самому творчески реализоваться, но и подвигнуть на творческую задачу своих товарищей.

А после окончания вуза были годы работы военным переводчиком, в том числе и за рубежом, что профессионально предусматривало творческий подход к служебным и внеслужебным обязанностям.

С 1975 года Анатолий Павлович работает в Воронежском государственном университете, где творчество постоянно присутствует во всей его жизни.

Творчество профессиональное: хорошим преподавателем нельзя быть – убежден в этом – если формально относиться к своему делу и к тем, кто у тебя учится. А Анатолий Павлович, по мнению коллег и студентов, хороший, а значит, творчески нацеленный преподаватель.

Творчество научное: за годы работы в университете А.П. Бабушкин защитил кандидатскую и докторскую диссертации, что невозможно без творческого подхода, закономерно получившего высокую оценку высококвалифицированных кол-

лег. Да и в, так сказать, текущих научных публикациях творческая составляющая проявляется достаточно наглядно. Приведу для иллюстрации названия произвольно взятых из обширного списка всего трех его публикаций: «Языковая игра», «Каламбур как вид языковой игры», «Раздвоение языкового озорства». И это, повторю, только три произвольно выбранных примера. Но они характеризуют столь присущий автору интерес к творчеству во всех его проявлениях.

Творчество повседневное: Анатолий Павлович Бабушкин сам пишет талантливые стихи и осуществляет поэтические переводы.

Как известно, в нашем университете талантом и усилиями профессора М.А. Стерниной уже много лет издается приложение к многотиражной газете «Воронежский университет» на английском языке. Не знаю, есть ли подобное в других вузах. Но в нашей газете были представлены прекрасные, по оценке специалистов, переводы А.П. Бабушкина на английский язык стихов Константина Симонова и Анатолия Абрамова о Великой Отечественной войне.

А коллеги Анатолия Павловича (и автор этих строк в их числе) ежегодно к своим памятным датам получают поэтические послания А.П. Бабушкина на русском языке – умные, яркие, талантливые, которым просто нельзя не радоваться и не восхищаться.

По моему глубокому убеждению, по-настоящему творческий человек – это обязательно патриот своей страны. Анатолий Павлович Бабушкин именно в таком ключе реализует свой творческий талант. И можно только радоваться тому, что его творческий потенциал далеко не исчерпан.

***В.С. Листенгартен,**
кандидат исторических наук,
доцент, Почетный ветеран ВГУ*

АНАТОЛИЙ БАБУШКИН – УЧЕНЫЙ И ПОЭТИЧЕСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

У профессора А.П. Бабушкина есть две черты, выгодно отличающие его от многих других научных работников. Первая, на которой хотелось бы остановиться, это его отношение к научным исследованиям. В отличие от многих других профессоров, которые после защиты докторской либо вообще ничего не пишут, либо многие годы подряд эксплуатируют тему своей докторской диссертации, публикуя из нее отдельные отрывки, Анатолий Павлович не ленится проводить все новые и новые исследования различных участков языковой действительности, получая при этом интереснейшие результаты.

Будучи научным редактором продолжающегося научного издания «Сопоставительные исследования», с удовлетворением констатирую, что из 21 вышедших на данный момент выпусков этого издания А.П. Бабушкин опубликовался в девятнадцати, при этом каждый раз – с новой интересной темой. Уже сам перечень этих тем ярко свидетельствует о широте проводимых Анатолием Павловичем исследований: «К вопросу о сопоставительной семиотике» (2005), «Коннотации числительных в сопоставительном аспекте» (2006), «Русские и английские ойконимы в образных выражениях и народных речениях» (2008), «Контейнерная метафора «Человек» в контексте русских и английских лексем и фразеосочетаний, соотносимых с органами жизнедеятельности Homo Sapiens» (2009), «Извинения в зеркале культур» (2010), «Объективация гендерных отличий в английских и русских зоонимах» (2011), «О единстве противоположностей в синонимических рядах английского и русского языков» (2012), «Англо-русские параллели фразеологизмов со словами *water/вода*» (2013), «Русские и английские нумеративные фразеологизмы» (2014), «Лексемы «волосы» и «волосок» в русском и английском языках (сопоставительный аспект)» (2015), «Одежда для ног» в русском и английском

языках (сопоставительный аспект)» (2016), «Табуированная лексика и эвфемизмы в языковой практике носителей современного русского и английского языков» (2017), «Умный» и «глупый» в лексиконе носителей русского и английского языков (сопоставительный аспект)» (2018), «Русские и английские термины родства в их непрямых значениях (сопоставительный аспект)» (2019), «Боль в русском и английском языках (сопоставительный аспект)» (2020), «Совпадения социальных стереотипов в их репрезентации неродственными языками» (2021), «Социальный статус человека в русской и английской фразеологии» (2022), «Игра с языковыми знаками в русском и английском языках» (2023), «Метафорическая энтомосемизация человека в русском и английском языках (сопоставительный аспект)» (2024).

Остановимся подробнее на двух работах Анатолия Павловича из этого перечня. Так, в статье, посвященной сопоставительному аспекту наименований обуви в русских и английских идиоматических и сленговых выражений (2016), он убедительно показал, что в своих переносных значениях как русские, так и английские слова и словосочетания темы «обувь» часто служат для характеристики человека, его интеллектуальных способностей, социального статуса, привычек, возрастных приоритетов, а также его действий, поведенческих стереотипов, причуд и т.п., при этом в обоих языках многие единицы указанной сферы имплицитно несут отрицательную оценку.

В статье о метафорической энтомосемизации человека в русском и английском языках (2024) автор показал, что как в русском, так и в английском языках имеются метафорически маркированные слова, сравнительные обороты и устойчивые образные выражения, приписывающие человеку признаки, присущие энтомам. И в русском, и в английском языках энтомологические номинации образного характера в основном сохраняют оценку, с которой человек воспринимает того или иного насекомого. При этом примерно один и тот же набор

русских и английских наименований насекомых при их переосмыслении создает неодинаковые фрагменты в образных картинах мира в связи с тем, что в сопоставляемых языках метафоризируются разные признаки тождественных энтомонов.

Вторая отличительная черта Анатолия Павловича – это его удивительная способность сочинять стихи. Он замечательно пишет поздравительные стихи, умело подмечая основные черты юбиляра и обыгрывая их. Но самое удивительное – это его талант писать стихи по поводу проведения научных мероприятий. Будучи членом двух диссертационных советов, он практически после каждой защиты в стихотворной форме описывает суть защищенной диссертации. В качестве примера приведем стихотворение, написанное А.П. Бабушкиным в декабре 2017 г. после защиты кандидатской диссертации Н.В. Кочетовой, посвященной национальной специфике семантем русской и английской адвербиальной лексики:

Пошла Наташа, Славы дочь,
На свалку частеречную
Пошла она затем, чтоб смочь
Там отыскать наречия.

Ее на свалку отвела
Научная наставница.
И что ж? Наташа нашла то,
Что самой ей нравится.

Наречий там полным-полно,
Их описать – вот миссия.
Закончить стих не суждено:
Иду считать в комиссию¹.

А.П. Бабушкина можно без преувеличения назвать настоящим поэтическим летописцем научных событий. Помимо поэтического описания защищаемых диссертаций, он в стихо-

---

¹ А.П. Бабушкин был членом счетной комиссии по этой диссертации.

творной форме регулярно описывает проводимые научной школой ВГУ в области общего и русского языкознания конференции. Так, в 2022 году одна из конференций была посвящена 50-летию начала сопоставительных исследований в Воронежском университете. Первое сопоставительное диссертационное исследование в Воронеже было выполнено в 1972 году Зинаидой Васильевной Белкиной под руководством доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Зинаиды Даниловны Поповой и посвящено семантическому анализу глагольной лексики «давать» в сопоставлении с немецкими и французскими эквивалентами.

Свой стихотворный отчет о конференции в этом году А.П. Бабушкин посвятил 50-летию сопоставительных исследований и глаголу «давать»:

Памяти глагола «давать»

С глагола русского «давать»
(как далеко идущий план)
Был путь открыт сопоставлять
Язык и речь различных стран.

Сегодня ровно пятьдесят,
Как этот метод зарожден,
И результаты говорят,
Насколько продуктивен он.

Параметрический уклон
Придумали сестра и брат.
Он в тот же метод был включен
Со всеми индексами в ряд.

Вновь конференцию они
Объявят в нынешнем году.
Мы чтим «давать» и в наши дни
Как путеводную звезду!

Традиционно в феврале
К нам гости в ВГУ придут.
Их на Воронежской земле
Из-за границы даже ждут.

Им языки сопоставлять
Здесь удастся не впервой.
Опять икнет глагол «давать»
Из диссертации одной.

В феврале 2024 г. состоялась десятая юбилейная Всероссийская научная конференция с международным участием «*Стернинские чтения: Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление*». На ее закрытии проф. А.П. Бабушкин представил стихотворный отчет о серии этих конференций:

Былое и думы

Бывало мы в начале февраля
Сюда съезжались – помню те мгновенья –
Чтения своих докладов для
И в целом, для научного общенья.

Позаседавших ожидал фуршет,
И виночерпий обходил площадку.
Зав. секциями ели на десерт
Заслуженные мини-шоколадки.

Вот час настанет, и момент придёт
(альтернативу этому не знаю) –
Нам девушка с гитарой запоёт
Коллег к разноголосью приглашая.

Так было раньше, а теперь – дистант.
Сидим мы дома, по квартирам – типа
На улице свирепствует мутант
Очередного «X+Y» гриппа.

Уже ли прошлому вернуться не дано?
Уже ли кануло всё то, что было ране?
И кажется совсем, как в том кино,
Нам женщина с гитарой на экране.

В одном, однако, выгоден дистант –
На нашу конференцию попали
Те, чей языковедческий талант
Иначе мы бы просто не узнали.

Командировки, поезд, самолёт,
Гостиница, погода никакая –
А человек по адресу живёт
С площадки «зума» умное вещая.

Попасть в Воронеж может вся страна!
Любой из пожелавших человек!
Да здравствует Марина Стернина –
Организатор нашей с вами встречи.

В марте 2024 г. Анатолий Бабушкин отмечает свой 75-летний юбилей. Хочется пожелать ему крепкого здоровья и новых научных и научно-поэтических успехов.

М.А. Стернина,
*доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой английского языка
естественно-научных ф-тов ВГУ*

«ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ДРУГ ДРУГУ КОМПЛИМЕНТЫ...»

Юбилей – время говорить комплименты. Образ нашего юбиляра допускает только взвешенные, тонкие комплименты. В кругу людей, чья профессия – изучать, исследовать и преподавать язык, внимание часто бывает сосредоточенным на речевых особенностях коллеги, его речевом портрете. Это запоминается лучше всего. Когда говорит Анатолий Павлович Бабушкин, всегда прислушиваешься, даже если ты устал от речей, потому что в его речи обязательно будет что-то, чего ты не знал, или будет высвечен какой-то иной аспект знакомого явления. К таким явлениям относятся и возможные миры, представленные нам в выступлениях и работах А.П. Бабушкина, чей нестандартный лингвистический взгляд так мог представить грамматические формы языков.

Анатолий Павлович – ученый с яркими идеями и неизменным спокойствием и дружеским расположением. Продолжая словами Булата Окуджавы: Ведь это все любви прекрасные моменты – любви к науке о языке и людям, живущим в этой науке.

*Л.В. Величкова,
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкой филологии ВГУ*

АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ БАБУШКИН: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Один из плюсов расширения нашего факультета и вхождения в его состав общеуниверситетских кафедр английского языка и немецкого языка видится мне в том, что на факультете заметно прибавилось хороших людей. И возглавляет этот список хороших людей Анатолий Павлович Бабушкин.

В мою жизнь А.П. Бабушкин вошел не сразу. Конечно, я слышала об Анатолии Павловиче и знала его в лицо и раньше, но лично познакомилась с ним только на факультете. Сначала мое общение с Анатолием Павловичем проходило в «официальном формате» – на всевозможных собраниях, научных конференциях, заседаниях диссертационного совета. Я обратила внимание на то, как он внимательно следит за ходом защиты, как чутко реагирует на вопросы аудитории и ответы диссертанта, какие острые вопросы задает он сам. Если Анатолий Павлович выступает на защите диссертации, то он всегда находит положительные стороны в работе диссертанта, подчеркивает его вклад в решение лингвистических проблем и свое выступление неизменно заканчивает словами: «Я буду поддерживать эту диссертацию и голосовать за».

Доклады профессора Бабушкина на научных конференциях разного ранга – университетских, всероссийских и международных вызывают неизменный интерес. И это неудивительно: Анатолий Павлович умеет находить нетривиальные темы для своих выступлений и предлагает оригинальные решения. К этому надо добавить его умение привлечь внимание аудитории и покорить ее не только проблематикой доклада, но и своим слогом.

Поведение А.П. Бабушкина на совещаниях заведующих кафедрами тоже заслуживает отдельных слов. У него есть чему поучиться! В отличие от многих из нас он «не эмоционирует» (любимое словечко нашего декана), а спокойно и рассудительно решает поставленные задачи.

Общение с Анатолием Павловичем в неофициальной обстановке еще больше раскрыло его личностные качества: острый ум, эрудицию, душевную теплоту, умение выслушать и поддержать собеседника, его скромность и тактичность. Незаметно общение с А.П. Бабушкиным стало для меня насущной необходимостью. Когда Анатолий Павлович заведовал кафедрой и вел занятия в нашем корпусе, я не упускала возможности зайти к нему, чтобы просто поздороваться, перекинуться парой фраз, посоветоваться, «спустить пары». Делаю я это и сейчас, и каждая такая встреча – радость для меня.

По отзывам сотрудников кафедры, которую много лет возглавлял Анатолий Павлович, работать под его началом просто и легко. Его доброта, спокойствие и уравновешенность, а главное – желание помочь внушают оптимизм. Думаю, что такие же теплые слова могут сказать многие коллеги, наверное, все, кому повезло с ним.

Вызывают восхищение тонкое чувство языка А.П. Бабушкина, его поэтический дар и экспромты. Я бережно храню его стихи, написанные по поводу моей защиты докторской диссертации. Такие же стихотворные послания по разным поводам есть и у других моих коллег.

Думается, я написала главное, за что я ценю Анатолия Павловича, но ведь это только штрихи к его портрету, а полный портрет напишут все его многочисленные друзья, коллеги, ученики, часть из которых примет участие в этом юбилейном сборнике. Мне же остается только от всей души поздравить дорого юбиляра Анатолия Павловича Бабушкина и пожелать ему доброго здоровья и творческого долголетия.

МНОГАЯ ЛЕТА!

В.В. Корнева,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой романской филологии ВГУ

ПУСТЬ БУДЕТ СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЙ!

Мы, как лингвисты, обратимся
К истокам слова ЮБИЛЕЙ.
И, безусловно, удивимся:
Намек на возраст. Только чей?
Ведь молодой души не скроешь
Под спудом доблестных седин,
И с вами встретившись, откроешь:
Такой, как Вы, у нас один!
Во всем глубокий смысл научный,
Кругом концептов хоровод...
Вы, когнитолог многозвучный,
Ведете весь табун вперед!
Вы – кладезь мыслей имплицитных,
Готовых перейти в актив,
Чтоб для лингвистов ненасытных
В реальность переплавить миф!
В Вас релевантны все таланты:
Звнящий лингвокреатив,
И Ваших шуток бриллианты,
Трудов научных эксклюзив!
Так бесконечно долго можно
Талантов список составлять.
А потому, придумать сложно,
Чего еще Вам пожелать.
Итак: конечно же, здоровья
И, однозначно, долгих лет.
И пусть слагаются условия
Для новых творческих побед!
Реализации потенциалов!
Вербализации идей!
Осуществления интенций!
Пусть будет славным юбилей!

О.Б. Полянчук,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры французской филологии ВГУ*

ОДУХОТВОРЕННАЯ МУДРОСТЬ

16 марта 2024 года доктору филологических наук, профессору кафедры английского языка гуманитарных факультетов Воронежского государственного университета Анатолию Павловичу Бабушкину исполняется 75 лет.

Анатолий Павлович – это не только известный ученый, но и отличный организатор, который возглавлял кафедру английского языка гуманитарных факультетов около 30 лет. Как руководитель, он обладает такими качествами, как ответственность, активность, честность, взвешенность решений. Анатолий Павлович имеет широкий кругозор, позволявший ему вырабатывать программу деятельности кафедры в соответствии с современными приоритетами.

А.П. Бабушкин всегда реагировал на настроения и мнения, возникающие в коллективе, умел качественно организовывать совместную трудовую деятельность. Анатолий Павлович обладает способностью убеждать и добиваться поддержки своих решений. Это отзывчивый, внимательный и бесконфликтный руководитель.

Анатолий Павлович умело сочетает глубокие научные исследования и преподавательскую деятельность. Его занятия неизменно получают блестящие отзывы аспирантов, так как организованы на высоком профессиональном уровне и проходят в доброжелательной и дружественной атмосфере. Это талантливый педагог, пользующийся авторитетом у своих учеников. Под руководством А.П. Бабушкина подготовлено 5 кандидатов наук.

А.П. Бабушкин – опытный, мудрый и высококвалифицированный педагог и наставник. Желаем Анатолию Павловичу счастья, благополучия и долгих лет активной жизни.

*А.Б. Пешкова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
гуманитарных факультетов ВГУ*

ЧЕЛОВЕК ГЛУБОКОЙ ПОРЯДОЧНОСТИ

У каждого человека в жизни есть люди, к которым применимо слово «первый». Таким человеком на пути профессионального становления для многих безусловно, является профессор Анатолий Павлович Бабушкин.

Из каких качеств складывается ученый и педагог? Кроме необходимого научного потенциала, это еще и невероятная работоспособность, гигантская сила воли, железная дисциплина, а еще, конечно, умение окружить себя заинтересованными людьми и передать им знания, накопленные за много лет. Своим примером профессор А.П. Бабушкин на протяжении всего своего профессионального пути вдохновляет коллег на достижения в научной и педагогической сфере. Ведь становление нового поколения преподавателей невозможно без использования профессионального опыта ведущих преподавателей, т.е. без той самой преемственности поколений, которой старается следовать Анатолий Павлович на протяжении всей своей профессиональной деятельности. Несмотря на то, что учебный материал меняется непрерывно, окружающий мир развивается динамично, меняется атмосфера в учебном заведении и в стране в целом, Анатолий Павлович ярко демонстрирует свои умения гибко мыслить, понимать и осознавать сложные процессы в сфере науки, образования и воспитания.

Профессор А.П. Бабушкин входит в состав межпоколенческого сообщества ученых Воронежского госуниверситета, постоянно стремящихся к повышению качества образования, вовлеченных в процесс открытия и распространения знания и несущих ответственность за то, чтобы знание использовалось для создания успешного профессионального будущего выпускников вуза.

На протяжении многих лет профессор А.П. Бабушкин являлся и является центральной фигурой сначала общеуниверситетской кафедры английского языка, а затем кафедры ан-

глийского языка гуманитарных факультетов, демонстрируя великолепные качества лидера.

Долгие годы профессор Бабушкин занимал должность заведующего кафедрой. Многочисленные реорганизации, нововведения, постоянно изменяющиеся условия работы (особенно в условиях пандемии) Анатолий Павлович неизменно принимал на свои плечи, неся огромную ответственность за учебный процесс, который за время его руководства кафедрой ни разу не дал сбой, всегда был выстроен грамотно и максимально эффективно. Он успешно сочетал организационную и управленческую деятельность, активно участвовал в университетской жизни.

Будучи на протяжении долгих лет руководителем подразделения, Анатолий Павлович всегда оставался Человеком с большой буквы – мудрым, справедливым, отзывчивым, всегда открытым к конструктивному и доверительному диалогу.

Все то, что не вмещалось в содержание и проблематику его научных работ, находило свое отражение в стихах профессора Бабушкина. Изысканный стиль, безупречное владение языком, яркие метафоры и многогранные образы – вот то, что отличает поэзию Анатолия Павловича. Слушая его стихи в авторском исполнении, чувствуешь всю глубину его души.

Мы знаем и ценим профессора А.П. Бабушкина как высокого профессионала с безупречной репутацией и уникальным опытом, коллегу и настоящего соратника и выражаем ему самую сердечную благодарность за его многолетнюю плодотворную работу на благо кафедры и его вклад в развитие нашего факультета и всего университета.

Годы работы под руководством Анатолия Павловича – это сама жизнь, жизнь кафедры, коллектива, наполненная событиями, духом единения, чувством уверенности и надежности. Замечательный ученый и практик, великолепный лингвист, переводчик и преподаватель, Анатолий Павлович является человеком глубокой порядочности и доброжелательного

отношения к людям, профессионалом высочайшего класса, вызывающим чувство уважения и восхищения!

*И.В. Беглова, И.Ю. Соловьева,
доценты кафедры английского языка
гуманитарных факультетов ВГУ*

**НАШ ЗАВЕДУЮЩИЙ
(НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РАБОТЕ
ПОД РУКОВОДСТВОМ А.П. БАБУШКИНА)**

Сотрудникам кафедры английского языка гуманитарных факультетов, ведущим занятия у студентов-филологов, повезло, пожалуй, больше остальных: помещение кафедры располагается в одном корпусе с филологическим факультетом, и долгое время мы жили с ощущением, что ходим не из дома на работу, а из дома домой. Эту теплую, уютную – поистине домашнюю – атмосферу создавало постоянное присутствие на кафедре ее многолетнего заведующего, Анатолия Павловича Бабушкина. Присутствие даже в те дни, когда у него не было занятий, назначенных встреч – но он приходил, потому что кафедра в университете для него тоже была, в общем-то, домом. Работал с документами, обдумывал исследования, редактировал статьи, принимал аспирантов – все делал очень тщательно и вдумчиво. Профессионально.

Его отношение к людям исключительно корректно. Не было случая, чтобы он повысил голос – хотя порой, возможно, и надо было, заслужили. Но он не позволял себе ни резких интонаций, ни могущих хоть в какой-то степени оскорбить человека слов. И, знаете, доходило. Холодный тон, спокойно выраженное неудовольствие, да и просто чисто человеческое расстройство, огорчение, которое читалось в его облике, когда надо было пожурить кого-то за допущенный промах – действовали безотказно.

Мы начинали работу на кафедре будучи еще совсем молодыми, если не сказать – юными. Всегда внимательный, интеллигентный, с тонким чувством юмора, Анатолий Павлович отно-

сился к нам с поистине отеческой заботой: встречал вопросами о самочувствии, о новостях в жизни, о здоровье близких – даже про домашних питомцев помнил, переживал, когда они болели. Щедро делился жизненным опытом, рассказывал много историй из своей переводческой практики – и мы с ним вместе смеялись над увиденным в меню новгородской столовой Crimson sake – малиновым чизкейком, или обращением к туристам в туалете египетской Хургады «Please, no tips», переведенном на русский «Пожалуйста, никаких подсказок». Обсуждали вывески на английском языке в Воронеже. Смеялись и говорили о том, как важно донести до студентов, что в наш век автоматизации, рационализации, когда, казалось бы, на все есть готовые решения и доступны они в один клик – нельзя полагаться на компьютерные «подсказки». Что особенно ценным по-прежнему остается умение думать, вникать, понимать. Умение быть человеком.

Покинув пост заведующего, Анатолий Павлович продолжает трудиться на кафедре, но видимся мы теперь с ним, к сожалению, гораздо реже. Тем больше понимаешь ценность этого общения, тем радостнее наши встречи.

Спасибо Вам, Анатолий Павлович. Спасибо и низкий поклон!

*Л.Ю. Гончарова, Е.Н. Верещагина,
кандидаты исторических наук,
преподаватели кафедры английского языка
гуманитарных факультетов ВГУ*

«ЕСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ САМООТДАЧА...»

Кафедра английского языка появилась в моей жизни более десяти лет назад, когда меня, студента четвертого курса, направили проходить практику, т.к. в это время на кафедре оказалась нагрузка, которую нужно было срочно выполнять.

Профессор А.П. Бабушкин, заведовавший кафедрой в то время, обратился на факультет РГФ с просьбой найти преподавателя (или хотя бы студента), чтобы на какое-то время обес-

печить выполнение учебных поручений. С радостью принял такое неожиданное предложение факультета.

Конечно, я немного знал профессора Бабушкина (какое-то время мы даже жили в одном доме), был знаком с рядом его трудов, но новый вид работы и дальнейшие перспективы были мне неизвестны.

Встретив меня, заведующий поинтересовался учебой, спросил о научных интересах и поставил задачи, которые предстояло решать. Словом, А.П. Бабушкин сразу же отнесся к студенту как к взрослому (неизменно обращаясь по имени-отчеству), наверное, он полагал, что на кафедре может появиться новый сотрудник. Работа на историческом факультете, куда я был направлен, запомнилась надолго, но особое впечатление произвело внимание, с которым Анатолий Павлович справлялся о ходе занятий, давал советы, вводил в курс дела. Вскоре после окончания университета я уже официально приступил к работе на кафедре. Так началось мое сотрудничество, общение, и, смею надеяться, дружба с Анатолием Павловичем Бабушкиным.

Профессор Бабушкин – известный в России исследователь. И хотя его докторская диссертация была защищена более четверти века назад, он и сейчас напряженно работает: выступает на конференциях, готовит статьи и монографии. Совсем недавно были пленарные доклады, оппонирование, командировки... Относиться к работе с полной отдачей – таков удел настоящих ученых, для которых смысл жизни определяют не регалии и формальная сторона признания, а научный поиск, интерес к новому.

Анатолий Павлович создал замечательную кафедру. Речь идет не столько о помещении (хотя обстановка и техническое оснащение кафедры – в значительной степени тоже заслуга её заведующего), сколько об атмосфере: многие коллеги по факультету начинали рабочий день с посещения кабинета Анатолия Павловича. Заходили посоветоваться, поделиться новостями, обменяться книгами, вспомнить прошлое. Сейчас Анатолий Павлович стал не так часто появляться на факультете, и, поверьте: многие, вспоминая эпизоды общения с ним, жалеют, что теперь встречаются гораздо реже.

Навсегда запомнился стиль Анатолия Павловича: желание помочь, оперативно решать возникающие проблемы. В интервью Л.Е. Кройчику, опубликованном в книге «Alma Mater», Анатолий Павлович сказал, что никогда не стукнет кулаком по столу. Беседа заканчивалась вопросом «А как к Вам относится Ваш коллектив?», на который Анатолий Павлович ответил: «Об этом вы спросите у коллектива». Уверен, что включенные в этот сборник статьи и материалы являются ответом на этот вопрос.

Дорогой Анатолий Павлович! С юбилеем! Благодарю Вас за пример творческой самоотдачи, трудолюбия, научного благородства, доброты, бескорыстного отношения к людям.

*П.Б. Кузьменко,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
гуманитарных факультетов ВГУ*

ПРОФЕССОР И ЕГО КНИГИ (ОТЗЫВ ЧИТАТЕЛЯ)

Я очень благодарен профессору Анатолию Павловичу Бабушкину за то, что он пригласил меня работать на кафедру английского языка гуманитарных факультетов. Наша совместная деятельность началась с работы над учебно-методическим пособием «В мире искусства». Анатолий Павлович дал мне тогда книгу, подобных которой я никогда до этого не видел – детскую энциклопедию на английском языке. Она была издана в Индии. Я узнал, что Анатолий Павлович работал в этой стране переводчиком. Энциклопедия была замечательная: красочная, написанная доступным, ориентированным на школьников и в то же время достаточно научным языком. Анатолий Павлович старался сделать и наше пособие похожим на нее, наполнив его научно-популярными текстами, посвященными различным темам, связанным с искусством. Получилось путешествие в историю, начинающая с древнейших времен и до наших дней. Анатолий Павлович,

используя английский язык, как будто открывал перед студентами филологического факультета тот путь, который прошло мировое искусство. Студенты должны были приобщаться к культурному опыту человечества не вдруг, а постепенно, вчитываясь в повествование о величайших мастерах искусства и их шедеврах.

Таково и в целом научное творчество Анатолия Павловича. Излагая результаты своих научных изысканий, он превращается в рассказчика, мастерски владеющего словом, искусством вести увлекательное повествование. Его статьи при всей их глубине и научности (а имя Анатолия Павловича звучит всегда и везде, когда ученые обсуждают проблемы, входящие в круг его интересов) будут интересны и понятны любому думающему и читающему человеку русской культуры. Примеры, которыми Анатолий Павлович иллюстрирует свои тезисы, являются результатом тонкой работы увлеченного своим делом ученого, вдумчивого читателя и внимательного слушателя и собеседника – все эти качества Анатолий Павлович блестяще сочетает в своей работе. Иначе как объяснить, что на страницах его статей, посвященных связям языка с человеческим сознанием и познанием человеком мира, появляются и начинают играть всеми красками жизни фольклорные и кинематографические персонажи, герои любимых классических книг и современных детективов? Читая эти статьи, мы, безусловно, должны «включать левое полушарие», логику, анализировать, стараться уследить за ходом непростого рассуждения... И в то же самое время мы получаем эстетическое удовольствие, как от чтения хорошей художественной книги, приобщаемся к прекрасному русскому литературному языку, расширяем свой кругозор, уходя в манящие дали разных областей человеческого знания и опыта. И мы с нетерпением ждем новые работы Анатолия Павловича. Нам, живущим сегодня в стремительной гонке дел, событий, информационных сообщений, как воздух необходимо такое размеренное, неторопливое чтение, обогащающее нас духовно. А подчас и заставляющее нас просто улыбнуться – меткому выражению, юмору, игре языка и мысли. Так ли часто мы улыбаемся, читая научные труды? Такая улыбка – без преувели-

чения – терапия для уставшего от научных и педагогических трудов филолога. А для читателя, не обремененного чемоданами филологического знания, – хороший повод заинтересоваться и чуть больше узнать, чуть больше прочитать. Ведь с улыбки, как известно, начинается дружба. А если это будет дружба с книгами, с наукой, пусть и в популярном ее варианте? Думаю, само содержание работ Анатолия Павловича позволяет нам назвать его популяризатором филологической науки. Хочется надеяться, что эти работы дойдут до более широкого круга читателей и еще не для одного человека откроют мир слова и книг.

Конечно, сам автор по-настоящему любит книги и чтение. Недаром мы нередко, входя в кабинет, застаем его за чтением, получаем от него в подарок замечательные книги (отдельная благодарность!). Анатолию Павловичу мы обязаны и той атмосферой библиотеки, которая сложилась у нас на кафедре, когда мы сами и гости нашей кафедры можем запросто подойти к книжному шкафу, открыть – и заглянуть в глубины разных областей гуманитарного знания. Сказано: «Книги – корабли мысли». В таком случае наша кафедра служила и будет служить им надежной гаванью!

Я поздравляю Анатолия Павловича с юбилеем и от всего сердца желаю ему крепкого здоровья, добра, благополучия и новых творческих успехов!

В.Н. Картавцев,
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры английского языка
гуманитарных факультетов ВГУ

БЛАГОДАРНА СУДЬБЕ

Впервые я встретила с Анатолием Павловичем Бабушкиным в 1995 году, придя работать на кафедру английского языка после окончания факультета РГФ. Анатолий Павлович, будучи заведующим кафедрой, поразил своими личными и

профессиональными качествами. Это первое впечатление сохраняется и по сей день. За 28 лет совместной работы ни разу не видела Анатолия Павловича в плохом расположении духа, он всегда уравновешенный, отзывчивый, тактичный, готовый поделиться своим бесценным опытом с коллегами.

Сам факт эффективного руководства большой кафедрой на протяжении почти 30 лет говорит об отличных деловых качествах Анатолия Павловича, умении находить компромиссные решения в сложных ситуациях, сглаживать конфликты, быстро и оперативно принимать решения. Анатолий Павлович всегда спокойно и деликатно решает сложные проблемы и регулирует конфликты оперативно и безболезненно, что, безусловно, положительно отражается на созидательной деятельности всей нашей кафедры. Интеллигентность, деликатность, высокая степень ответственности, целеустремленность, творческий подход к делу отличают Анатолия Павловича.

Активно занимаясь научной работой, Анатолий Павлович вносит значительный вклад в развитие когнитивной лингвистики.

Благодарна судьбе за то, что на моем жизненном и профессиональном пути встретился такой чуткий, отзывчивый, внимательный, мудрый человек, Ученый и Учитель!

*Е.С. Селезнева,
старший преподаватель кафедры английского языка
гуманитарных факультетов ВГУ*

МУДРЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Знакомство с Анатолием Павловичем Бабушкиным, ученым и педагогом, состоялось, когда мы были студентами выпускного курса факультета РГФ ВГУ. Яркие примеры украшали преподаваемый теоретический курс, будили в нас интерес к живому слову. Мы могли наблюдать глубину научной мысли,

широкую эрудицию, безграничную преданность выбранному пути и постепенно учиться у мастера ремеслу.

В должности заведующего кафедрой английского языка А.П. Бабушкин стал для нас примером неравнодушного, дипломатичного, мудрого и ответственного руководителя, уважительного, корректного, дружелюбного и внимательного наставника. «Вы всегда первые», – говорила сотрудник библиотеки, подписывая рабочие программы дисциплины. «Мы любим нашего заведующего», – отвечала я.

Анатолий Павлович Бабушкин является для коллег высоким ориентиром: он автор интересных учебных пособий для аспирантов и студентов, обучающихся по гуманитарным специальностям, имеет внушительный список научных работ, его имя включено включено в Воронежскую историко-культурную энциклопедию. А еще он военный переводчик и поэт (Анатолий Павлович скромно делится своим творчеством и изредка одаривает коллег стихами).

Сфера научных интересов А.П. Бабушкина обширна: сопоставительные исследования, когнитивная лингвистика, языковая игра, исследования реальных и «возможных» миров – это далеко не полный перечень проблем, интересующих ученого.

Анатолий Павлович ищет и находит универсалии как в науке, так и в жизни. Стиль повествования А. П. Бабушкина ясен, логичен и точен. Его выступления на конференциях – награда для коллег, они не только приумножают наш интеллектуальный запас, но и радуют душу.

По определению Д. С. Лихачева, жизнь – это, прежде всего, творчество. И своим примером Анатолий Павлович призывает нас к созидательному творческому процессу.

В.В. Юмашева,
старший преподаватель кафедры английского языка
гуманитарных факультетов ВГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Научная орбита А.П. Бабушкина: от реального к возможным мирам (<i>О.О. Борискина, П.Б. Кузьменко</i>)	4
Проблемы общего языкознания	13
Типы языковых знаков в семиотическом аспекте	13
Функции приложения	33
Имена известных лиц в роли псевдоидентификаторов	40
Опосредованное градуирование	49
Эффект «испорченного телефона» в понимании и интерпретации речевого высказывания	58
Вопросы когнитивной лингвистики	68
Способы объективации лексических концептов	68
Категоризация антропоморфных артефактов	84
Типизированные «сценарии» профессиональных действий в составе сравнительных оборотов	93
Проблемы перевода	102
Две «Лолиты»	102
Юмор «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова в английской аранжировке	113
«Плоды просвещения» на ниве «Страны чудес» (в пересказе с английского Б. Заходером)	127
Имена собственные: первичное и вторичное словотворчество	141
«Трое в лодке» Д.К. Джерома на русском языке: идиоматическое перенасыщение текста оригинала	149

Поздравления коллег	157
Профессор А.П. Бабушкин – личность творческая (В.С. Листенгартен)	157
Анатолий Бабушкин – ученый и поэтический летописец научных событий (М.А. Стернина)	159
«Давайте говорить друг другу комплименты...» (Л.В. Величкова)	165
Анатолий Павлович Бабушкин: штрихи к портрету (В.В. Корнева)	166
Пусть будет славным юбилей! (О.Б. Полянчук)	168
Одухотворенная мудрость (А.Б. Пешкова)	169
Человек глубокой порядочности (И.В. Беглова, И.Ю. Соловьева)	170
Наш заведующий (несколько слов о работе под руководством А.П. Бабушкина) (Л.Ю. Гончарова, Е.Н. Верецагина)	172
«Есть в творчестве самоотдача...» (П.Б. Кузьменко)	173
Профессор и его книги (отзыв читателя) (В.Н. Картавцев) ..	175
Благодарна судьбе (Е.С. Селезнева)	177
Мудрый руководитель (В.В. Юмашева)	178

Научное издание

Анатолий Павлович Бабушкин

О языке, когнитии и переводе

Избранные работы

Издательство «НАУКА-ЮНИПРЕСС»

394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,4. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства

В аудитории ВГУ

С проф. Н.Н. Болдыревым на международной конференции
в г. Гданьск (Польша)

С проректором по науке НГЛУ В.Г. Тихоновым на международной конференции в Н. Новгороде (Alma Mater А.П. Бабушкина)

Защита докторской диссертации, 1998 г.

С проф. И.Н. Гореловым (в центре) после научной конференции
в ВГУ

С профессорами М.А. Стерниной и З.Д. Поповой
на кафедре общего языкознания и стилистики ВГУ

На симпозиуме по когнитивной лингвистике в Тамбове
(четвертая справа в первом ряду – Е.С. Кубрякова)

С членами диссертационного совета по теории языка

С проф. З.Д. Поповой на заседании диссертационного совета
31.05.2007

С проф. А.М. Ломовым на заседании диссертационного совета
29.12.2016

С профессорами О.Н. Чарыковой и В.Ю. Копровым на открытии конференции, посвященной сопоставительным исследованиям
05.02.2015

Кафедра английского языка гуманитарных факультетов
26.06.2017

На праздновании 70-летнего юбилея проф. И.А. Стернина (2018)

С доц. П.Б. Кузьменко на презентации Научной школы
проф. З.Д. Поповой 25.05.2018

С кафедрой на праздновании 70-летнего юбилея, март 2019 г.

С доц. В.С. Листенгартеном на презентации книги
«Иосиф Стернин: Учёный. Педагог. Просветитель. Человек»
29.04.2023